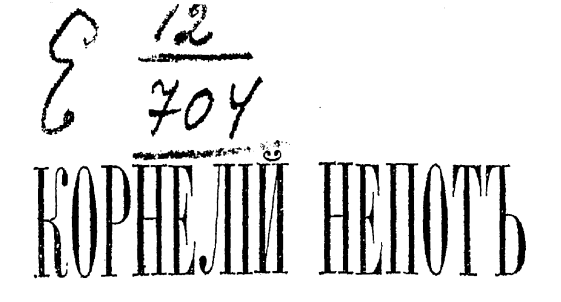


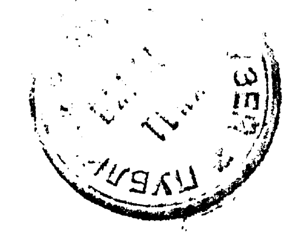
КОРНЕЛІЙ НЕПОТЪ

ДЛЯ

ИЗУЧАЮЩИХЪ ЛАТИНСКІЙ ЯЗЫКЪ БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ

ВЪ ПОДСТРОЧНОМЪ ПЕРЕВОДѢ

К. Я. БѢЛИЦКАГО.



ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Одесса.
Тип. Ульриха и Шульце, Красный переулокъ, № 3.
1877.

Дозволено цензурою. Одесса, 7 Сентября 1877 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я не сомнѣваюсь, Аттикъ, что найдутся очень многіе, которые сочтутъ этотъ родъ сочиненія маловажнымъ и недовольно достойнымъ личности величайшихъ мужей, когда прочтутъ въ разсказѣ, кто училъ Эпаминонда музыкѣ, или, что въ числѣ его достоинствъ упоминаетъ, какъ онъ ловко танцовалъ и искусно игралъ на флейтѣ. Но это будутъ по большей части тѣ, которые, не зная греческой литературы ничего не станутъ считать хорошимъ, кромѣ того, что согласно съ ихъ собственными обычаями. Впрочемъ, если они знаютъ, что не одно и тоже для всѣхъ и благопристойно, и позорно, но что все оцѣнивается по обычаямъ предковъ, то не удивятся что мы въ изложеніи достоинствъ грековъ слѣдовали ихъ нравамъ. По этому е было постыдно Кимону, одному изъ величайшихъ мужей изъ аѳинянъ имѣть въ супружествѣ родную сестру, такъ какъ его сограждане пользовались тѣмъ же обычаемъ между тѣмъ какъ по нашимъ нравамъ это считается преступленіемъ. И не было въ Лакедемонѣ ни одной столь благородной вдовы, которая не вышла бы на сцену, побужденная наградой. Во всей Греціи относились съ великими похвалами къ тому, кто провозглашался побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ; а выходить на сцену и служить зрѣлищемъ народу, никому у этихъ племенъ не было безчестіемъ; между тѣмъ какъ все это считается у насъ отчасти безславнымъ, отчасти низкимъ и несообразнымъ съ благопристойностію. Напротивъ того весьма многое по нашимъ нравамъ прилично, что у нихъ считается позоромъ. Ибо кто изъ Римлянъ стыдится привести свою жену на пиръ, или какая мать семейства не занимаетъ перваго мѣста въ домѣ и не посѣщаетъ общества? Но совершенно иначе дѣлается въ Греціи; ибо тамъ женщина не допускается на пиръ, развѣ только къ родственникамъ и нигдѣ не можетъ

находиться кромѣ самой внутренней части дома, которая называется гинекеемъ и куда никто не входитъ, развѣ самый ближайшій родственникъ. Но дальше распространяться мѣшаетъ мнѣ объемъ книги и желаніе скорѣе изложить то, что я предпринялъ, и потому я приступлю къ дѣлу и изложу въ этой книгѣ жизнеописаніе славнѣйшихъ полководцевъ.

I. МИЛЬТІАДЪ.

I гл.

Въ то время, когда Мильтіадъ сынъ Кимона, Аѳинянинъ, наиболѣе между всѣми процвѣталъ и древностію рода, и славою предковъ и своею скромностью и былъ въ такомъ возрастѣ, что его сограждане уже могли не только ожидать отъ него многаго, но даже и надѣяться, что онъ и въ будущемъ останется такимъ, какимъ они считали его, узнавъ его по опыту,—случилось, что аѳиняне захотѣли послать колонистовъ въ Херсонесъ. И такъ какъ этого рода людей было большое число, и многія искали участія въ этомъ переселеніи, то выбранные изъ нихъ были посланы въ Дельфы для совѣщанія и для того, чтобы спросить Аполлона, какимъ предводителемъ имъ лучше всего воспользоваться, такъ какъ этими странами владѣли тогда ѳракійцы, съ которыми нужно было воевать. Этимъ спрашивающимъ Пиѳія предписала избрать себѣ вождемъ именно Мильтіада и, если они это сдѣлаютъ, то предпріятіе будетъ счастливо. Когда, вслѣдствіе этого отвѣта оракула, Мильтіадъ съ избраннымъ отрядомъ, отправившись водою въ Херсонесъ, прибылъ въ Лемносъ и, желая жителей этого острова привести въ повиновеніе аѳинянамъ, требовалъ, чтобы лемносцы это сдѣлали добровольно, — то они отвѣтили смѣясь, что они тогда это сдѣлаютъ, когда онъ, отправляясь изъ

разбилъ аѳинянъ, которые уже 26 лѣтъ вели войну съ пелопоннесцами. Но, какимъ образомъ онъ этого достигъ не извѣстно. Ибо это не случилось вслѣдствіе храбрости его войска, но по недостатку дисциплины у враговъ, которые — такъ какъ они не повиновались своимъ полководцамъ — разсѣявшись по полямъ и оставивши свои корабли, подпали подъ власть непріятелей. Вслѣдствіе этого аѳиняне сдались лакедемонянамъ. Лизандръ, возгордившись этой побѣдой — такъ какъ онъ и прежде былъ всегда властолюбивъ и смѣлъ—далъ себѣ такъ много воли, что чрезъ его поступки лакедемоняне возбудили противъ себя величайшую ненависть Греціи. Ибо, хотя лакедемоняне утверждали, что они имѣютъ тотъ поводъ къ войнѣ, *чтобы сокрушить необузданное господство аѳинянъ*, однако Лизандръ, завладѣвши флотомъ непріятелей у р. Эгосъ, не стремился ни къ чему другому, какъ только къ тому, чтобы держать всѣ государства подъ своей властью, хотя онъ показывалъ видъ, что дѣлаетъ это для лакедемонянъ. Ибо, изгнавши отсюда тѣхъ, которые были на сторонѣ аѳинянъ, онъ избралъ 10 человѣкъ въ каждомъ государствѣ, которымъ ввѣрилъ верховную власть и управленіе всѣми дѣлами. Въ число ихъ никто не допускался, если не былъ съ нимъ соединенъ гостепріимствомъ или не утвердилъ клятвою, что будетъ ему преданъ.

II гл.

И такъ, когда децемвиральная власть была установлена во всѣхъ городахъ, все дѣлалось по его мановенію. Относительно его жестокости и вѣроломства довольно привести въ примѣръ одинъ поступокъ, чтобы не утомлять читателя исчисленіемъ многаго объ одномъ и томъ же. Когда онъ возвращался побѣдителемъ изъ Азіи и заѣхалъ на островъ Ѳазосъ, — то сильно пожелалъ разорить его, потому что онъ особенно былъ вѣренъ аѳинянамъ, какъ будто тѣ бываютъ обыкновенно вѣрнѣйшими дру-

ьями, которые были постоянными врагами. Но онъ увидѣлъ, что, если онъ не скроетъ своего желанія относительно этого, ѳазійцы разсѣются и скроютъ свое имущество въ безопасномъ мѣстѣ; — по этому . . . . .

III гл.

Лакедемоняне отмѣнили установленную имъ отъ ихъ имени децемвиральную власть. Возбужденный досадой, онъ рѣшился уничтожить царей лакедемонянъ; но думалъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать безъ помощи боговъ, потому что лакедемоняне имѣли обыкновеніе обращаться во всемъ къ оракуламъ за совѣтомъ. По этому онъ старался сперва подкупить Дельфы. Когда онъ не могъ этого сдѣлать, обратился въ Додону. Отсюда также отвергнутый, онъ объявилъ, что сдѣлалъ обѣтъ, который долженъ исполнить относительно Юпитера Аммона, думая, что легче подкупить африканцевъ. Когда онъ въ этой надеждѣ отправился въ Африку, жрецы этого Юпитера весьма его обманули. Ибо, не только ихъ нельзя было подкупить, но они даже послали въ Лакедемонъ пословъ, которые обвинили Лизандра въ томъ, что онъ старался подкупить жрецовъ храма. Обвиненный въ этомъ преступленіи и оправданный рѣшеніемъ судей, онъ былъ посланъ на помощь орхоменянамъ и убитъ ѳиванцами при Галіартѣ. На сколько справедливо было то обвиненіе, служитъ доказательствомъ рѣчь, которая послѣ смерти была найдена въ его домѣ, въ которой онъ убѣждаетъ лакедемонянъ, *чтобы уничтоживши царскую власть, они избрали его изъ всѣхъ вождемъ для веденія войны*; но она (рѣчь) такъ была написана, что казалось, какъ будто бы онъ соображается съ рѣшеніемъ боговъ, такъ какъ онъ, надѣясь на деньги, не сомнѣвался въ томъ, что получитъ его. Говорятъ, что эту рѣчь написалъ ему Клеонъ Галикарнасскій.

IV гл.

Здѣсь не должно также пройти молчаніемъ по-

ступка Фарнабаза, царскаго сатрапа. Ибо, когда Лизандръ, начальникъ флота, во время войны поступалъ часто жестоко и корыстолюбиво, и подозрѣвалъ, что объ этомъ донесли его согражданамъ, онъ просилъ Фарнабаза, *чтобы тотъ ему далъ свидѣтельство къ эфорамъ, съ какимъ безкорыстіемъ онъ велъ войну и какъ поступалъ съ союзниками, и чтобы онъ написалъ объ этомъ обстоятельно, (говоря), что его удостовѣреніе въ этомъ дѣлѣ будетъ очень важно.* Этотъ ему охотно обѣщаетъ, пишетъ длинное, подробное письмо, въ которомъ превозноситъ его великими похвалами. Когда Лизандръ его прочелъ и одобрилъ, Фарнабазъ, пока оно запечатывалось, подложилъ такой же величины и такого сходства, что нельзя было отличить, другое запечатанное письмо, въ которомъ онъ очень обстоятельно обвинялъ его въ корыстолюбіи и вѣроломствѣ. Лизандръ возвратившись отсюда домой, и разсказавши, что хотѣлъ, о своихъ дѣлахъ начальству (эфорамъ) передалъ, какъ удостовѣреніе письмо данное ему Фарнабазомъ. Когда эфоры, удаливши Лизандра, прочли его, то дали и ему самому прочесть. И такъ онъ самъ былъ своимъ обвинителемъ, не зная этого.

VII. АЛКИВІАДЪ.

I гл.

Алкивіадъ, сынъ Клинія, аѳинянинъ. Кажется, на немъ природа испытала, что она можетъ сдѣлать. Ибо, всѣ которые повѣствуютъ о немъ, согласны, что никто не превосходилъ его ни въ порокахъ, ни въ добродѣтеляхъ. Онъ родился въ могущественнѣйшемъ государствѣ, отъ знатной фамиліи, былъ красивѣе всѣхъ своихъ ровесниковъ, способенъ ко всему и весьма благоразуменъ (ибо онъ былъ превосходнымъ начальникомъ на морѣ и на сушѣ); былъ краснорѣчивъ, такъ что преимущественно имѣлъ вліяніе вслѣдствіе силы своего слова; и его произ-

ношеніе и рѣчь были такъ привлекательны, что никто не могъ ему противостоять, когда онъ говорилъ. Потомъ, когда этого требовало время, онъ былъ трудолюбивъ, терпѣливъ, щедръ, роскошенъ не менѣе въ общественной жизни, чѣмъ въ домашней; привѣтливъ, вкрадчивъ и очень ловко примѣнялся къ обстоятельствамъ. И онъ же, какъ только отдохнулъ и не было причины, чтобы переносить умственный трудъ,—оказывался расточительнымъ, вѣтреннымъ, сладострастнымъ и невоздержнымъ, такъ что всѣ удивлялись, какъ въ одномъ человѣкѣ находится такое несходство и такія противуположныя качества.

II гл.

Онъ воспитывался въ домѣ Перикла (ибо былъ, говорятъ, его пасынокъ) и учился у Сократа; имѣлъ тестя Гиппоника, человѣка самаго богатаго изъ всѣхъ говорящихъ греческимъ языкомъ, такъ что, если бы онъ самъ захотѣлъ выдумать для себя состояніе, то не могъ бы ни придумать большихъ благъ, ни получить больше того, чѣмъ счастье или природа его надѣлили . . . .

III гл.

Во время Пелопоннесской войны, аѳиняне по его совѣту и вліянію объявили войну сиракузянамъ, для веденія которой онъ самъ былъ избранъ вождемъ. Кромѣ того были ему даны два товарища: Никій и Ламахъ. Когда приготовлялись къ войнѣ — еще прежде, чѣмъ вышелъ флотъ — случилось, что въ одну ночь всѣ Гермесы, находящіеся въ городѣ Аѳинахъ, были свергнуты, кромѣ одного, который былъ предъ дверью Андоцида, и назывался Гермесомъ Андоцида. Такъ какъ было очевидно, что это сдѣлалось не безъ соумышленія многихъ, и по этому относилось не къ частнымъ, а общественнымъ дѣламъ,—то это навело большой страхъ на толпу, чтобы не проявилась внезапно какая-нибудь сила въ государствѣ, которая положила бы конецъ свободѣ народа.

Это, казалось, наиболѣе падало на Алкивіада, потому, что онъ считался и болѣе могущественнымъ и сильнымъ, чѣмъ частное лицо, ибо многихъ онъ привязалъ къ себѣ щедростью, а еще большее число расположилъ къ себѣ чрезъ свою судебную дѣятельность. Вслѣдствіе этого произошло то, что, сколько бы разъ онъ ни выходилъ въ публичное мѣсто, онъ обращалъ на себя глаза всѣхъ и никто не считался равнымъ ему въ государствѣ. По этому не только многаго отъ него надѣялись, но и боялись его, такъ какъ онъ могъ быть и весьма полезнымъ и весьма вреднымъ. Кромѣ того, онъ обезславился тѣмъ, что въ его домѣ, какъ говорили, совершались тайные религіозные обряды, что считалось преступленіемъ по обычаю аѳинянъ; и они полагали, что это касается не религіи, а заговора.

IV гл.

По причинѣ этого преступленія, его враги порицали его въ народномъ собраніи. Между тѣмъ приближалось время отправиться на войну. Алкивіадъ, имѣя это обстоятельство въ виду и зная обыкновеніе своихъ согражданъ, требовалъ, *чтобы они—если хотятъ его судить — лучше произвели слѣдствіе въ его присутствіи, нежели чтобы онъ, въ отсутствіи, былъ обвиненъ завистниками* (по поводу зависти). Но враги его, понимая, что они не могутъ ему причинить вреда, рѣшили, что надобно имъ оставаться спокойными и ожидать время, когда онъ уѣдетъ, чтобы такимъ образомъ начать свое обвиненіе противъ него, отсутствующаго: они такъ и сдѣлали, ибо, когда они полагали, что онъ уже прибылъ въ Сицилію, то обвинили его, въ его отсутствіи, что онъ осквернилъ священные предметы. Когда, по этому дѣлу, былъ посланъ къ нему вѣстникъ отъ правительства въ Сицилію, чтобы онъ возвратился домой оправдаться, и онъ былъ въ большой надеждѣ счастливо исполнить данное ему порученіе,—то не хотѣлъ не повиноваться и сѣлъ на триремъ, который былъ посланъ для до-

ставленія его. Прибывши на немъ въ Италію, въ городъ Туріи, и взвѣсивши достаточно неумѣренное своеволіе своихъ согражданъ и жестокость къ знатнымъ, считая (вмѣстѣ съ тѣмъ) самымъ полезнымъ избѣгнуть угрожающей ему опасности,—ушелъ тайкомъ отъ своихъ стражей и оттуда прибылъ сперва въ Элиду, а потомъ въ Ѳивы. Но когда онъ услышалъ, что послѣ конфискаціи имѣнія онъ осужденъ на смерть и (какъ это былъ обычай) Эвмолпидскіе жрецы были принуждены народомъ предать его проклятію, и его копія, вырѣзанная на каменномъ столбѣ, была поставлена въ публичномъ мѣстѣ для того, чтобы оставить достовѣрнѣйшій о томъ памятникъ, — онъ переселился въ Лакедемонъ. Тамъ — какъ онъ самъ имѣлъ обыкновеніе говорить — *онъ велъ войну не противъ отечества, но противъ враговъ своихъ, потому что тѣ же были и враги отечества, ибо они изгнали его оттуда, хотя понимали, что онъ можетъ быть очень полезнымъ республикѣ, и повиновались больше своему гнѣву, нежели общему благу.* По этому, по его совѣту лакедемоняне заключили дружественный союзъ съ царемъ Персидскимъ, потомъ укрѣпили Декелію въ Аттикѣ, и поставивши тамъ постоянный гарнизонъ, держали Аѳины въ осадѣ. Съ его же содѣйствіемъ они отвлекли Іонію отъ союза съ аѳинянами, вслѣдствіе чего они (лакедемоняне) начали имѣть перевѣсъ въ войнѣ.

V гл.

Однакожъ они (лакедемоняне) чрезъ это не сдѣлались друзьями Алкивіада, а напротивъ, были враждебны ему изъ страха. Ибо, когда они замѣтили превосходную опытность этого проницательнѣйшаго мужа во всѣхъ дѣлахъ, то опасались, чтобы онъ, побужденный любовью къ отечеству, не оставилъ ихъ когда нибудь и опять не примирился съ своими (согражданами). Потому они рѣшили искать случая убить его. Это не могло долго скрываться отъ Алкивіада, ибо онъ былъ такъ проницателенъ, что

нельзя было обмануть его, особенно, когда онъ уже обратилъ вниманіе на то, чтобы остерегаться. Вслѣдствіе этого онъ отправился къ Тиссаферну, намѣстнику царя Дарія. Когда онъ вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу и увидѣлъ, что послѣ неудачнаго веденія войны въ Сициліи, силы аѳинянъ приходятъ въ упадокъ, а напротивъ, силы лакедемонянъ возрастаютъ, — онъ ведетъ сначала переговоры черезъ посредниковъ съ преторомъ Пизандромъ, который имѣлъ войско вблизи Самоса и упоминаетъ о своемъ возвращеніи, ибо онъ (Пизандръ) былъ такого же образа мыслей, какъ и Алкивіадъ: не расположенъ къ правленію народа и приверженецъ оптиматовъ. Покинутый этимъ, онъ былъ въ первый разъ принятъ войскомъ по содѣйствію Ѳразибула, сына Лика, и выбранъ вождемъ при Самосѣ. Потомъ по ходатайству Ѳерамена возвращаются ему всѣ права народнымъ рѣшеніемъ и онъ отсутствующій, назначается начальникомъ равной власти вмѣстѣ съ Ѳразибуломъ и Ѳераменомъ. Во время начальствованія ихъ произошла такая перемѣна обстоятельствъ, что лакедемоняне, которые недавно славились побѣдителями, устрашенные, просили мира: ибо они были побѣждены въ 5-ти сухопутныхъ и 3-хъ морскихъ сраженіяхъ, гдѣ и потеряли 200-ти триремъ, которыя, взятыя, перешли во власть аѳинянъ. Алкивіадъ вмѣстѣ съ товарищами взялъ назадъ Іонію и Геллеспонтъ, кромѣ того многіе греческіе города, расположенные на берегу Азіи, изъ которыхъ они нѣсколько покорили силой — въ томъ числѣ и Византію. Столько же (городовъ) они побудили къ союзу своимъ благоразуміемъ, такъ какъ они оказывали снисходительность плѣннымъ. Совершивши величайшіе подвиги и обогативши войска, они обремененные добычей отправились отсюда въ Аѳины.

VI гл.

Когда весь городъ вышелъ имъ на встрѣчу въ

Пирей, то такое желаніе было у всѣхъ видѣть Алкивіада, что народъ нахлынулъ къ его триремѣ, какъ будто бы онъ одинъ пріѣхалъ, ибо народъ былъ такого убѣжденія, что и прежнія несчастія и настоящее счастіе случились вслѣдствіе его содѣйствія. И такъ они приписывали своей собственной винѣ и потерю Сициліи, и побѣды лакедемонянъ, потому что изгнали такого мужа изъ государства. И они, казалось, не безъ причины такъ думали, ибо, послѣ того, какъ онъ принялъ начальство надъ войскомъ, непріятели не могли быть ему равносильными ни на сушѣ, ни на морѣ. Какъ только онъ вышелъ изъ корабля, всѣ провожали только его одного — хотя Ѳераменъ и Ѳразибулъ управляли тѣми же дѣлами и прибыли вмѣстѣ съ нимъ въ Пирей — и одарили его (Алкивіада) публично золотыми и бронзовыми вѣнками, что прежде не было въ употребленіи, развѣ только относительно олимпійскихъ побѣдителей. Такія доказательства расположенія своихъ согражданъ принялъ онъ со слезами, вспоминая непріятности прежняго времени. Прибывши въ городъ и созвавши народное собраніе, онъ сказалъ такую рѣчь, что никто не былъ на столько безжалостенъ, чтобы не плакать надъ его судьбою и не объяснить себя врагомъ тѣхъ, чьими происками онъ былъ изгнанъ изъ отечества, какъ будто бы другой народъ его осудилъ въ святотатствѣ, а не тотъ самый, который теперь плакалъ. По этому ему возвратили изъ общественной казны его имѣніе и заставили тѣхъ же Эвмолпидскихъ жрецовъ, которые его предали проклятію, снять проклятіе, между тѣмъ какъ колонны, на которыхъ проклятіе было написано, были брошены въ море.

VII гл.

Этотъ тріумфъ не очень былъ продолжителенъ для Алкивіада. Ибо, хотя ему присудили всѣ почести и передали управленіе всею республикою, какъ по гражданской, такъ и по военной части, для того, чтобы республика управлялась волею только одного лица,

и когда онъ самъ требовалъ чтобы ему дать двухъ сотрудниковъ, Ѳразибула и Адиманта, и ему въ этомъ не было отказано, — онъ снова подвергся недоброжелательству, потому что онъ, отправившись съ флотомъ въ Азію, повелъ дѣло при Киме не вполнѣ по общему желанію. Ибо полагали. что ничего нѣтъ, чего бы онъ не могъ сдѣлать. Отъ этого произошло, что его винѣ приписывали всѣ неудачи и говорили, что онъ дѣйствовалъ или небрежно или злонамѣренно. Такъ случилось и тогда, ибо его обвинили въ томъ. *что онъ, подкупленный царемъ, не захотѣлъ завладѣть городомъ Киме.* По этому мы полагаемъ, что ему преимущественно повредило слишкомъ высокое мнѣніе о его способностяхъ и храбрости. Ибо сколько его любили, столько же и боялись, чтобы онъ, гордясь своимъ счастіемъ и властью, не желалъ самовластнаго правленія. Вслѣдствіе этого случилось, что его, въ его отсутствіи, лишили должности и на его мѣсто назначили другаго. Когда онъ это услыхалъ, то не захотѣлъ болѣе возвратиться домой, а отправился въ Перинѳъ, укрѣпилъ тамъ три замка: Борны, Бизію и Макронтихи, и, собравши войско, первый изъ грековъ вторгнулся во Ѳракію, считая болѣе славнымъ, обогатиться добычею враговъ, чѣмъ грековъ. Этимъ поступкомъ онъ умножилъ какъ свою славу, такъ и богатство и пріобрѣлъ большую дружбу нѣкоторыхъ ѳракійскихъ царей.

VIII гл.

Однакожъ онъ не могъ отказаться отъ любви къ отечеству. Ибо, когда аѳинскій полководецъ Филоклъ расположилъ свой флотъ и не далеко находился Лизандръ, начальникъ лакедемонянъ, который стремился къ тому, чтобы какъ можно долѣе продлить войну, потому что имъ персидскій царь доставлялъ деньги, аѳинянамъ же, истощившимся уже, ничего болѣе не оставалось кромѣ оружія и кораблей —тогда Алкивіадъ пришелъ къ аѳинскимъ войскамъ

и началъ тамъ говорить въ присутствіи всего войска: *если они желаютъ, то онъ заставитъ Лизандра или сражаться, или просить мира; лакедемоняне, увѣрялъ онъ, потому не хотятъ сражаться на морѣ. что ихъ сухопутныя войска сильнѣе чѣмъ ихъ флотъ; для него же очень легко, побудить Сеута, Ѳракійскаго царя, чтобы онъ прогналъ лакедемонянъ съ суши; вслѣдствіе чего они должны будутъ или дать сраженіе на морѣ или прекратить войну.* Хотя Филоклъ понималъ, что это было справедливо сказано, однакожъ не хотѣлъ исполнить его требованія, потому что онъ предчувствовалъ, что не будетъ имѣть никакого значенія у войска если приметъ Алкивіада, и что въ случаѣ удачи не признаютъ его участія въ этомъ дѣлѣ, въ случаѣ же неудачи, его одного только обвинятъ въ этомъ преступленіи. Алкивіадъ, уходя отъ него, сказалъ: *такъ какъ ты противодѣйствуешь побѣдѣ отечества я тебя увѣщеваю, выбери мѣсто стоянія кораблей вблизи непріятеля. ибо угрожаетъ опасность, что, при недостаткѣ дисциплины въ нашемъ войскѣ, представится случай Лизандру побѣдить наши войска.* И Алкивіадъ не ошибся въ этомъ. Ибо Лизандръ, узнавши черезъ своихъ лазутчиковъ, что аѳинское войско отправилось на сушу для добычи, и корабли оставлены почти пустыми, не упустилъ удобнаго времени для сраженія и окончилъ всю войну этимъ нападеніемъ.

IX гл.

Алкивіадъ же, побѣдивши аѳинянъ и не считая своего дома достаточно безопаснымъ для себя мѣстомъ, удалился вглубь Ѳракіи выше Пропонтины, надѣясь, что ему можно будетъ здѣсь легче всего скрыть свою судьбу: напрасно. Ибо Ѳракійцы, замѣтивши, что онъ прибылъ съ большими богатствами, начали строить ему козни, и похитили все, что онъ принесъ съ собою, его же самаго не успѣли поймать. Видя, что нѣтъ безопаснаго для него мѣста въ Греціи по причинѣ большаго вліянія лакедемонянъ, онъ

перешелъ въ Азію къ Фарнабазу, котораго онъ такъ очаровалъ своимъ пріятнымъ обращеніемъ, что никто изъ его друзей не имѣлъ у него бо́льшаго значенія. И такъ онъ ему далъ Груній, укрѣпленный городъ во Фригіи, съ котораго онъ получилъ 50 талантовъ подати. Однако Алкивіадъ не былъ доволенъ этимъ положеніемъ и не могъ переносить, что побѣжденные Аѳины находятся подъ властью лакедемонянъ. Поэтому всѣ его мысли стремились къ тому, чтобы освободить отечество. Но онъ видѣлъ, что нельзя этого совершить безъ Персидскаго царя и потому пожелалъ сдѣлать его себѣ другомъ. Онъ не сомнѣвался, что легко можетъ достигнуть этого. еслибы ему только представился случай встрѣтиться съ царемъ. Ибо онъ (Алкивіадъ) зналъ, что братъ его (царя) Киръ съ помощью лакедемонянъ приготовляется тайно къ войнѣ противъ него и предвидѣлъ, что войдетъ у него въ большую милость. если это ему откроетъ.

X гл.

Когда онъ былъ занятъ этой мыслью и просилъ у Фарнабаза, чтобы онъ (Фарнабазъ) послалъ его къ царю, то въ тоже время Критій и остальные аѳинскіе тиранны прислали въ Азію къ Лизандру надежныхъ людей, чтобы его извѣстить, *что ни одно изъ его постановленій, сдѣланныхъ имъ въ Аѳинахъ, не прочно, если онъ не устранитъ Алкивіада; если же онъ желаетъ, чтобы осталось учрежденное имъ правленіе, то долженъ его (Алкивіада) преслѣдовать.* Лакедемонянинъ (Лизандръ), побужденный этимъ, рѣшилъ переговорить обстоятельнѣе съ Фарнабазомъ. По этому онъ ему объявляетъ, *что отношеніе, существующее между царемъ и лакедемонянами, далѣе существовать не можетъ и союзъ будетъ считаться недѣйствительнымъ, если онъ не выдастъ Алкивіада живымъ или мертвымъ.* Сатрапъ не отважился воспротивиться сему, и желалъ лучше нарушить обѣщанное покровительство, чѣмъ уменьшить власть царя. По этому онъ послалъ Сизамитра и Багая съ

цѣлью, умертвить Алкивіада, когда онъ еще былъ во Фригіи и приготовлялся въ путь къ царю. Посланные поручили тайно сосѣдямъ, гдѣ тогда жилъ Алкивіадъ, убить его; эти же, не осмѣливаясь напасть на него съ оружіемъ, нанесли ночью много дровъ вокругъ того домика, въ которомъ онъ спалъ, и подожгли его, чтобы огнемъ лишить жизни того, кого не надѣялись преодолѣть въ рукопашномъ бою. Алкивіадъ же проснувшись отъ треска огня, и *видя*, что его мечъ былъ у него тайно похищенъ, схватилъ кинжалъ своего друга, ибо былъ съ нимъ вмѣстѣ пріятель изъ Аркадіи, который не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Онъ велѣлъ ему слѣдовать за собою, и схватилъ то изъ одежды, что въ ту минуту было на лицо. Бросивши эти вещи въ огонь, онъ прошелъ черезъ пламя огня. Какъ только непріятели замѣтили издали, что онъ спасся отъ огня, то бросили за нимъ копья и убили его; голову же отнесли къ Фарнабазу, а женщина, которая жила обыкновенно съ нимъ вмѣстѣ, прикрыла его своимъ платьемъ и сожгла его тѣло въ пламени дома, которое было разведено для того, чтобы его умертвить живымъ. И такъ Алкивіадъ скончался приблизительно на сороковомъ году своей жизни.

XI гл.

Этого мужа, обезславленнаго очень многими, три важнѣйшихъ историка превозносили величайшими похвалами: Θукидидъ, который былъ его ровесникомъ; Θеопомпъ, родившійся немного позже, и Тимей, а именно два послѣднихъ, которые въ высшей степени злорѣчивы, не знаю какимъ образомъ, сошлись въ похвалахъ относительно его одного. Ибо они разсказывали о немъ то, что я выше упомянулъ, и кромѣ того еще слѣдующее: *Родившись въ Аѳинахъ, прекраснѣйшемъ городѣ, онъ превосходилъ всѣхъ аѳинянъ блескомъ и пышностью образа жизни; когда онъ, будучи изгнаннымъ, прибылъ въ Θивы, то предался въ такой степени любимымъ занятіямъ ѳиванъ*

что никто не могъ равняться съ нимъ въ любви къ труду и въ физической силѣ. Ибо всѣ віотіяне заботятся болѣе о силѣ своего тѣла, чѣмъ о проницательности ума. — *Будучи у лакедемонянъ, по обычаямъ которыхъ высочайшая добродѣтель состояла въ терпѣливости, онъ такъ предался суровому образу жизни, что превосходилъ всѣхъ лакедемонянъ простотою пищи и одежды. Онъ жилъ у ѳракійцевъ, людей преданныхъ пьянству и сладострастью, и превосходилъ ихъ въ томъ отношеніи. — Онъ прибылъ къ персамъ, у которыхъ считается величайшей славой смѣло ловить звѣрей и роскошно жить, и такъ подражалъ ихъ образу жизни, что они сами ему чрезвычайно удивлялись. Этимъ онъ достигъ того, что у кого бы ни былъ, считался первымъ и весьма желаннымъ.* Но довольно о немъ; приступимъ къ остальнымъ.

VIII. ѲРАЗИБУЛЪ.

I гл.

Ѳразибулъ, сынъ Лика, аѳинянинъ. Если взвѣшивать добродѣтель саму по себѣ безъ вниманія къ счастію, то я нахожусь въ нерѣшимости, не поставить ли его первымъ между всѣми. Въ отношеніи вѣрности, твердости, величія души и любви къ отечеству, я положительно никого не предпочитаю ему. Ибо, чего многіе желали, а очень немногіе съумѣли: освободить отечество отъ одного только тиранна, то ему удалось такъ, что онъ возвратилъ независимость отечеству угнетенному тридцатью тираннами. Впрочемъ не знаю почему, хотя никто его не превзошелъ въ упомянутыхъ добродѣтеляхъ, но многіе его превзошли славой. Прежде всего онъ совершилъ многое безъ содѣйствія Алкивіада въ пелопоннезской войнѣ, а тотъ безъ его содѣйствія ничего, но по

особенному врожденному счастью онъ воспользовался всѣми дѣяніями (которыя совершили вмѣстѣ съ Ѳразибуломъ), хотя однакожъ во всѣхъ такихъ дѣяніяхъ имѣютъ участіе кромѣ полководцевъ и солдаты и фортуна, такъ какъ въ дѣлѣ сраженія успѣхъ переходитъ отъ распоряженія къ числу и силѣ сражающихся. По этому совершенно справедливо приписываетъ себѣ часть славы полководца солдатъ, а больше всего фортуна, и она можетъ по истинѣ утверждать, что имѣла больше вліянія, чѣмъ умъ полководца. По этому именно тотъ знаменитый подвигъ — совершенная собственность Ѳразибула. Ибо, когда тридцать тиранновъ, назначенныхъ лакедемонянами, держали Аѳины въ рабствѣ и большое число гражданъ, которыхъ судьба пощадила на войнѣ, частью изгнали изъ отечества, частью умертвили и конфисковавши имѣніе очень многихъ раздѣлили между собою, — то онъ не только первый, но даже сначала одинъ только объявилъ имъ войну.

II гл.

Когда онъ убѣжалъ въ Филе (сильно укрѣпленный замокъ въ Аттикѣ), онъ не имѣлъ съ собою больше, чѣмъ тридцать приверженцевъ. Таково было начало спасенія аѳинянъ, таково основаніе свободы знаменитѣйшаго государства. И конечно сначала тиранны презирали Ѳразибула и его малочисленную партію; обстоятельство, которое послужило на гибель презирающимъ, и во благо презираемому, ибо именно это обстоятельство сдѣлало тѣхъ вялыми въ преслѣдованіи, а этихъ болѣе сильными, такъ какъ они имѣли время для приготовленія. По этому тѣмъ болѣе надобно имѣть въ виду то правило, *что въ войнѣ ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать*, и что не безъ основанія говорится: *мать предусмотрительнаго обыкновенно не плачетъ.* Однакожъ и силы Ѳразибула не увеличились, какъ онъ того ожидалъ, такъ какъ уже тогда, въ то время, благонамѣренные граждане ревностнѣе говорили о свободѣ, чѣмъ сра-

жались. Изъ Филе онъ отправился въ Пирей и укрѣпилъ Мунихію. Тиранны пытались два раза завладѣть этой пристанью; но постыдно отраженные, тотчасъ убѣжали въ городъ, лишившись оружія и багажа. Ѳразибулъ показалъ не менѣе ума, чѣмъ храбрости, такъ какъ воспретилъ нападать на бѣгущихъ и считалъ справедливымъ, чтобы граждане щадили гражданъ. И никто не былъ раненъ, развѣ кто первый хотѣлъ нападать. Убитаго онъ не лишалъ одежды; и ни къ чему не дотрогивался, кромѣ оружія, въ которомъ нуждался, и съѣстныхъ припасовъ. Во второмъ сраженіи палъ Критій, главный между тираннами, какъ разъ въ то время, когда сражался очень храбро противъ Ѳразибула.

III гл.

Послѣ смерти его пришелъ на помощь аѳинянамъ Павзаній, царь Лакедемонскій, и возстановилъ миръ между Ѳразибуломъ и тѣми, которые занимали городъ, на слѣдующихъ условіяхъ: *никто не долженъ быть изгнаннымъ, кромѣ тридцати тиранновъ и десяти избранныхъ послѣ нихъ въ преторы и поступавшихъ по примѣру прежней жестокости, и имѣнія ихъ не должны быть конфискованы; управленіе же государствомъ должно быть передано народу.* Знаменито и то дѣло Ѳразибула, что онъ, возстановивши миръ и имѣя большое значеніе въ государствѣ, предложилъ законъ, *чтобы не обвинить никого въ прежде совершенныхъ дѣлахъ и не наказывать.* Они называли это закономъ *забвенія.* Однакожъ онъ не только позаботился о томъ, чтобъ этотъ законъ былъ изданъ, но сдѣлалъ и то, что онъ имѣлъ силу. Ибо, когда нѣкоторые изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ были въ изгнаніи, хотѣли убить тѣхъ же самыхъ, съ которыми примирились, онъ препятствовалъ этому отъ имени республики и сдержалъ то, что прежде обѣщалъ.

IV гл.

За такія заслуги подарилъ ему народъ почетный

вѣнокъ, сплетенный изъ двухъ масличныхъ вѣтвей, который не возбуждалъ зависти и принесъ большую славу, такъ какъ этотъ подарокъ вызвала любовь согражданъ, а не власть. Умно сказалъ тотъ Питтакъ, который принадлежалъ къ числу семи мудрецовъ, когда митиленяне хотѣли ему подарить нѣсколько тысячъ десятинъ земли: *не давайте мнѣ того, прошу васъ, чему многіе могли бы завидовать, а еще большее число людей себѣ желать; оттого я не хочу изъ нихъ болѣе, какъ только сто десятинъ, которыя выкажутъ и мое безкорыстіе, и вашу добрую волю; ибо незначительные подарки бываютъ прочны, а драгоцѣнные не надежны.* И такъ Өразибулъ, довольствуясь тѣмъ вѣнкомъ, ничего больше не желалъ, и полагалъ, что никто его не превзошелъ въ почести. Въ слѣдующемъ году, когда онъ какъ преторъ присталъ съ флотомъ къ берегамъ Киликіи, а въ лагерѣ не довольно рачительно производились караулы,— непріятели, сдѣлавши въ ночное время вылазку изъ города, убили его въ палаткѣ.

IX. КОНОНЪ

I гл.

Кононъ, аѳинянинъ, принялъ государственную должность во время пелопоннесской войны и дѣятельность его въ этой войнѣ имѣла большое значеніе. Ибо онъ начальствовалъ какъ преторъ надъ пѣхотой и кромѣ того и на морѣ совершалъ большіе подвиги какъ начальникъ флота. По этой причинѣ оказывалась ему особая честь, такъ какъ онъ одинъ былъ начальникомъ надъ всѣми островами и завладѣлъ на этой должности Ферами, лакедемонской колоніей. Онъ былъ преторомъ подъ конецъ пелопоннесской войны, когда аѳинскія войска были побѣждены Лизандромъ при рѣкѣ Эгосѣ. Но тогда онъ отсутствовалъ,

и дѣло было поведено оттого хуже; ибо онъ былъ и опытенъ въ военномъ искусствѣ и строгъ въ начальствованіи. По этому никто не сомнѣвался въ то время, что аѳиняне не потерпѣли бы того пораженія, если бы онъ присутствовалъ.

II гл.

Когда онъ услыхалъ, что, при столь дурномъ положеніи дѣлъ, отечество находится въ осадѣ, онъ не спрашиваетъ о томъ, гдѣ бы ему самому жить безопасно, но откуда бы доставить помощь своимъ согражданамъ. По этому онъ отправился къ Фарнабазу, сатрапу Іоніи и Лидіи и вмѣстѣ съ тѣмъ зятю и родственнику царя, и достигъ многими трудами и опасностями того, что былъ у него въ большой милости. Ибо, когда лакедемоняне, побѣдивши аѳинянъ не сохранили союза, который заключили съ Артаксерксомъ и когда послали Агезилая въ Азію воевать, преимущественно по внушенію Фарнабаза, который, принадлежавши къ самымъ приближеннымъ царя, измѣнилъ его дружбѣ и заключилъ союзъ съ лакедемонянами,—то считался полководцемъ противъ Тиссаферна Фарнабазъ, на самомъ же дѣлѣ командовалъ войскомъ Кононъ и все дѣлалось по его распоряженію. Онъ же препятствовалъ во многомъ главному начальнику Агезилаю и часто противудѣйствовалъ его планамъ; и было совершенно явно, что Агезилай отнялъ бы у царя Азію до Тавра, если бы не было Конона. Когда онъ былъ отозванъ своими согражданами въ отечество, такъ какъ віотіяне объявили войну лакедемонянамъ, Кононъ тѣмъ не менѣе оставался у намѣстниковъ царя и былъ имъ всѣмъ весьма полезнымъ.

III гл.

Тиссафернъ отложился отъ царя, хотя это менѣе было извѣстно Артаксерксу, чѣмъ другимъ; и имѣлъ еще вліяніе у царя вслѣдствіе многихъ и большихъ

заслугъ тогда, когда уже не былъ вѣренъ своей обязанности. И не должно удивляться, если не легко было склонить Артаксеркса, чтобы этому повѣрить, такъ какъ помнилъ, что онъ преодолѣлъ своего брата Кира его содѣйствіемъ. Чтобы обвинить Тиссаферна, Кононъ былъ посланъ Фарнабазомъ къ царю. Прибывши туда, онъ отправился сперва, по обычаю Персовъ, къ Хиліарху Титраусту, который занималъ второе мѣсто въ государствѣ, и объявилъ, что онъ хочетъ говорить съ царемъ. Ибо безъ такого заявленія никого не пускали къ нему. Титраустъ ему отвѣтилъ: *препятствія на это нѣтъ; однакожъ подумай, желаешь ли ты лучше съ нимъ поговорить, или представить письменно свое дѣло. Ибо необходимо, чтобы ты преклонился передъ царемъ, когда ему представишься (они зовутъ это бить челомъ). Если тебѣ это тягостно, ты тѣмъ не менѣе достигнешь того, чего желаешь, черезъ меня письменно.* Тогда сказалъ Кононъ: *собственно мнѣ не тягостно оказать царю честь, какую бы то ни было, но боюсь, чтобы это не послужило моему отечеству въ позоръ, если я, прибывши изъ государства, привыкшаго повелѣвать другимъ народамъ, буду болѣе наблюдать чужіе обычаи, чѣмъ обычаи своего государства.* Потому онъ передалъ ему письменно то, чего хотѣлъ.

IV гл.

Когда это царь прочелъ, совѣтъ Конона сдѣлалъ на него такое впечатлѣніе, что онъ объявилъ Тиссаферна своимъ врагомъ, приказалъ преслѣдовать войною лакедемонянъ и предоставилъ ему право выбрать, кого хочетъ, для распоряженія деньгами. Кононъ же сказалъ, *что не его дѣло выбирать, а его самого* (царя), *такъ какъ онъ лучше долженъ знать своихъ людей; однакожъ онъ совѣтуетъ, поручить эту должность Фарнабазу.* Получивши большія подарки, онъ былъ посланъ отсюда къ государствамъ приморскимъ, чтобы возложить на кипрянъ, и прочія государства доставленіе военныхъ кораблей и снарядить флотъ,

посредствомъ котораго можно бы защищать море на слѣдующее лѣто; въ помощники же былъ ему данъ Фарнабазъ, какъ онъ этого самъ желалъ. Какъ только лакедемоняне объ этомъ узнали, то стали дѣлать приготовленія къ войнѣ съ большею заботливостью, такъ какъ они полагали. что имъ предстоитъ бо̀льшая война, чѣмъ если бы они должны были сражаться съ однимъ только царемъ. Ибо они видѣли, что будетъ командовать царскими силами и состязаться съ ними храбрый и опытный полководецъ, котораго они не въ состояніи преодолѣть ни умомъ, ни числомъ войскъ. Въ этомъ убѣжденіи они вооружаютъ флотъ и отправляются подъ начальствомъ Пизандра. Кононъ, напавши на нихъ при Книдѣ, обратилъ ихъ въ бѣгство въ большомъ сраженіи, завладѣлъ многими кораблями и очень многіе потопилъ. Вслѣдствіе этой побѣды были освобождены не только Аѳины, но и вся Греція, которая находилась подъ верховной властью лакедемонянъ. Кононъ пріѣхалъ съ частью своихъ кораблей въ отечество; велѣлъ возобновить обѣ разрушенныя Лизандромъ стѣны, какъ Пирея, такъ и Аѳинъ, и подарилъ своимъ согражданамъ деньгами 50 талантовъ, которые онъ получилъ отъ Фарнабаза.

V гл.

Съ Конономъ случилось то, что и съ другими смертными, именно, что онъ былъ менѣе благоразуменъ въ счастіи, чѣмъ въ несчастіи. Ибо, когда онъ побѣдилъ флотъ пелопоннесцевъ и полагалъ, что онъ уже отомстилъ за обиду, нанесенную отечеству, тогда пожелалъ больше, чѣмъ онъ былъ въ состояніи достигнуть. Однакожъ все это было сообразно съ долгомъ и достойно одобренія, такъ какъ онъ желалъ болѣе увеличить могущество отечества, чѣмъ царя. Ибо, вслѣдствіе того морскаго сраженія, которое онъ далъ при Книдѣ, пріобрѣвши большое значеніе не только у варваровъ, но и у всѣхъ греческихъ государствъ, — онъ тайно старался *возвра-*

тить аѳинянамъ Іонію и Эолію. И когда этого не скрыли довольно тщательно, Тирабазъ, начальствующій надъ Сардами, призвалъ къ себѣ Конона подъ предлогомъ, что онъ хочетъ послать его къ царю по важному дѣлу. Когда тотъ прибылъ туда, повинуясь приглашенію, то былъ брошенъ въ темницу, гдѣ и провелъ нѣсколько времени. Оттуда, нѣкоторые разсказываютъ, *былъ онъ приведенъ къ царю и тамъ же погибъ.* Историкъ Динонъ напротивъ, которому я довѣряю болѣе всего относительно персидскихъ дѣлъ, разсказываетъ, что онъ убѣжалъ, однакожъ не увѣренъ въ томъ, случилось ли это съ вѣдома, или безъ вѣдома Тирабаза.

X. ДІОНЪ.

I гл.

Діонъ, сынъ Гиппарина, сиракузянинъ, происходилъ изъ знаменитаго рода и имѣлъ участіе въ тиранніи обоихъ Діонисіевъ. Ибо старшій Діонисій имѣлъ въ супружествѣ Аристомаху, сестру Діона, которая родила ему двухъ сыновей, Гиппарина и Низея, и столько же дочерей, Софрозину и Арету. Старшую изъ нихъ онъ далъ въ жены своему сыну Діонисію, тому же самому, которому онъ оставилъ правленіе, а другую, Арету, онъ далъ Діону. Діонъ же обладалъ, кромѣ знатнаго рода и славы благородныхъ предковъ, еще многими другими природными преимуществами: въ числѣ ихъ восприимчивостью ума, ласковымъ обращеніемъ, способностью къ изящнымъ искусствамъ, благородною наружностью, которая весьма привлекала и сверхъ того огромными. оставленными отцемъ богатствами, которыя онъ самъ еще увеличилъ подарками тирановъ. Онъ былъ искреннымъ другомъ старшаго Діонисія, не менѣе вслѣдствіе своего характера, чѣмъ и родства. Ибо хотя ему и не нравилась же-

стокость Діонисія, но онъ однакожъ старался о томъ, чтобы тотъ остался неповредимымъ ради своихъ отношеній къ нему, а еще болѣе ради своихъ (родныхъ). Онъ былъ ему полезенъ въ важныхъ дѣлахъ и его совѣтъ имѣлъ большое значеніе у тиранна, если только не мѣшала въ чемъ нибудь слишкомъ большая страсть его. Діонъ исправлялъ всегда должность посла, если дѣло было болѣе значительно; принимая съ рвеніемъ такую обязанность и исполняя ее добросовѣстно, онъ покрывалъ своимъ человѣколюбіемъ жестокое имя тиранна. Когда онъ былъ посланъ Діонисіемъ къ карѳагенянамъ, то они его такъ глубоко почитали, что неоказывали никогда ни одному греку такого уваженія.

II гл.

Это не ускользнуло отъ вниманія Діонисія. Онъ зналъ, какимъ украшеніемъ служилъ для него Діонъ. Вслѣдствіе этого происходило, что онъ былъ къ нему склоненъ болѣе всего и любилъ его не иначе, какъ своего сына. Когда молва пронеслась, что Платонъ прибылъ въ Тарентъ, онъ даже не могъ отказать этому юношѣ, чтобы не пригласить Платона, такъ какъ Діонъ пылалъ сильнымъ желаніемъ слышать его. И такъ онъ склонился на его просьбу и ввелъ его (Платона) въ Сиракузы съ великою пышностью. Діонъ почувствовалъ къ нему такое уваженіе и такую любовь, что вполнѣ предался ему. Не меньше и Платонъ былъ восторженъ Діономъ. И такъ Платонъ, будучи прежде обиженнымъ тѣмъ, что Діонисій велѣлъ его продать, возвратился однакожъ опять въ Сиракузы по просьбамъ того же Діона. Между тѣмъ Діонисій впалъ въ болѣзнь. Когда Діонисій отъ этой болѣзни сильно страдалъ, Діонъ спросилъ лекарей, *каково его здоровье*; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ у нихъ *чтобы они ему признались, если онъ случайно находится въ большой опасности. Ибо онъ желалъ бы съ нимъ говорить о раздѣленіи государства, такъ какъ онъ полагаетъ, что сыновья его сестры, происходя-*

щіе отъ него (Діонисія), должны имѣть участіе въ правленіи. Лекаря не утаили этого разговора и передали его сыну, Діонисію. Этимъ побужденный, онъ заставилъ лекарей дать отцу снотворное питье, чтобы Діону не доставился случай съ нимъ переговорить. Больной принявши его, какъ будто бы погруженный въ сонъ, скончался.

III гл.

Это былъ первый поводъ къ тайной враждѣ между Діономъ и Діонисіемъ и она усилилась многими обстоятельствами; все же сначала сохранилась еще нѣсколько времени между ними притворная дружба. Когда Діонъ не переставалъ упрашивать Діонисія. чтобы пригласить Платона изъ Аѳинъ и пользоваться его совѣтами. тотъ исполнилъ его просьбу, желая хотя въ чемъ нибудь подражать своему отцу. Въ то же время онъ призвалъ опять въ Сиракузы историка Филиста, человѣка приверженнаго не менѣе къ тиранну (Діонисію). чѣмъ къ тиранніи (вообще). Однакожъ о немъ больше сказано въ той моей книгѣ, въ которой говорится объ историкахъ. Платонъ же имѣлъ такое значеніе у Діонисія и его краснорѣчіе дѣйствовало такъ сильно на него, что онъ уговорилъ Діонисія прекратить тираннію и возвратить свободу сиракузянамъ. Отклоненный однакожъ отъ своего намѣренія совѣтомъ Филиста, онъ сдѣлался еще болѣе жестокимъ.

IV гл.

Когда Діонисій убѣдился, что Діонъ имѣетъ надъ нимъ перевѣсъ въ отношеніи ума, вліянія и популярности, онъ ему далъ трехвесельное судно, чтобы онъ отправился на немъ въ Коринѳъ, такъ какъ Діонисій боялся, чтобы не представился случай Діону ниспровергнуть его, если онъ будетъ имѣть его при себѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Діонисій объявилъ ему, *что онъ такъ дѣйствуетъ ради нихъ обоихъ, чтобы*

одинъ другому не строилъ козней, такъ какъ они другъ друга боятся. Когда многіе негодовали на счетъ этого поступка и это возбудило великую ненависть къ тиранну, Діонисій велѣлъ положить все движимое имущество Діона на корабль и отослать къ нему. Ибо онъ желалъ распространить такое мнѣніе, *что онъ такъ поступилъ не изъ ненависти, а ради его собственнаго блага.* Потомъ же, когда онъ услыхалъ, что Діонъ въ Пелопонесѣ набираетъ войско и замышляетъ начать войну противъ него, онъ далъ Арету, супругу Діона, другому въ жены, а сына его велѣлъ такъ воспитать, чтобы тотъ потворствомъ пріучился къ самымъ дурнымъ страстямъ. Ибо этого мальчика, прежде чѣмъ онъ сталъ взрослымъ, заставляли напиваться до пьяна, кормили до излишества и не оставляли ему времени, чтобы возвратиться къ трезвому состоянію. Когда отецъ возвратился въ отечество, этотъ юноша до того не могъ переносить измѣненнаго образа жизни (ибо дали ему надзирателей, которые должны были его удержать отъ прежней жизни), что бросился съ крыши дома и такъ скончался. — Однакожъ возвращаюсь къ главному предмету.

V гл.

Когда Діонъ пріѣхалъ въ Коринѳъ, а также туда прибылъ и бывшій начальникъ конницы Гераклидъ, изгнанный тѣмъ же Діонисіемъ,—оба начали всѣми способами дѣлать приготовленія къ войнѣ, однакожъ не много успѣли, такъ какъ полагали, что тираннія, продолжавшаяся столько лѣтъ обладаетъ великими силами. По этому поводу можно было только очень немногихъ склонить къ участію въ этомъ опасномъ предпріятіи. Однакожъ Діонъ, полагаясь не столько на свои силы, какъ на ненависть къ тиранну, отправился съ величайшею отважностью на двухъ транспортныхъ судахъ, чтобы напасть на правительство, существующее уже 50 лѣтъ, и защищенное 500 военными кораблями, 10,000 кон-

ницы и 100,000 пѣхоты — что всѣмъ народамъ казалось удивительнымъ — и онъ его (правительство) такъ скоро сокрушилъ, что на третій день, послѣ высадки въ Сицилію, вошелъ въ Сиракузы. Изъ этого можно заключить, *что нѣтъ безопаснаго владычества, если оно не ограждено народною любовью.* Въ то же время былъ Діонисій въ отсутствіи и ожидалъ флота въ Италіи, полагая, что никакой непріятель не придетъ безъ значительныхъ военныхъ силъ. Онъ обманулся въ томъ предположеніи, ибо Діонъ укротилъ гордость тиранна тѣми же (силами), которыя находились подъ властью противника и завладѣлъ всей той частью Сициліи, которая была подвластной Діонисію, а также и городомъ Сиракузами, кромѣ замка и сосѣдняго съ городомъ острова; и довелъ дѣло до того, что тираннъ предлагалъ миръ на такихъ условіяхъ: *чтобы Діонъ удержалъ за собою Сицилію, Діонисій Италію, а Сиракузы Аполлократъ*, къ которому Діонисій имѣлъ болѣе всего довѣрія.

VI гл.

За этими неожиданными успѣхами послѣдовала внезапная перемѣна, такъ какъ судьба вслѣдствіе свойственнаго ей непостоянства, предприняла низвергнуть того, котораго она недавно возвысила. Прежде всего она выказала свою силу на сынѣ, о которомъ я выше упомянулъ. Ибо когда Діонъ взялъ назадъ свою жену, которая была передана другому, и хотѣлъ своего сына возвратить къ добродѣтели отъ пагубной роскоши, онъ, какъ отецъ, получилъ глубокую рану потерею своего сына. Потомъ произошелъ споръ между нимъ и Гераклидомъ, который, не желая уступить Діону первенства, составилъ заговоръ. Гераклидъ же имѣлъ не меньшее значеніе у вельможъ, чѣмъ Діонъ, по согласію которыхъ онъ начальствовалъ надъ флотомъ, между тѣмъ какъ Діонъ командовалъ сухопутнымъ войскомъ. Діонъ не перенесъ этого равнодушно и привелъ тотъ стихъ изъ второй пѣсни Гомера, смыслъ котораго

таковъ: *что нельзя хорошо управлять государствомъ при многоначаліи.* Эти слова возбудили большую ненависть, такъ какъ Діонъ, казалось, обнаружилъ этимъ желаніе имѣть все подъ своей властью. Діонъ же не старался смягчить этой ненависти уступчивостью, но хотѣлъ подавить ее строгостью и велѣлъ умертвить Гераклида, когда послѣдній прибылъ въ Сиракузы.

VII гл.

Этотъ поступокъ навелъ на всѣхъ большой страхъ, такъ какъ никто послѣ смерти Гераклида не считалъ себя безопаснымъ. Діонъ же, устранивши врага, совершенно своевольно раздѣлялъ между войскомъ имущество тѣхъ, относительно которыхъ зналъ, что принадлежали къ противной партіи. Когда онъ раздѣлилъ все имущество, то скоро стало недоставать ему денегъ, такъ какъ ежедневные издержки были чрезвычайно велики, а кромѣ владѣній друзей ничего не было, къ чему можно бы протянуть руки. Это обстоятельство имѣло то послѣдствіе, что онъ, привлекая на свою сторону солдатъ, лишился расположенія вельможъ. Безпокойство объ этомъ приводило его въ отчаяніе, и непривыкшій къ тому, чтобы слышать, что дурно о немъ говорятъ, онъ не переносилъ хладнокровно того, что худо думаютъ о немъ тѣ самые, которые еще недавно до небесъ превозносили его похвалами. Народъ же, когда и солдаты стали имъ недовольны, говорилъ смѣлѣе и повторялъ, *что не слѣдуетъ терпѣть тиранни.*

VIII гл.

Когда Діонъ все это видѣлъ и не зналъ, какъ этому помочь, и вслѣдствіе этого находился въ тревожномъ состояніи, не зная, къ чему это поведетъ,— приходитъ къ нему нѣкоторый Калликратъ, аѳинскій гражданинъ, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Пелопоннеса въ Сицилію, человѣкъ хитрый, искусный на обманъ безъ всякой совѣсти и незаслуживающій довѣрія, и говоритъ: *что онъ (Діонъ) находится въ*

большой опасности вслѣдствіе озлобленія народа и ненависти солдатъ, и что онъ не можетъ избѣгнуть этой опасности, если не дастъ кому нибудь изъ своихъ приверженцевъ порученія принять видъ его врага. Если онъ найдетъ надежнаго для этого дѣла человѣка, то ему легко будетъ узнать образъ мыслей всѣхъ людей и устранить своихъ противниковъ, такъ какъ враги его обнаружатъ свои чувства передъ непріязненнымъ ему человѣкомъ. — Послѣ одобренія этого совѣта, упомянутую роль принимаетъ самъ Калликратъ, который пользуется неосторожностью Діона, собираетъ соумышленниковъ для его гибели, составляетъ сходки съ его врагами и подкрѣпляетъ зоговоръ Такъ какъ многіе знали о томъ, что дѣлается, то донесли объ этомъ и сестрѣ Діона, Аристомахѣ, и женѣ его Аретѣ. Испуганныя, отправляются онѣ къ тому, чья опасность наполняетъ ихъ страхомъ. Но тотъ увѣряетъ, что Калликратомъ ему не строятся козни, а что то, что происходитъ, дѣлается по его повелѣнію. Тѣмъ не менѣе женщины ведутъ Калликрата въ храмъ Прозерпины и заставляютъ его клясться, *что съ его стороны не угрожаетъ Діону опасность.* Но Калликратъ не только не былъ удержанъ клятвой отъ своего предпріятія, но побужденъ ускорить его, боясь, чтобы не открыли его плана прежде, чѣмъ онъ совершитъ задуманное имъ.

IX гл.

Въ этомъ намѣреніи передаетъ Калликратъ въ слѣдующій праздничный день своимъ соумышленникамъ болѣе укрѣпленныя мѣста города въ то время, когда Діонъ, удалившись отъ общества людей, находился дома и легъ въ одномъ изъ верхнихъ покоевъ; онъ окружаетъ домъ стражей и ставитъ у дверей надежныхъ людей съ приказаніемъ не удаляться; кромѣ того снаряжаетъ трирему вооруженными (людьми), передаетъ ее своему брату Филострату и приказываетъ крейсировать на этомъ кораблѣ въ гавани, какъ будто бы онъ хотѣлъ обучать греб-

цовъ съ цѣлью, чтобы имѣть средство спастись, если бы случайно судьба помѣшала его планамъ. Изъ числа своихъ приверженцевъ онъ выбираетъ закинѳскихъ юношей, отличающихся, какъ смѣлостью, такъ и силой, и даетъ имъ порученіе, пойти невооруженными къ Діону, чтобы показалось, какъ будто бы они приходятъ повидаться съ нимъ. Ихъ впустили по знакомству; они же, только переступивши порогъ, нападаютъ на лежащаго въ постели и вяжутъ его, заперши прежде дверь на замокъ; дѣлается такой громкій шумъ, что слышно его было снаружи. Изъ этого происшествія (здѣсь) всякому можно легко заключить, какъ выше было сказано, на сколько тираннія ненавистна, и какъ достойна сожалѣнія жизнь тѣхъ, *которые болѣе желаютъ, чтобы ихъ боялись, чѣмъ любили.* Ибо сами сторожа, выломавши дверь, могли бы его спасти, если бы были привержены къ нему, такъ какъ тѣ, будучи невооруженными, держали его живымъ и только извнѣ требовали оружія. Но такъ какъ никто не пришелъ ему на помощь, то нѣкоторый Ликонъ, сиракузянинъ, подалъ мечь черезъ окно, которымъ Діона и умертвили.

X гл.

Когда убійство уже было совершено и народъ собрался, чтобы видѣть (убитаго), (люди) незнающіе виновниковъ этого убійства, умертвили многихъ вмѣсто виновныхъ. Ибо, когда молва разнеслась, что Діона умертвили жестокою смертью, прибѣжали многіе, которые не одобряли этого поступка; они же, побужденные ложнымъ подозрѣніемъ, убиваютъ невинныхъ, какъ будто бы они были виновными. Когда смерть Діона сдѣлалась извѣстной, образъ мыслей народа удивительно перемѣнился, ибо тѣ же самые, которые при жизни называли его тираннномъ, прославляли его же какъ освободителя отечества, и избавителя отъ тиранна; и вдругъ послѣдовало за ненавистью такое сожалѣніе, что они желали бы его выкупить собственною кровью у Ахерона, если бы только

было возможно. По этому похоронили его на общественный счетъ въ наиболѣе посѣщаемомъ мѣстѣ города и удостоили надгробнаго памятника. Онъ скончался приблизительно на пятидесятъ пятомъ году своей жизни и на четвертомъ послѣ возвращенія изъ Пелопоннеса въ Сицилію.

XI. ИФИКРАТЪ.

I гл.

Ификратъ, аѳинянинъ, прославился не столько великими подвигами, какъ военнымъ искусствомъ; ибо онъ былъ такой знаменитый вождь, что его не только сравнивали съ первыми вождями своего времени, но и никого не предпочитали ему изъ прежнихъ (вождей). Онъ проводилъ много времени на войнѣ; командовалъ часто войсками; никогда дурно не велъ дѣла по собственной винѣ; побѣждалъ всегда мудрыми распоряженіями, и такъ отличался въ этомъ отношеніи, что въ военномъ искусствѣ частью ввелъ много новаго, частью многое улучшилъ. Онъ (Ификратъ) перемѣнилъ оружіе пѣхоты: такъ какъ до его начальствованія употреблялись очень большіе щиты, недлинныя копья и короткіе мечи; онъ же ввелъ пельту вмѣсто пармы (отъ чего потомъ пѣхотинцы называются Пельтастами), чтобы солдаты были болѣе ловкими въ движеніяхъ и въ стычкахъ; удвоилъ длину копья; удлинилъ мечи; перемѣнилъ также родъ панцыря и далъ льняной, вмѣсто желѣзнаго и мѣднаго. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ солдатъ поворотливѣе. Такимъ образомъ, уменшивши тяжесть, онъ позаботился о томъ, что одинаково защищаетъ тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ легко.

II гл.

Онъ велъ войну съ ѳракійцами и возвелъ снова на престолъ Сеута, союзника аѳинянъ; онъ началь-

ствовалъ надъ войскомъ вблизи Коринѳа съ такой строгостью, что никогда не было въ Греціи войскъ болѣе пріученныхъ къ войнѣ и болѣе повинующихся вождю; онъ пріучилъ ихъ, по данному полководцемъ знаку къ сраженію, безъ распоряженія вождя выстраиваться въ такомъ порядкѣ, что казалось, какъ будто бы они были разставлены по одиночкѣ опытнѣйшимъ полководцемъ. Этимъ войскомъ онъ истребилъ одну мору лакедемонянъ: что́ чрезвычайно прославлялось во всей Греціи. Въ другой разъ, во время той же войны, онъ обратилъ въ бѣгство все войско лакедемонянъ, и пріобрѣлъ этимъ большую славу. Когда Артаксерксъ хотѣлъ начать войну противъ египетскаго царя, то онъ просилъ у аѳинянъ Ификрата въ вожди, чтобы назначить его начальникомъ надъ наемнымъ войскомъ, число котораго простиралось до 12,000 человѣкъ. Онъ познакомилъ это войско такъ всесторонно съ военнымъ искусствомъ, что Ификратовскіе воины были въ такой великой славѣ у грековъ, какъ нѣкогда Фабіанскіе воины считались у римлянъ. Онъ же, отправившись на помощь лакедемонянамъ, препятствовалъ нападеніямъ Эпаминонда; ибо ѳивяне не удалились бы отъ Спарты, пока бы не завладѣли ею и не разрушили ея пожаромъ, если бы время прибытія Ификрата не приближалось.

III гл.

Онъ же (Ификратъ) былъ мужъ великой храбрости, высокаго роста и такого начальническаго вида, что самой наружностью внушалъ всякому уваженіе; въ трудѣ, какъ разсказываетъ Ѳеопомпъ, онъ былъ слишкомъ вялъ и нетерпѣливъ. однакожъ хорошій гражданинъ и весьма добросовѣстенъ. что̀ доказалъ какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и преимущественно въ защитѣ дѣтей Аминта, царя македонскаго. Ибо Эвридика, мать Пердикки и Филиппа искала послѣ смерти Аминта убѣжища съ этими двумя дѣтьми у Ификрата и была защищена его силами. Онъ дожилъ до глубокой старости, не возбудивъ противъ себя

ненависти въ своихъ согражданахъ. Во время войны противъ союзниковъ, онъ защищался вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ въ уголовномъ дѣлѣ и былъ освобожденъ тѣмъ же судомъ. Ификратъ оставилъ сына, Менесѳея родившагося отъ ѳракіянки, дочери царя Котиса. Когда его (Манесѳея) спрашивали, уважаетъ-ли онъ больше отца, или мать, онъ сказалъ: мать. Когда это всѣмъ показалось страннымъ, то онъ отвѣтилъ: и справедливо; ибо отецъ, на сколько отъ него зависѣло, произвелъ меня ѳракійцемъ, мать же аѳинняниномъ.

XII. ХАБРІЙ.

I гл.

Хабрій, аѳинянинъ. Онъ причислялся также къ величайшимъ вождямъ и совершилъ много достопамятныхъ подвиговъ. Изъ нихъ выдается болѣе всего его изобрѣтеніе въ сраженіи, которое онъ далъ вблизи Ѳивъ, когда пришелъ на помощь віотіянамъ. Ибо въ этомъ сраженіи, когда предводитель Агезилай уже не сомнѣвался въ побѣдѣ, такъ какъ (непріятельскія) наемныя войска были обращены въ бѣгство,—Хабрій запретилъ остававшейся еще фалангѣ двинуться съ мѣста и научилъ ее выдержать нападеніе непріятелей, опираясь щитомъ въ колѣно и выставивши впередъ копье. Агезилай, видя этотъ новый способъ сражаться, не осмѣлился идти далѣе впередъ и трубою отозвалъ нападающія уже свои войска. Это до того прославилось по всей Греціи, что Хабрій желалъ, чтобы статуя, которую аѳиняне ему поставили на рынкѣ на счетъ государства, изображала его въ томъ положеніи. Отъ этого произошло, что потомъ атлеты и другіе художники, при сооруженіи имъ статуй, пользовались тѣмъ же положеніемъ, въ какомъ они одержали побѣду.

II гл.

Хабрій же управлялъ многими войнами въ Ев-

ропѣ, когда былъ вождемъ аѳинянъ; въ Египтѣ (онъ) велъ войну по собственной волѣ: отправившись на помощь Нектанабису, онъ утвердилъ его (Нектанабиса) на престолѣ. То же самое сдѣлалъ и въ Кипрѣ, но отъ имени республики, посланный аѳинянами въ помощники Эвагору; и онъ не удалился оттуда прежде, чѣмъ побѣдилъ въ войнѣ весь островъ, вслѣдствіе чего аѳиняне пріобрѣли великую славу. Между тѣмъ война вспыхнула между египтянами и персами. Аѳиняне были въ союзѣ съ Артаксерксомъ, лакедемоняне съ египтянами, отъ которыхъ Агезилай, ихъ (лакедемонянъ) царь, получалъ великія суммы въ вознагражденіе. Хабрій, видя это, и не уступая Агезилаю ни въ какомъ отношеніи, отправился по собственной волѣ тоже помочь имъ, и начальствовалъ надъ египетскимъ флотомъ, Агезилай же надъ сухопутнымъ войскомъ.

III гл.

Тогда полководцы персидскаго царя послали пословъ въ Аѳины жаловаться что Хабрій ведетъ войну противъ царя въ союзѣ съ египтянами. Аѳиняне назначили Хабрію опредѣленный день, и объявили, что его осудятъ на смертную казнь, если онъ не возвратится въ отечество до этого срока. Вслѣдствіе этого извѣстія онъ возвратился въ Аѳины, однакожъ не пробылъ тамъ долѣе, чѣмъ было необходимо. Ибо онъ не охотно оставался на глазахъ своихъ согражданъ, такъ какъ привыкъ жить пышно, и слишкомъ предавался своимъ прихотямъ, чтобы могъ избѣгнуть зависти черни, ибо общій недостатокъ у большихъ и свободныхъ государствъ есть тотъ, что зависть спутница славы, и охотно унижаютъ тѣхъ, которыхъ видятъ болѣе выдающимися; а также и бѣдные не равнодушно смотрятъ на чужое счастіе богатыхъ По этому и Хабрій, пока можно было, по большей части былъ въ отсутствіи. Однакожъ не онъ одинъ охотно удалялся изъ Аѳинъ, а почти всѣ люди со значеніемъ поступили также, такъ

какъ они полагали, что на столько освобождены отъ зависти, на сколько удалились изъ виду своихъ согражданъ. По этому Кононъ жилъ болѣе всего въ Кипрѣ, Ификратъ во Ѳракіи, Тимоѳей въ Лесбосѣ. Харесъ въ Сигеѣ. Хотя Харесъ по дѣяніямъ и характеру не былъ похожъ на предидущихъ, однакожъ былъ уважаемъ и могуществен въ Аѳинахъ

IV гл.

Хабрій же погибъ во время войны съ союзниками слѣдующимъ образомъ: аѳиняне напали на Хіосъ: Хабрій находился во флотѣ, какъ частный человѣкъ, но превосходилъ своимъ авторитетомъ всѣхъ. которые имѣли участіе въ правленіи, и воины болѣе смотрѣли на него, чѣмъ на тѣхъ, которые начальствовали. Это обстоятельство ускорило его смерть, ибо, когда онъ первый стремится въѣхать въ гавань и приказываетъ кормчему туда же направлять судно, то самъ для себѣ приготовилъ гибель; потому что, когда онъ туда въѣхалъ, другія (суда) не послѣдовали за нимъ. И между тѣмъ какъ онъ, окруженный вслѣдствіе этого врагами, мужественно сражался, его корабль, пробитый носомъ другаго корабля, началъ тонуть. Хотя онъ могъ отсюда убѣжать, если бы бросился въ море, такъ какъ вблизи находился аѳинскій флотъ, который принялъ бы его плывущаго,— но онъ лучше желалъ погибнуть, чѣмъ, бросивъ оружіе, оставить корабль, на которомъ ѣхалъ. Остальные не хотѣли такъ поступить и достигли безопаснаго мѣста плаваніемъ. Онъ (Хабрій) же, полагая *что славная смерть лучше позорной жизни* былъ убитъ непріятельскимъ оружіемъ въ рукопашномъ бою.

XIII. ТИМОѲЕЙ.

I гл.

Тимоѳей, сынъ Конона, аѳинянинъ. Этотъ увеличилъ полученную отъ отца славу многими (соб-

ственными) заслугами. Онъ былъ краснорѣчивъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ, опытенъ въ военномъ искусствѣ и не менѣе въ правленіи государствомъ. Его подвиги многочисленны, однакожъ самые важные — слѣдующіе. Онъ покорилъ войною олинѳянъ и византійцевъ; завладѣлъ Самосомъ, при осадѣ котораго въ предшествовавшую войну аѳиняне издержали 1,200 талантовъ. Онъ возвратилъ эту сумму народу безъ общественнаго расхода, велъ войны противъ Котиса и передалъ отъ него 1,200 талантовъ добычи въ государственную казну; освободилъ Цизикъ отъ осады и отправился вмѣстѣ съ Агезилаемъ на помощь Аріобарзану. Когда лакедемонянинъ (Агезилай) получилъ наличныя деньги, Тимоѳей лучше желалъ обогатить своихъ согражданъ землею и городами, чѣмъ принять то, часть чего могъ бы взять въ свой собственный домъ. По этому онъ получилъ Криѳонъ и Сестъ.

II гл.

Какъ начальникъ надъ флотомъ, онъ объѣхалъ Пелопоннесъ, опустошилъ Лаконію и обратилъ въ бѣгство ихъ (лакедемонянъ) флотъ; онъ покорилъ Корциру аѳинянамъ; пріобрѣлъ также въ союзники эпиротовъ, атамантевъ, хаоновъ и всѣ тѣ народы, которые прилегаютъ къ тому морю. Вслѣдствіе этого лакедемоняне отстали отъ долговременной борьбы, добровольно уступили аѳинянамъ верховную власть на моряхъ, и заключили миръ на такихъ условіяхъ, чтобы *аѳиняне были на морѣ вождями*. Эта побѣда наполнила аѳинянъ такой радостью, что тогда въ первый разъ на общественный счетъ поставили жертвенники *богинѣ мира* и устроили ложе для этой богини. Чтобы осталась память его заслуги, поставили Тимоѳею на рынкѣ статую на счетъ казны; до этого времени только ему одному была оказана такая честь, что народъ, поставивши статую отцу, поставилъ (статую) также и сыну. Такимъ образомъ новая подлѣ поставленная статуя сына, возобновила прежнюю память отца.

III гл.

Когда Тимоѳей устарѣлъ и перестал занимать государственныя должности, стали отовсюду преслѣдовать аѳинянъ войною. Самосъ отложился; Геллеспонтъ отпалъ; Филиппъ, тогда уже могущественный македонянинъ замышлялъ многое, а въ Харесѣ, котораго ему противупоставили, не предполагали довольно защиты. Назначаютъ преторомъ Менесѳея, сына Ификрата, зятя Тимоѳея и опредѣляютъ, чтобы онъ отправился на войну. Ему даютъ для совѣщанія двухъ превосходныхъ опытностью и умомъ мужей, отца и тестя, чтобы онъ пользовался ихъ совѣтомъ, такъ какъ къ нимъ имѣли такое уваженіе, что была большая надежда, пріобрѣсти черезъ нихъ потерянное. Когда они отправились въ Самосъ и, узнавши объ ихъ прибытіи, туда же отправился съ своими войсками и Харесъ,чтобы не казалось,что что-нибудь сдѣлалось въ его отсутствіи —случилось, когда они приближались къ острову, что поднялась сильная буря, которой избѣгнуть два старыхъ полководца считали полезнымъ и остановили плаваніе флота. Но тотъ (Харесъ),внимая своей опрометчивости, не подчинился волѣ старшихъ; и такъ, какъ будто бы счастіе было съ его кораблемъ, прибылъ туда, куда стремился, и послалъ вѣстника къ Тимоѳею и Ификрату, чтобы они слѣдовали за нимъ туда же. Такъ какъ онъ дурно управлялъ дѣлами и потерялъ нѣсколько кораблей, то удалился опять въ то мѣсто, откуда пріѣхалъ и послалъ оффиціальное письмо въ Аѳины, что ему легко было завладѣть Самосомъ, если бы онъ не былъ покинутъ Тимоѳеемъ и Ификратомъ. По этому поводу обвиняютъ ихъ; народъ жестокій, недовѣрчивый, перемѣнчивый, враждебный, завидующій также власти, призываетъ ихъ въ отечество и обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ. Въ этой тяжбѣ осуждаютъ Тимоѳея и налагаютъ на него пеню въ 100 талантовъ. Тотъ, побужденный ненавистью неблагодарныхъ согражданъ, отправился въ Халкиду.

IV гл.

Такъ какъ послѣ его смерти народъ раскаивался

въ своемъ приговорѣ, то онъ (народъ) убавилъ девять частей пени и велѣлъ Конону, его сыну, уплатить 10 талантовъ для возобновленія одной части стѣны. Въ этомъ случаѣ замѣтно непостоянство счастія. Ибо, къ величайшему стыду семейства внукъ былъ принужденъ исправить за собственныя деньги тѣ же самыя стѣны, которыя Кононъ, дѣдъ его, построилъ отечеству изъ добычи взятой у непріятелей. Хотя мы могли бы привесть много примѣровъ умѣренной и мудрой жизни Тимоѳея, но будемъ довольствоваться однимъ, такъ какъ изъ него легко можно будетъ заключить, какъ онъ былъ дорогъ своимъ друзьямъ. Когда онъ, будучи юношею, защищался (по уголовному дѣлу), не только друзья и частные люди, бывшіе съ нимъ въ связи гостепріимства, явились защищать его, но даже въ числѣ ихъ и Язонъ, тираннъ, который въ то время былъ самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ. Хотя онъ (Язонъ) въ своемъ отечествѣ не считалъ себя безопаснымъ безъ тѣлохранителей, но въ Аѳины пришелъ совершенно безъ охраннаго войска, и такъ высоко цѣнилъ своего пріятеля, что лучше хотѣлъ подвергнуть жизнь свою опасности, чѣмъ оставить безъ помощи Тимоѳея, защищающаго свое доброе имя. Не смотря на то Тимоѳей велъ потомъ войну противъ него, по повелѣнію народа; и считалъ права отечества болѣе священными, чѣмъ (права) дружбы. Это время Ификрата, Хабрія и Тимоѳея было послѣднее (время) аѳинскихъ полководцевъ, и послѣ смерти ихъ не было болѣе въ томъ городѣ достопамятнаго вождя.

XIV. ДАТАМЪ.

I гл.

Приступаю теперь къ храбрѣйшему и благоразумнѣйшему мужу между всѣми варварами, за исключеніемъ двухъ карѳагенянъ, Гамилькара и Ганнибала.

Разскажу о немъ тѣмъ болѣе, что его дѣянія по большей части не извѣстны, а то, въ чемъ онъ имѣлъ успѣхъ, произошло не вслѣдствіе многочисленности войскъ, но вслѣдствіе его ума, которымъ онъ тогда превосходилъ всѣхъ. Однакожъ эти факты не могутъ быть ясными, если не изложить отдаленныхъ причинъ, имѣвшихъ связь съ подвигами Датама. Датамъ, происходящій отъ отца Камиссара, карійца, и матери скиѳянки, принадлежалъ сначала къ тому отряду войска, который составлялъ караулы дворца Артаксеркса. Отецъ его Камиссаръ, такъ какъ онъ былъ лично храбръ и мужественъ на войнѣ, и былъ найденъ вѣрнымъ царю во многихъ случаяхъ,—управлялъ частью провинціи Киликіи, находящейся возлѣ Каппадокіи, которую населяютъ Левкозиры. Датамъ, занимая военную должность, показалъ въ первый разъ, каковъ онъ въ войнѣ, которую царь велъ противъ Кадузіевъ, ибо здѣсь, когда многія тысячи царскаго войска были уже убиты, его содѣйствіе оказалось весьма важнымъ. Вслѣдствіе этого произошло, что ему была передана отцовская провинція, когда Камиссаръ палъ въ этой войнѣ.

II гл.

Онъ оказалъ такое же мужество и потомъ, когда Автофродатъ, по повелѣнію царя, преслѣдовалъ войною тѣхъ, которые отложились. Ибо его содѣйствіемъ непріятели вторгнувшіеся уже въ лагерь, были поражены и остальное войско царя спасено; вслѣдствіе чего онъ началъ управлять важнѣйшими дѣлами. Въ то время былъ въ Пафлагоніи вассалъ, по имени Ѳій, древняго рода, происходящій отъ того Пилемена, о которомъ разсказываетъ Гомеръ, что онъ былъ убитъ Патрокломъ во время Троянской войны. Этотъ вассалъ не повиновался царю. По этому поводу царь рѣшилъ преслѣдовать его войною и поручилъ это дѣло Датаму, родственнику Пафлагонца, ибо они были дѣти брата и сестры. Потому Датамъ хотѣлъ прежде все испытать, чтобы, безъ оружія,

возвратить родственника къ повиновенію. Когда онъ (Датамъ) пришелъ къ нему (Θію) безъ охраннаго войска, такъ какъ не опасался козней отъ друга, то едва не погибъ: ибо Θій хотѣлъ тайно его убить. Вмѣстѣ съ Датамомъ была его мать, тетка Пафлагонца; она же узнала, что дѣлается и увѣдомила сына объ этомъ. Онъ избѣгнулъ опасности бѣгствомъ и объявилъ войну Θію. Хотя онъ въ этой войнѣ былъ покинутъ Аріобарзаномъ, намѣстникомъ Лидіи, Іоніи и всей Фригіи, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ ее ревностно, и взялъ Θія живымъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми.

III гл.

Онъ старался, чтобы молва объ этомъ событіи не донеслась раньше къ царю, чѣмъ онъ самъ прійдетъ. По этому онъ отправился, безъ вѣдома другихъ, въ то мѣсто, гдѣ былъ царь; одѣлъ на другой день Θія, человѣка огромнаго роста и страшной наружности—такъ какъ онъ былъ черный съ длинными волосами и длинной бородой, — въ лучшее платье, какое обыкновенно носили царскіе сатрапы, и украсилъ его цѣпью, золотыми браслетами и прочимъ царскимъ нарядомъ; самъ же, одѣвшись въ простой двойной плащъ и грубую тунику, съ охотничьимъ шлемомъ на головѣ съ палкой въ правой рукѣ, а въ лѣвой съ арканомъ, гналъ передъ собою связаннаго Θія, какъ будто бы онъ велъ пойманнаго дикаго звѣря. Когда всѣ на него (Θія) съ любопытствомъ смотрѣли по причинѣ необыкновеннаго наряда и незнакомой наружности и по этой причинѣ было большое стеченіе народа,—были такіе которые узнали Θія, и донесли объ этомъ царю. Сначала онъ не повѣрилъ этому; и такъ послалъ Фарнабаза изслѣдовать это дѣло; когда же узналъ отъ него о случившемся, велѣлъ тотчасъ привести его (Θія); находя большое удовольствіе какъ въ событіи такъ и въ нарядѣ, а преимущественно въ томъ, что знаменитый царь попалъ во власть къ нему, неожидающему этого. По этому онъ послалъ Датама, щедро

одареннаго, къ войску, которое собиралось тогда для египетской войны подъ предводительствомъ Фарнабаза и Титрауста, — и велѣлъ ему имѣть такую же власть, какъ и тѣ. Но потомъ, когда царь отозвалъ Фарнабаза, верховная власть была ему передана.

IV гл.

Между тѣмъ какъ онъ набираетъ войско съ величайшимъ стараніемъ и приготовляется отправиться въ Египетъ, царь присылаетъ ему вдругъ письмо, чтобы онъ напалъ на Асписа, владѣющаго Катаоніей, областью, которая находится выше Киликіи по сосѣдству съ Каппадокіей, такъ какъ Аспись, обитая въ странѣ лѣсистой, укрѣпленной замками, не только не повиновался власти царя, но и тревожилъ сосѣднія страны и отнималъ то, что доставлялось царю. Датамъ, хотя и находился далеко отъ тѣхъ странъ и это отвлекало его отъ болѣе важнаго предпріятія, однако считалъ нужнымъ повиноваться желанію царя. По этому онъ отправился на кораблѣ съ немногими, но храбрыми мужами, полагая, (какъ и случилось) что онъ съ немногочисленнымъ отрядомъ легче побѣдитъ его, ничего неожидающаго и неприготовившагося, чѣмъ съ большимъ войскомъ — вооруженнаго. Прибывши въ Киликію и высадившись, онъ маршировалъ день и ночь, перешелъ Тавръ, и прибылъ туда, куда стремился. Онъ спрашиваетъ, въ какомъ мѣстѣ находится Аспись: узнаетъ что онъ недалеко оттуда и отправился на охоту; но между тѣмъ какъ (Датамъ) собираетъ свѣдѣнія о немъ, дѣлается извѣстной причина его прибытія. Аспись присоединяетъ Пизидовъ къ тѣмъ, которыхъ имѣлъ съ собою, чтобы защищаться. Услышавши объ этомъ, Датамъ беретъ оружіе, велитъ своимъ людямъ слѣдовать за нимъ и давши шпоры лошади, самъ ѣдетъ къ непріятелю. Аспись, увидѣвши его ѣдущаго къ себѣ, испугался и, удержанный страхомъ отъ намѣренія защищаться, сдался. Датамъ отдалъ его связаннаго Митридату для передачи царю.

V гл.

Между тѣмъ какъ это дѣлалось, Артаксерксъ, вспомнивши, по какому незначительному дѣлу онъ удалилъ главнаго вождя отъ такой важной войны, самъ себя упрекаетъ, и, думая, что Датамъ еще не уѣхалъ, посылаетъ вѣстника къ войску въ Аце сказать ему, чтобы онъ не оставлялъ войска. Прежде чѣмъ этотъ (вѣстникъ) прибылъ туда, куда отправился, онъ встрѣтилъ на пути тѣхъ, которые вели Асписа. Такъ какъ Датамъ этой поспѣшностью вошелъ въ великую милость у царя, то навлекъ на себя не меньшую зависть придворныхъ, которые видѣли, что онъ одинъ имѣетъ больше вѣса, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ: вслѣдствіе этого, всѣ составляютъ заговоръ для его гибели. Пандатъ, казначей царя, другъ Датама, посылаетъ ему письмо, въ которомъ его извѣщаетъ, что ему угрожаетъ большая опасность, если во время его начальствованія случится какая нибудь неудача въ Египтѣ, ибо таково обыкновеніе царей, что несчастныя событія приписываютъ людямъ, а благопріятныя своему счастію; отъ этого происходитъ то, что легко ихъ склонить къ ниспроверженію тѣхъ, о которыхъ имѣютъ извѣстіе, что подъ ихъ руководствомъ дурно ведутся дѣла; онъ же находится въ тѣмъ большей опасности, что имѣетъ въ тѣхъ, которыхъ царь преимущественно слушается, наибольшихъ враговъ. Прочитавши это письмо и прибывши уже въ Аце къ войску, онъ рѣшился отложиться отъ царя, такъ какъ онъ зналъ хорошо, что ему написана правда. Однакожъ онъ ничего не сдѣлалъ, что было бы недостойно честнаго человѣка, ибо назначилъ начальникомъ надъ войскомъ Андрокла магнезіянина, самъ же онъ со своими приверженцами удаляется въ Каппадокію и занимаетъ сосѣднюю съ ней Пафлагонію. Скрывая, какого образа мыслей онъ относительно царя, онъ тайно заключаетъ дружественный союзъ съ Аріобарзаномъ, собираетъ войско и передаетъ укрѣпленные города своимъ приверженцамъ для защиты.

VI гл.

Но по причинѣ зимняго холода это не вполнѣ удалось ему. Онъ слышитъ, что Пизиды собираютъ войско противъ него и посылаетъ туда съ отрядомъ своего сына, Арсидея; юноша погибаетъ въ сраженіи. Отецъ отправляется туда съ не оченъ большимъ войскомъ, не показывая вида, какую рану онъ получилъ, потому что онъ желалъ прежде приблизиться къ непріятелю, чѣмъ молва о несчастномъ сраженіи дойдетъ къ приверженцамъ его, чтобы извѣстіемъ о смерти сына не уменьшить отваги солдатъ. Онъ достигаетъ мѣста, куда спѣшилъ и располагается лагеремъ въ такихъ мѣстахъ, что многочисленные непріятели не могутъ ни окружить его, ни помѣшать ему, держать войско готовымъ къ сраженію Съ нимъ былъ Митробарзанъ, тесть его, начальникъ конницы; этотъ, отчаяваясь въ дѣлахъ зятя, перешелъ къ непріятелямъ. Когда Датамъ услышалъ объ этомъ, то подумалъ, что остальные послѣдуютъ его примѣру, если молва пронесется по войску, что его оставилъ такой близкій родственникъ. Онъ объявляетъ публично: что Митробарзанъ отправился по его повелѣнію подъ видомъ перебѣжчика, чтобы онъ, принятый (врагами), могъ тѣмъ легче уничтожить ихъ; по этому не должно его оставить, но немедленно слѣдовать за нимъ. Если они будутъ дѣйствовать мужественно, то непріятели не будутъ въ состояніи сопротивляться имъ, такъ какъ они нападутъ на нихъ и въ лагерѣ и внѣ (лагеря). Когда этотъ планъ былъ одобренъ, онъ выводитъ войско и слѣдуетъ за Митробарзаномъ; и едва этотъ (Митробарзанъ) прибылъ къ непріятелямъ — Датамъ приказываетъ ударить на непріятеля съ распущенными знаменами. Пизиды, встревоженные новымъ происшествіемъ, попадаютъ на мысль, что перебѣжчики поступили коварно и съ взаимнаго согласія для того, чтобы, будучи принятыми, они могли причинить больше зла,— прежде всего нападаютъ на нихъ. Перебѣжчики же, не зная, что̀ это значитъ и почему такъ дѣйствуютъ,

были принуждены сражаться съ тѣми, къ которымъ перешли и стать на сторонѣ тѣхъ, которыхъ покинули. Такъ какъ ихъ не щадили ни тѣ, ни другіе, то ихъ избили очень скоро. Датамъ нападаетъ на остальныхъ еще сопротивляющихся Пизидовъ, первымъ натискомъ обращаетъ ихъ въ бѣгство, гонится за убѣгающими, убиваетъ многихъ и завладѣваетъ непріятельскимъ лагеремъ. Такой хитростью онъ поразилъ одновременно измѣнниковъ и разбилъ непріятелей, и обратилъ въ свою пользу то, что было придумано для его погибели. Никогда мы не читали о планѣ болѣе остроумномъ и какимъ нибудь полководцемъ скорѣе исполненномъ этого плана.

VII гл.

Однакожъ Сцизмасъ, его старшій сынъ, отложился отъ этого мужа, перешелъ къ царю и донесъ объ измѣнѣ своего отца. Артаксерксъ, встревоженный этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ храбрымъ и дѣльнымъ, который, когда обдумаетъ прежде, то отважится дѣйствовать, и который привыкъ прежде всего обдумывать, чѣмъ предпринимать что нибудь,—посылаетъ Автофрадата въ Каппадокію. Чтобы этотъ (Автофрадатъ) не могъ туда проникнуть, Датамъ старается занять напередъ горы, въ которыхъ находятся киликійскіе узкіе проходы, но не былъ въ состояніи такъ внезапно собрать войско. И такъ, будучи принужденъ оставить это, онъ выбралъ себѣ съ отрядомъ, который онъ собралъ, такое мѣсто, чтобы непріятели не окружили его и противникъ не могъ пройти мимо, не будучи стѣсненнымъ имъ съ двухъ сторонъ, а если бы онъ (противникъ) захотѣлъ сражаться съ нимъ, чтобы многочисленный непріятель не могъ повредить его малому числу людей.

VIII гл.

Хотя Автофрадатъ это видѣлъ, однакожъ рѣшился лучше сразиться, чѣмъ отступить съ такимъ значительнымъ войскомъ, или такъ долго оставаться празднымъ на одномъ мѣстѣ. Онъ имѣлъ 20,000 вар-

варской конницы, 100,000 пѣхоты того разряда, который Персы зовутъ кардаками, и 3,000 пращниковъ такого же разряда; сверхъ того 8,000 каппадокіянъ, 10,000 армянъ, 5,000 пафлагонцевъ, 10,000 фригійцевъ, 5,000 лидянъ, около 3,000 аспендійцевъ и пизидовъ, 2,000 киликіянъ, столько же каптіянъ, 3,000 наемныхъ изъ Греціи и огромное число легко вооруженныхъ воиновъ. Противъ этихъ войскъ вся надежда у Датама основывалась на немъ самомъ и мѣстоположеніи, ибо онъ не имѣлъ и двадцатой части того числа войскъ. Надѣясь на одно и другое, онъ сразился и убилъ нѣсколько тысячъ непріятелей, между тѣмъ какъ изъ его войска пало не болѣе 1,000 человѣкъ. По этому онъ поставилъ на слѣдующій день памятникъ побѣды въ этомъ мѣстѣ, гдѣ на канунѣ дано было сраженіе. Когда онъ отсюда выступилъ въ походъ и не смотря на меньшее число войскъ, всегда выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ сраженій, потому что онъ никогда не сражался иначе, какъ окруживши непріятелей въ неудобномъ для нихъ мѣстѣ (что ему часто удавалось при его знакомствѣ съ мѣстностью и при его хитрости), — Автофрадатъ, видя, что война длится съ большей потерей для царя, чѣмъ для враговъ, сталъ уговаривать его (Датама) къ миру и дружбѣ, чтобы онъ примирился съ царемъ. Хотя Датамъ зналъ, что это примиреніе не прочно, однако принялъ предложеніе, и сказалъ, что пошлетъ пословъ къ Артаксерксу. И такъ окончилась война, которую царь предпринялъ противъ Датама, и Автофрадатъ возвратился во Фригію.

IX гл.

Но царь, который получилъ непримиримую ненависть къ Датаму, замѣтивши, что его нельзя побѣдить войною, старался умертвить его коварнымъ образомъ, чего тотъ нѣсколько разъ избѣгнулъ, такъ напримѣръ, когда его извѣстили, что ему строятъ козни нѣкоторые (люди), которые были изъ числа его друзей, онъ (полагая, что не слѣдуетъ ни

вѣрить тому, ни пренебрегать тѣмъ, о чемъ непріятели доносили), хотѣлъ сдѣлать опытъ, сообщена ли ему истина, или ложь. По этому онъ отправился туда, гдѣ на дорогѣ — какъ ему донесли — строятся козни; но выбралъ человѣка совершенно похожаго на себя по виду и росту, далъ ему свое платье и велѣлъ ему идти въ томъ мѣстѣ своей свиты, гдѣ онъ самъ обыкновенно былъ; онъ же самъ отправился въ путь въ вооруженіи и одеждѣ рядоваго солдата посреди своихъ тѣлохранителей. Когда отрядъ приблизился къ тому мѣсту, злоумышленники, обманутые порядкомъ и одеждой, дѣлаютъ нападеніе на того, который занималъ мѣсто Датама. Датамъ же предварилъ тѣхъ, съ которыми совершалъ путь, чтобы они были готовы дѣлать то, что увидятъ, что онъ самъ дѣлаетъ. Какъ только онъ замѣтилъ сбѣгающихся злоумышленниковъ, то пустилъ самъ въ нихъ свои стрѣлы. Когда всѣ то же самое сдѣлали, то враги пали пронзенные прежде, чѣмъ приблизились къ тому, на котораго хотѣли напасть.

X гл.

Однакожъ Митридатъ, сынъ Аріобарзана, перехитрилъ наконецъ этого столь хитраго человѣка. Ибо онъ увѣрилъ царя, что его умертвитъ, если царь пообѣщаетъ ему, что ему можно дѣлать безнаказанно все, что онъ захочетъ, и дастъ ему въ увѣреніи въ этомъ, по персидскому обычаю, правую руку. Какъ только онъ получилъ отъ царя это увѣреніе, онъ показываетъ видъ, что возбудилъ противъ себя вражду царя, собираетъ войско, и не видавшись съ Датамомъ заключаетъ съ нимъ дружественный союзъ; разоряетъ царскія провинціи, завоевываетъ силой замки, пріобрѣтаетъ большую добычу, часть которой раздаетъ своимъ людямъ, а часть посылаетъ Датаму; равнымъ образомъ передаетъ ему нѣсколько замковъ. Поступая такъ довольно долго, онъ убѣдилъ его (Датама) въ томъ, что началъ противъ царя непримиримую войну, тѣмъ не менѣе, чтобы

не внушить ему (Датаму) подозрѣнія въ козняхъ не искалъ случая говорить съ нимъ, и не старался предстать предъ его лице. И такъ, хотя отсутствующій, онъ показалъ видъ дружбы такого рода, что ихъ, казалось, соединяютъ не взаимныя услуги, но общая обоимъ ненависть, которую они питали къ царю.

XI гл.

Когда Митридатъ полагалъ, что достаточно это доказалъ, то онъ извѣщаетъ Датама, что пора собирать большія войска и начать войну съ самымъ царемъ; и чтобы онъ, если ему угодно, пришелъ въ любое (куда хочетъ) мѣсто для переговоровъ. Когда это предложеніе было одобрено, выбирается для переговоровъ время и мѣсто куда собираться. Митридатъ идетъ туда нѣсколькими днями раньше съ однимъ, къ которому имѣлъ величайшее довѣріе, закапываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по мечу и тщательно замѣчаетъ эти мѣста. Въ самый день переговоровъ оба посылаютъ (людей), которые разсмотрѣли бы мѣсто и обыскали ихъ самыхъ, за тѣмъ они (Датамъ и Митридатъ) сходятся. Когда они, переговоривъ здѣсь нѣкоторое время, разошлись въ разныя стороны и Датамъ уже значительно удалился,—то Митридатъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, не дошедши еще къ своимъ, возвращается въ то же самое мѣсто, садится тамъ, гдѣ оружіе было закопано, какъ будто бы желаетъ отдохнуть отъ усталости, и призываетъ Датама, подъ предлогомъ, что онъ забылъ о чемъ то переговорить. Между тѣмъ онъ вынимаетъ оружіе, которое было скрыто, прячетъ подъ платьемъ, винувши его изъ ноженъ, и говоритъ приближающемуся Датаму, что онъ, удаляясь, замѣтилъ, что нѣкоторое мѣсто, которое находилось у нихъ передъ глазами, было-бы удобно для того, чтобы расположиться лагеремъ. Когда онъ указывалъ на него пальцемъ и тотъ туда смотрѣлъ, — онъ его пронзилъ сзади мечемъ и убилъ прежде, нежели кто нибудь могъ прибѣжать на помощь. Такимъ образомъ притворной дружбой

былъ пойманъ тотъ человѣкъ, который поймалъ многихъ хитростью, но никого измѣной.

XV. ЭПАМИНОНДЪ.

I гл.

Эпаминондъ, сынъ Полимна, ѳивянинъ. Прежде, чѣмъ я начну писать о немъ, слѣдуетъ, мнѣ кажется, предварить читателей, чтобы они не судили о чужихъ обычаяхъ по своимъ, и не думали что то, что для нихъ маловажно, цѣнилось равнымъ образомъ и у другихъ. Мы знаемъ напримѣръ, что музыка, по нашимъ обычаямъ, неприлична для знатнаго лица, а танцовать, вмѣняется даже въ порокъ, но все это считается у грековъ и пріятнымъ, и достойнымъ похвалы. Но такъ какъ я намѣренъ представить образъ привычекъ и жизни Эпаминонда, то я полагаю, что не слѣдуетъ оставить безъ вниманія ничего, относящагося къ тому, чтобы его уяснить. По этому я буду прежде всего говорить о его (Эпаминонда) происхожденіи, потомъ какимъ наукамъ его обучали и кто именно; за тѣмъ о его характерѣ и умственныхъ способностяхъ, и если что нибудь кромѣ того будетъ достойно вниманія; наконецъ о его подвигахъ, которымъ очень многіе даютъ преимущество предъ подвигами всѣхъ другихъ.

II гл.

Онъ родился отъ отца, о которомъ мы выше упомянули и изъ хорошей фамиліи; наслѣдовалъ бѣдность отъ своихъ предковъ, но получилъ такое воспитаніе, что лучшаго не получалъ никто изъ ѳивянъ, ибо онъ выучился играть на арфѣ и пѣть подъ звуки струнъ у Діонисія, который славился между музыкантами не менѣе Дамона и Лампра, имена которыхъ извѣстны всѣмъ; играть на флейтѣ у Олимпіодора; а танцовать у Каллифрона. Учителемъ фи-

лософіи онъ имѣлъ Лизиса, тарентинца, пиѳагорейца, которому былъ такъ преданъ, что онъ, юноша, предпочиталъ сношенія съ угрюмымъ и строгимъ старцемъ всѣмъ своимъ ровесникамъ; и не отпустилъ его отъ себя прежде, чѣмъ превзошелъ въ философическихъ наукахъ своихъ соучениковъ на столько, что легко можно было заключить, что онъ равнымъ образомъ превзойдетъ всѣхъ и въ остальныхъ искусствахъ. По нашимъ обычаямъ это маловажно, или даже достойно презрѣнія, но въ Греціи вмѣнялось конечно въ великую славу. Когда онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и началъ заниматься упражненіями въ гимнастическомъ училищѣ, онъ старался не столько о пріобрѣтеніи большой силы, какъ скорости, ибо первое, полагалъ онъ, можетъ быть пригодко атлетамъ, а другое полезно для войны. По этому онъ упражнялся преимущественно въ бѣганьи и въ борьбѣ до тѣхъ поръ, пока могъ, стоя обхватить (противника) и состязаться. Больше всего онъ употреблялъ старанія на упражненія оружіемъ.

III гл.

Къ этой физической крѣпости присоединилось еще много хорошихъ нравственныхъ качествъ, ибо онъ былъ умѣренъ, уменъ, положителенъ, мудро пользовался обстоятельствами, былъ опитенъ въ войнѣ, лично храбръ, весьма отваженъ и до того правдолюбивъ, что даже шутя не обманывалъ. Онъ былъ также воздержанъ, снисходителенъ и терпѣливъ въ удивительной степени; равнодушенъ къ обидамъ не только отъ народа, но и отъ друзей; скрывалъ особенно тайны (другихъ), что иногда не менѣе полезно, чѣмъ краснорѣчиво говорить; любилъ слушать, такъ какъ полагалъ, что этимъ можно легче всего чему нибудь научиться. По этому, если онъ приходилъ въ общество, въ которомъ или разсуждали о государствѣ, или шла рѣчь о философіи, то никогда не удалялся оттуда прежде, чѣмъ разговоръ не былъ оконченъ. Бѣдность онъ переносилъ до того легко, что отъ республики не пріобрѣлъ ничего, кромѣ

славы. Онъ обходился въ своихъ нуждахъ безъ богатства своихъ друзей; за то пользовался ихъ помощью, чтобы поддерживать другихъ, до того часто, что можно было полагать, что все у него было общимъ съ друзьями. Ибо, если кто нибудь изъ его согражданъ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ, или нельзя было по бѣдности пристроить взрослой дочери друга,— то онъ имѣлъ совѣщаніе съ друзьями и опредѣлялъ по ихъ состоянію, сколько каждый долженъ дать. И когда эта сумма была собрана, то прежде, чѣмъ онъ бралъ деньги, проводилъ того, кто просилъ, къ тѣмъ, которые складывались, и заставлялъ (друзей), отсчитать ихъ ему лично, чтобы тотъ, въ чьи руки эти деньги переходили, зналъ, сколько каждому долженъ.

IV гл.

Его безкорыстіе было испытано Діомедономъ Цизикійскимъ. Ибо этотъ, по просьбѣ Артаксеркса, взялъ на себя подкупить его деньгами. Онъ пришелъ въ Ѳивы съ большимъ количествомъ золота, и 5 талантами склонилъ на свою сторону Микиѳа, юношу, котораго тогда Эпаминондъ весьма любилъ. Микиѳъ идетъ къ Эпаминонду и изъявляетъ причину прибытія Діомедона; но тотъ говоритъ въ присутствіи Діомедона: *денегъ вовсе не нужно; ибо если царь хочетъ того, что полезно ѳивянамъ, то я готовъ это сдѣлать безъ возмездія; если же хочетъ противнаго, то у него нѣтъ достаточно золота и серебра; ибо я не хочу взять богатствъ всего міра за любовь къ отечеству. Я не удивляюсь тебѣ, что ты меня, неизвѣстнаго тебѣ, искушалъ и считалъ себѣ подобнымъ, и я прощаю тебѣ, но удались немедленно отсюда, чтобы не подкупать другихъ, такъ какъ не удалось тебѣ подкупить меня. А ты, Микиѳъ, отдай ему серебро; если же этого тотчасъ не сдѣлаешь, я передамъ тебя правительству.* Когда Діомедонъ его просилъ о томъ, *чтобы ему можно было безопасно выѣхать и взять съ собою богатства, которыя привезъ,* — *онъ отвѣтилъ: я позабочусь о томъ не ради тебя,*

а ради себя, чтобы кто-нибудь не сказалъ, если бы отняли у тебя деньги, что они перешли въ мои руки въ видѣ грабежа, такъ какъ я не хотѣлъ принять ихъ въ видѣ подарка. Когда Эпаминондъ спросилъ Діомедона, куда онъ хочетъ, чтобы его провести, и тотъ сказалъ: въ Аѳины, — (Эпаминондъ) далъ ему стражу, чтобы онъ прибылъ туда безопасно. Однакожъ и этого еще не было достаточно; онъ постарался черезъ Хабрія, аѳинянина, о которомъ мы выше упомянули, чтобы онъ могъ невредимый сѣсть на корабль. Относительно его безкорыстія будетъ достаточно этого примѣра. Хотя мы могли бы привести ихъ много, однако слѣдуетъ соблюсти мѣру, потому, что мы рѣшили помѣстить въ одномъ этомъ томѣ жизнеописанія славнѣйшихъ мужей, жизнь которыхъ очень многіе до меня описали отдѣльно во многихъ тысячахъ строкъ.

V гл.

Онъ тоже былъ такъ краснорѣчивъ, что никто изъ ѳивянъ не равнялся съ нимъ въ способности выражаться; и столько же остроуменъ и точенъ въ короткихъ отвѣтахъ, сколько изященъ въ длинной рѣчи. Онъ имѣлъ завистника, нѣкотораго Манеклида, также изъ Ѳивъ, и противника въ правленіи государствомъ, довольно искуснаго въ краснорѣчіи, для ѳивянина, ибо у этого народа болѣе физическихъ силъ, чѣмъ умственныхъ способностей. Когда онъ (Менеклидъ) увидѣлъ, что Эпаминондъ отличается въ военномъ искусствѣ, то часто увѣщевалъ ѳивянъ, *чтобы они предпочитали миръ войнѣ и не домогались содѣйствія его (Эпаминонда), какъ главнаго вождя.* Тотъ ему отвѣтилъ: *отклоняя своихъ согражданъ отъ войны, ты обманываешь ихъ (пустыми) словами, ибо подъ именемъ мира ты приготовляешь имъ рабство, такъ какъ миръ пріобрѣтается войною. По этому, кто хочетъ пользоваться прочнымъ миромъ, долженъ быть пріученъ къ войнѣ. За тѣмъ, если хотите быть первыми въ Греціи, вы должны жить въ лагеряхъ, а не въ гимназіяхъ.* Когда тотъ же Менеклидъ

его упрекалъ въ томъ, *что онъ не имѣлъ дѣтей и не женился, и еще болѣе въ высокомѣріи, такъ какъ ему (Эпаминонду) кажется, что онъ достигъ военной славы Агамемнона*, — то тотъ отвѣчалъ: *перестань, Менеклидъ, порицать меня относительно женитьбы, ибо я желалъ бы въ этомъ отношеніи менѣе всего пользоваться твоимъ совѣтомъ. Если же полагаешь, что я подражаю Агамемнону, то ошибаешься, ибо тотъ вмѣстѣ со всей Греціей едва въ 10 лѣтъ завладѣлъ однимъ городомъ, я же напротивъ, побѣдивши лакедемонянъ, освободилъ въ одинъ день всю Грецію одними силами нашего города.*

VI гл.

Когда Эпаминондъ пришелъ въ собраніе аркадянъ, прося, чтобы они заключили союзъ съ ѳивянами и аргосцами, Калликратъ же, аѳинскій посолъ, превосходившій въ то время всѣхъ краснорѣчіемъ, требовалъ, чтобы они искали дружбы аѳинянъ, и весьма нападалъ въ своей рѣчи на ѳивянъ и аргосцевъ и между прочимъ высказалъ, *что аркадяне должны обратить вниманіе на то, какихъ гражданъ оба государства произвели, по которымъ можно судить и объ остальныхъ, ибо, Орестъ и Алкмеонъ, матереубійцы, были аргосцами, а въ Ѳивахъ родился Эдипъ, который, убивши своего отца, прижилъ дѣтей со своей матерью*, — тогда, въ своемъ возраженіи на это, Эпаминондъ — окончивши свою рѣчь относительно остальныхъ предметовъ и перейдя къ тѣмъ двумъ упрекамъ — сказалъ, *что онъ удивляется безразсудности аттическаго ритора, который не обратилъ вниманія на то, что тѣ (люди) родились невинными, и, совершивши преступленіе, были приняты аѳинянами, когда ихъ изгнали изъ отечества.* Но болѣе всего онъ (Эпаминондъ) прославился своимъ краснорѣчіемъ, когда былъ посломъ въ Спартѣ передъ сраженіемъ при Левктрахъ. Когда туда собрались послы всѣхъ союзниковъ, онъ обвинилъ тиранію лакедемонянъ въ присутствіи многочисленнѣйшаго собранія посольствъ

такъ сильно, что онъ той рѣчью не менѣе поколебалъ ихъ могущество, чѣмъ левктрійскимъ сраженіемъ. Ибо, какъ потомъ оказалось, онъ сдѣлалъ тогда то, что лакедемоняне лишились помощи своихъ союзниковъ.

VII гл.

Вотъ примѣры, что онъ былъ терпѣливъ и переносилъ (равнодушно) оскорбленія со стороны своихъ согражданъ, такъ какъ онъ считалъ грѣхомъ, гнѣваться на отечество. Когда сограждане, изъ зависти, не хотѣли поставить его начальникомъ надъ войскомъ и выбрали вождя неопытнаго въ военномъ дѣлѣ, ошибкой котораго то многочисленное войско было доведено до того, что всѣ боялись за свое спасеніе, (такъ какъ они, запертые въ тѣснинѣ, были осаждаемы непріятелемъ),—то начали чувствовать потребность въ дѣятельности Эпаминонда, который, какъ частный человѣкъ, находился въ числѣ солдатъ. Когда просили у него помощи, онъ вовсе не вспоминалъ оскорбленія и, освободивши войско отъ осады, повелъ его невредимымъ домой. И такъ онъ дѣйствовалъ не разъ, а очень часто. Однакожъ самый знаменитый подвигъ его былъ, когда онъ повелъ войско въ Пелопоннесъ противъ лакедемонянъ и имѣлъ двухъ соначальниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ Пелопидъ, храбрый и рѣшительный мужъ. Когда они всѣ подвергнулись ненависти по обвиненіямъ своихъ враговъ и по этой причинѣ ихъ лишили власти и назначили другихъ на ихъ мѣсто,—то Эпаминондъ не повиновался рѣшенію народа, и убѣдилъ своихъ товарищей, чтобы они то же самое сдѣлали и продолжалъ войну, которую началъ. Ибо онъ былъ убѣжденъ, что войско, если онъ этого не сдѣлаетъ, погибнетъ черезъ неосторожность полководцевъ и невѣжество ихъ въ военномъ дѣлѣ. Былъ законъ въ Ѳивахъ, который наказывалъ смертью, если кто удерживалъ за собою верховную власть долѣе, чѣмъ было опредѣлено закономъ;- Эпаминондъ, видя, что этотъ законъ изданъ для сохраненія рес-

публики, не хотѣлъ обратить его на гибель государства, и удержалъ за собою верховную власть 4 мѣсяца болѣе, чѣмъ велѣлъ народъ.

VIII гл.

Когда онъ возвратился домой, то его товарищей обвинили въ этомъ преступленіи. Но онъ позволилъ имъ сложить всю вину на него и утверждать, что вслѣдствіе его вліянія случилось, что они не повиновались закону. Когда тѣ освободились отъ опасности такимъ защищеніемъ, никто не думалъ, чтобы Эпаминондъ явился къ отвѣту, потому что не имѣлъ, что возразить. Однакожъ онъ предсталъ предъ судъ; ничего не отрицалъ изъ того, въ чемъ враги его обвинили и сознался во всемъ, что сказали его товарищи; онъ не отказался также подвергнуться законному наказанію, и просилъ только одного, чтобы записали въ протоколѣ: *Эпаминондъ былъ ѳивянами наказанъ смертью за то, что заставилъ ихъ побѣдить при Левктрахъ лакедемонянъ, противъ которыхъ до его начальства, никто изъ ѳивянъ не отважился выступить въ сраженіе, и за то, что онъ не только спасъ отъ гибели Ѳивы однимъ сраженіемъ, но возвратилъ независимость всей Греціи; и повелъ дѣла ихъ (обоихъ) такъ, что ѳивяне напали на Спарту и лакедемоняне были довольны, когда остались невредимы; также за то, что не прежде пересталъ воевать, чѣмъ, возстановивши Мессену, осадилъ ихъ (лакедемонянъ) городъ.* Когда онъ это сказалъ, поднялся всеобщій веселый смѣхъ, и ни одинъ судья не рѣшился подать голосъ противъ него. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ уголовнаго дѣла съ величайшей славой.

IX гл.

Когда онъ къ концу (войны) былъ полководцемъ при Мантинеѣ и, поставивши войско въ боевомъ порядкѣ, слишкомъ смѣло напалъ на непріятелей, то былъ узнанъ лакедемонянами; а такъ какъ они полагали, что благо ихъ отечества зависитъ отъ смер-

ти его одного, всѣ сдѣлали нападеніе на него одного и не прекратили боя, пока послѣ долгаго кровопролитія и смерти многихъ, не увидѣли падающимъ весьма храбро сражающагося Эпаминонда, пронзеннаго издали копьемъ. Вслѣдствіе его паденія ѳивяне не много задержаны были, однакожъ не прежде оставили сраженіе, чѣмъ поразили противниковъ. Но когда Эпаминондъ увидѣлъ, что получилъ смертельную рану и вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что умретъ, если вынетъ желѣзо, которое осталось въ его тѣлѣ отъ копья, то оставилъ его, пока послѣдовало извѣстіе, что ѳиванцы побѣдили. Услышавши это, онъ сказалъ: *я жилъ довольно, ибо умираю непобѣжденнымъ*. И тогда, вынувши желѣзо, тотчасъ скончался.

X гл.

Онъ никогда не женился. Когда Эпаминонда въ этомъ упрекалъ Пелопидъ, который имѣлъ сына, пользующагося дурною извѣстностью, и сказалъ ему, что онъ, не оставляя дѣтей, мало заботится въ этомъ отношеніи объ отечествѣ, тотъ возразилъ: *смотри, чтобы ты не оказалъ менѣе заботы о немъ, оставляя такого сына. Мнѣ же не можетъ недоставать потомства, ибо я оставляю дочь, сраженіе при Левктрахъ, которая, не только меня переживетъ, но и необходимо должна быть безсмертной*. Въ то время когда изгнанники подъ предводительствомъ Пелопида завладѣли Ѳивами и изъ за́мка выгнали гарнизонъ лакедемонянъ, тогда Эпаминондъ оставался дома, пока происходило убійство гражданъ, такъ какъ не хотѣлъ ни защищать злонамѣренныхъ, ни нападать на нихъ, чтобы не обагрить рукъ кровью своихъ согражданъ, ибо онъ полагалъ, что всякая побѣда надъ согражданами пагубна. Но онъ же находился въ первыхъ рядахъ, когда начали сражаться при Кадмеѣ съ лакедемонянами. Относительно его добродѣтелей и жизни довольно будетъ сказано, если еще то одно прибавлю, чего никто не будетъ отрицать, что Ѳивы, какъ до рожденія Эпаминонда, такъ и послѣ его смерти, постоянно повиновались чужой власти; но, пока

онъ начальствовалъ надъ республикой, были во главѣ всей Греціи. Изъ этого можно заключить, что одинъ человѣкъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ все государство.

XVI. ПЕЛОПИДЪ.

I гл.

Пелопидъ, ѳивянинъ, извѣстенъ болѣе историкамъ, чѣмъ народу. Я нахожусь въ нерѣшимости, какимъ образомъ изложить его хорошія качества, ибо боюсь, если начну разсказывать его дѣянія, чтобы не показалось, что я не жизнь его описываю, а пишу исторію; если же я коснусь только его главныхъ подвиговъ, (боюсь) что недовольно ясно представится не свѣдущимъ въ греческой литературѣ, какимъ онъ былъ мужемъ. По этому постараюсь избѣгнуть того и другаго недостатка, на сколько буду въ состояніи, и изложу съ достаточною полнотою, не утомляя читателей. Когда Фебидъ, лакедемонянинъ, велъ войско въ Олинѳъ и совершалъ свой путь черезъ Ѳивы, то осадилъ за́мокъ города, названный Кадмеей, по внушенію немногихъ ѳивянъ, которые были на сторонѣ лакедемонянъ, чтобы тѣмъ легче сопротивляться противной партіи; это онъ сдѣлалъ по собственной волѣ, а не по власти, ему данной. Вслѣдствіе этого лакедемоняне удалили его отъ войска и осудили къ денежной пенѣ; но тѣмъ не менѣе они не передали за́мка ѳивянамъ такъ какъ, вслѣдствіе возникшихъ уже враждебныхъ отношеній считали болѣе выгоднымъ, держать ихъ въ осадѣ чѣмъ освободить. Ибо послѣ пелопоннезской войны и побѣды надъ Аѳинами они полагали, что будутъ имѣть дѣло съ ѳиванцами и, что они будутъ одни, которые осмѣлятся имъ сопротивлятся. Въ этомъ убѣжденіи они дали своимъ приверженцамъ самыя высокія мѣста въ государствѣ; начальниковъ же другой партіи частью убили, частью изгнали; въ числѣ этихъ былъ из-

гнанъ и лишенъ отечества Пелопидъ, о которомъ я началъ писать.

II гл.

Почти всѣ эти изгнанника отправились въ Аѳины, не для того, чтобы предаться праздности, но для того, чтобы воспользоваться для востановленія отечества случаемъ, какой судьба представитъ въ будущемъ. Когда по этому представилось удобное время для исполненія плана, они вмѣстѣ съ тѣми, которые въ Ѳивахъ раздѣляли ихъ образъ мыслей, выбрали для нападенія на своихъ враговъ и освобожденія отечества такой день, когда главные начальники обыкновенно вмѣстѣ пиршествовали. Часто большіе подвиги совершались немногочисленными войсками, но дѣйствительно никогда такія огромныя силы не были поражены такимъ незначительнымъ началомъ Ибо 12 юношей соединились изъ числа тѣхъ, которые были изгнаны, между тѣмъ какъ вообще было не болѣе 100 человѣкъ, которые хотѣли подвергнуться такой опасности. И этимъ малымъ числомъ людей могущество лакедемонянъ было сокрушено. Ибо они начали въ то время войну не только съ противной партіей, но и съ спартанцами, которые стояли во главѣ всей Греціи, и самовластное величіе которыхъ, сокрушенное этимъ началомъ, упало не много времени спустя вслѣдствіе сраженія при Левктрахъ. Когда тѣ 12 человѣкъ, вождемъ которыхъ былъ Пелопидъ, вышли днемъ изъ Аѳинъ чтобы прійти подъ вечеръ въ Ѳивы,—то отправились съ охотничьими собаками, сѣтями (несущіе сѣти) и въ крестьянской одеждѣ, чтобы возбудить тѣмъ менѣе подозрѣнія по дорогѣ. Прибывши въ то самое время, въ какое желали, они пошли въ домъ Харона, которымъ былъ назначенъ день и часъ.

III гл.

При этомъ случаѣ прибавлю, хотя это не соотвѣтствуетъ цѣли моего разсказа, какъ слишкомъ большая умѣренность бываетъ гибельна. Ибо тотчасъ

дошло до слуха ѳивскихъ начальниковъ, что изгнанники прибыли въ городъ. Они же (начальники), предавшись пьянству и пиршеству, до того этимъ пренебрегли, что даже не трудились развѣдать относительно этого дѣла. Прибавилось еще одно обстоятельство, которое болѣе можетъ обнаружить ихъ безразсудство: принесено было письмо изъ Аѳинъ отъ Архія гіерофанта къ Архію, одному изъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было тогда верховное правленіе въ Ѳивахъ, въ которомъ (письмѣ) все было написано о выходѣ изгнанниковъ. Такъ какъ передали ему это письмо въ то время, когда онъ находился за столомъ, то онъ положилъ его, запечатанное, какъ было, подъ подушку, и сказалъ: *важныя дѣла я отлагаю на завтра.* Когда ночь наступила, они всѣ пьяные, были убиты изгнанниками подъ предводительствомъ Пелопида. Когда это совершили и созвали народъ къ оружію и свободѣ, то не только сбѣжались тѣ, которые были въ городѣ, но и отовсюду съ полей; выгнали изъ за̀мка гарнизонъ лакедемонянъ, и освободили отечество отъ осады, а виновниковъ занятія Кадмеи частью убили, частью изгнали.

IV гл.

Въ это столь бурное время, Эпаминондъ, какъ мы выше сказали, оставался спокойно дома пока сражались съ гражданами, по этому честь освобожденія Ѳивъ принадлежитъ одному Пелопиду; всю почти остальную славу онъ раздѣляетъ съ Эпаминондомъ. Ибо въ сраженіи при Левктрахъ, подъ предводительствомъ Эпаминонда, Пелопидъ былъ вождемъ священнаго баталіона, который первый сокрушилъ фалангу лакедемонянъ. Кромѣ того онъ участвовалъ съ нимъ во всѣхъ опасностяхъ; такъ напримѣръ, когда Эпаминондъ напалъ на Спарту,—то Пелопидъ командовалъ другимъ крыломъ; онъ (Пелопидъ) отправился также какъ посолъ въ Персію, чтобы скорѣе возстановить Мессену. Словомъ, онъ былъ вторымъ лицемъ въ Ѳивахъ, но однакожъ вторымъ, такъ, что онъ былъ ближайшимъ къ Эпаминонду.

V гл.

Однако онъ боролся съ судьбою; ибо сначала онъ, изгнанникъ, лишился отечества, какъ мы выше указали, и былъ схваченъ Александромъ, тиранномъ ферейскимъ, вмѣстѣ съ Исменою, и брошенъ въ темницу, когда хотѣлъ покорить Ѳессалію ѳиванцамъ и считалъ себя достаточно защищеннымъ правами посла, которыя бывали у всѣхъ народовъ священными. Эпаминондъ освободилъ его, когда началъ войну противъ Александра. Послѣ этого Пелопидъ никогда не могъ примириться съ тѣмъ, кто его оскорбилъ, и убѣдилъ по этому ѳивянъ, чтобы они пришли на помощь Ѳессаліи и изгнали ея тиранновъ. Когда ему передали верховную власть въ этой войнѣ и онъ туда отправился съ войскомъ,—то не находился въ нерѣшимости, напасть-ли, когда увидѣлъ врага. Какъ только онъ замѣтилъ Александра въ этомъ сраженіи то, воспламененный гнѣвомъ, далъ шпоры лошади, бросился на него и, удалившись далеко отъ своего войска, палъ, пронзенный множествомъ стрѣлъ. И это случилось тогда, когда побѣда склонялась на сторону ѳессалійцевъ, такъ какъ войско тиранновъ уже приходило въ разстройство. Вслѣдствіе этого всѣ государства Ѳессаліи одарили убитаго Пелопида золотыми вѣнками и бронзовыми статуями, а дѣтей его значительнымъ количествомъ земли.

XVII. АГЕЗИЛАЙ.

I гл.

Агезилай, лакедемонянинъ, былъ прославляемъ какъ остальными писателями, такъ и преимущественно Ксенофонтомъ, ученикомъ Сократа, ибо онъ былъ очень съ нимъ друженъ. Сначала онъ имѣлъ споръ съ Леотихидомъ, сыномъ брата, о власти царской. Ибо у лакедемонянъ есть переданный предками обычай, чтобы имѣть всегда двухъ царей — болѣе по

имени, чѣмъ по власти — изъ двухъ фамилій: Прокла и Эвристена, которые первые, изъ поколѣнія Геркулеса, были царями въ Спартѣ. Не позволялось, чтобы кто нибудь изъ одной фамиліи избирался царемъ вмѣсто изъ другой; и такъ каждая изъ нихъ удерживала наслѣдство по прямой линіи. Сначала принимали въ соображеніе, кто былъ старшій изъ сыновей умершаго царя. Если же онъ не оставилъ потомка мужескаго пола, тогда избирали того, кто былъ ближайшій по родству. Скончался царь Агизъ, братъ Агезилая; онъ оставилъ сына Леотихида, котораго не признавалъ, пока былъ живъ, а умирая сказалъ, что онъ его сынъ. Этотъ спорилъ съ своимъ дядей Агезилаемъ о царскомъ достоинствѣ, однако не достигъ того, чего желалъ, такъ какъ предпочли Агезилая, потому что за него ходатайствовалъ Лизандръ, человѣкъ (какъ мы выше указали) властолюбивый и въ то время могущественный.

II гл.

Какъ только онъ завладѣлъ верховной властью, то убѣдилъ лакедемонянъ послать войско въ Азію и начать войну противъ персидскаго царя, доказывая имъ, что выгоднѣе сражаться въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ, ибо пронеслась молва, что Артаксерксъ снаряжаетъ флотъ и собираетъ сухопутныя войска, чтобы отправить ихъ въ Грецію. Когда ему (Агезилаю) ввѣрили власть, то онъ приступилъ къ дѣлу съ такой поспѣшностью, что раньше пришелъ съ войсками въ Азію, чѣмъ царскіе сатрапы узнали, что онъ отправился. Вслѣдствіе чего произошло, что онъ засталъ всѣхъ невооруженными и неожидающими (нападенія). Когда узналъ объ этомъ Тиссафернъ, который между царскими намѣстниками имѣлъ тогда верховную власть, то сталъ просить у лакедемонянъ перемирія, подъ предлогомъ, что онъ старается о примиреніи лакедемонянъ съ царемъ, на самомъ же дѣлѣ для собиранія войскъ. И онъ выпросилъ перемиріе на три мѣсяца. Оба же клялись, что сохранятъ перемиріе безъ лукавства; и Агезилай испол-

нилъ добросовѣстно этотъ договоръ, Тиссафернъ же, напротивъ ничѣмъ другимъ не занимался, какъ только приготовленіемъ къ войнѣ. Хотя лакедемонянинъ это замѣтилъ, однако выполнилъ клятву и увѣрялъ, *что онъ много этимъ выиграетъ, такъ какъ Тиссафернъ нарушеніемъ клятвы отклоняетъ и людей отъ своего дѣла и возмущаетъ противъ себя боговъ; онъ же, исполняя клятву, ободритъ войско, когда оно узнаетъ, что боги имъ содѣйствуютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ склонитъ къ себѣ и людей, такъ какъ они обыкновенно бываютъ на сторонѣ тѣхъ, которыхъ видятъ сдерживающими свое слово.*

III гл.

Когда срокъ перемирія прошелъ, варваръ, — не сомнѣваясь въ томъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе преимущественно на Карію, такъ какъ тамъ было болѣе всего зáмковъ и эта страна считалась въ то время положительно самой богатой,— собралъ туда всѣ свои войска. Но Агезилай направилъ свой путь во Фригію, и опустошилъ ее прежде, чѣмъ Тиссафернъ двинулся куда нибудь. Обогативши своихъ солдатъ большой добычей, онъ повелъ свое войско назадъ въ Эфесъ, чтобы тамъ провести зиму; устроилъ тамъ оружейныя фабрики и приготовлялся къ войнѣ съ большимъ рвеніемъ. И чтобы тѣмъ ревностнѣе (его воины) вооружались и тѣмъ старательнѣе снабжались всѣмъ необходимымъ, онъ назначилъ награды, которыми одарялись тѣ, чья дѣятельность въ этомъ отношеніи была особенно замѣчательна. Онъ дѣлалъ то же самое и относительно различныхъ военныхъ упражненій, такъ что награждалъ щедро тѣхъ, которые превосходили другихъ. Такими мѣрами онъ достигъ того, что имѣлъ войско весьма хорошо вооруженное и прекрасно пріученное къ войнѣ. Когда время показалось Агезилаю удобнымъ, чтобы вывести войска изъ зимнихъ квартиръ, онъ увидѣлъ, что непріятели не повѣрятъ этому, если онъ открыто объявитъ, куда намѣренъ отправится, что они займутъ войскомъ другія страны и не будутъ сомнѣ-

ваться, что онъ поступитъ иначе, нежели объявилъ. И такъ, какъ онъ сказалъ, что пойдетъ въ Сарды, Тиссафернъ полагалъ, что ему слѣдуетъ защищать туже Карію. Когда онъ обманулся въ этомъ предположеніи и увидѣлъ, что его перехитрили, то уже поздно отправился къ своимъ на помощь; ибо когда онъ туда пришелъ, Агезилай, завоевавши многія мѣста, завладѣлъ уже большой добычей. Лакедемонянинъ же, видя, что непріятели превосходятъ его конницей, не доставлялъ имъ никогда случая напасть на себя въ открытомъ полѣ, а сражался съ ними въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ пѣхота имѣла большее значеніе. По этому, сколько разъ онъ ни сражался, онъ обращалъ въ бѣгство, гораздо большія войска непріятелей, и поступалъ въ Азіи такъ, что считался по общему мнѣнію побѣдителемъ.

IV гл.

Когда онъ былъ занятъ мыслію, чтобы отправиться въ Персію и напасть на самаго царя, пришелъ къ нему вѣстникъ по повелѣнію эфоровъ (и сказалъ), что аѳиняне и ѳивяне объявили войну лакедемонянамъ и чтобы онъ по этому не медлилъ возвратиться. Въ этомъ случаѣ не менѣе слѣдуетъ цѣнить его любовь къ отечеству, чѣмъ военную доблесть: хотя онъ начальствовалъ надъ побѣдоноснымъ войскомъ, и имѣлъ величайшую надежду, завладѣть персидскимъ государствомъ, однако повиновался приказаніямъ отдаленнаго начальства, какъ будто бы былъ въ народномъ собраніи въ Спартѣ. О если бы наши полководцы слѣдовали его примѣру! Однако возвратимся къ предидущему. Агезилай предпочелъ доброе имя богатѣйшему государству и считалъ гораздо болѣе славнымъ, повиноваться законамъ отечества, чѣмъ побѣдить въ войнѣ Азію. Съ такимъ убѣжденіемъ онъ перевелъ войско чрезъ Геллеспонтъ и дѣйствовалъ съ такой поспѣшностью, что прошелъ въ 30 дней дорогу, которую Ксерксъ совершилъ въ продолженіи года. Когда онъ находился уже недалеко отъ Пелопоннеса, то аѳиняне, ѳивяне и остальные

ихъ союзники пытались ему сопротивляться вблизи Коронеи; однако онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ въ кровопролитномъ сраженіи. Главнѣйшая же слава этой побѣды состояла въ томъ, что онъ,—когда очень многіе въ бѣгствѣ бросились въ храмъ Минервы и спрашивали его, какъ онъ желаетъ, чтобы съ ними было поступлено, и хотя онъ получилъ въ этомъ сраженіи нѣсколько ранъ и, казалось, былъ сердитъ на всѣхъ, которые носили оружіе противъ него,— однако ставилъ религію выше гнѣва и запретилъ причинять имъ насиліе. Однакожъ онъ не только въ Греціи такъ поступалъ, что считалъ храмы боговъ священными, но и у варваровъ съ величайшимъ благоговѣніемъ онъ сохранялъ всѣ изображенія боговъ и алтари. По этому онъ громко высказывалъ свое удивленіе (что удивляется), *что не считаются святотатцами тѣ, которые посягаютъ на просящихъ защиты у боговъ; или что тѣхъ, которые ослабляютъ религію, не наказываютъ строже, чѣмъ грабителей храмовъ.*

V гл.

Послѣ этого сраженія вся война сосредоточилась вокругъ Коринеа, и названа по этому коринеской. Когда здѣсь подъ предводительствомъ Агезилая погибло въ одномъ сраженіи 10,000 непріятелей и вслѣдствіе этой потери, казалось, силы противниковъ ослабѣли, онъ былъ такъ далекъ оттого, чтобы этимъ гордиться, что сожалѣлъ о судьбѣ Греціи, потому что такъ многіе, побѣжденные имъ, погибли по винѣ противниковъ; ибо можно было, (говорилъ онъ) уничтожить Персію съ такимъ значительнымъ числомъ грековъ, если бы они были благоразумны. И такъ еще, когда онъ загналъ противниковъ въ городъ и многіе увѣщевали его, чтобы онъ сдѣлалъ нападеніе на Коринеъ,—онъ отвѣчалъ, что это не согласно съ его характеромъ и прибавилъ: *что онъ такой человѣкъ, который заставляетъ неповинующихся опять покориться, а не такой, который беретъ силою славнѣйшіе города Греціи. Ибо, если мы захотимъ,* про-

должалъ онъ, *уничтожать тѣхъ, которые стояли на нашей сторонѣ противъ варваровъ, то мы сами себя будемъ уничтожать, между тѣмъ какъ тѣ останутся въ спокойствіи; а послѣ этого, они насъ покорятъ безъ труда, если пожелаютъ.*

VI гл.

Между тѣмъ случилось съ лакедемонянами то несчастіе при Левктрахъ. Чтобы туда не отправится, когда очень многіе настаивали на томъ, чтобы онъ отправился, онъ, какъ будто бы предугадывая исходъ, не хотѣлъ выступить. Но когда Эпаминондъ бралъ Спарту приступомъ, и этотъ городъ не имѣлъ стѣнъ, онъ оказался такимъ полководцемъ, что всѣмъ, въ то время было ясно, что Спарта не существовала бы болѣе, если бы его не было. Ибо въ той опасности быстрота его соображенія послужила всѣмъ къ спасенію. Когда нѣкоторые юноши, встревоженные прибытіемъ враговъ, хотѣли перебѣжать на сторону ѳивянцевъ и заняли возвышенное мѣсто внѣ города,—Агезилай, видя, что это послужитъ къ погибели, если будетъ замѣчено, что кто-нибудь пытается перейти къ непріятелямъ, пошелъ туда съ своими приближенными и похвалилъ ихъ догадливость, что заняли это мѣсто, какъ будто бы они это сдѣлали съ добрымъ намѣреніемъ Онъ также замѣтилъ (прибавилъ онъ), что это слѣдуетъ сдѣлать. Такимъ образомъ онъ опять привлекъ къ себѣ юношей притворной похвалой, и, присоединивши къ нимъ нѣсколькихъ изъ своихъ спутниковъ, оставилъ мѣсто безопаснымъ, ибо тѣ, когда число ихъ увеличилось такими (воинами), которые не были посвящены въ ихъ планъ, не осмѣлились двинуться, и тѣмъ охотнѣе такъ какъ они полагали, что то, что̀ замышляли, никому неизвѣстно.

VII гл.

Безъ сомнѣнія лакедемоняне никогда не поправились въ силахъ послѣ сраженія при Левктрахъ и не пріобрѣли своего прежняго могущества, между тѣмъ

какъ Агезилай никогда не переставалъ помогать отечеству, чѣмъ только могъ. А такъ какъ лакедемоняне нуждались преимущественно въ деньгахъ, то онъ служилъ помощью всѣмъ, которые отложились отъ персидскаго царя; и одаренный ими большимъ количествомъ денегъ помогалъ отечеству. При этомъ слѣдуетъ особенно удивляться тому, что онъ, получая такіе богатые подарки отъ царей, вассаловъ и государствъ, никогда ничего не бралъ въ свой домъ и не перемѣнилъ ничего ни въ образѣ жизни, ни въ одеждѣ лакедемонской. Онъ довольствовался такимъ домомъ, какимъ пользовался Эврисѳенъ, его родоначальникъ, и кто вошелъ въ его домъ, ни какъ не могъ замѣтить ни признаки роскоши, ни расточительности; а напротивъ, много признаковъ недостатка и воздержности, ибо его домъ былъ такъ устроенъ, что ничѣмъ не отличался отъ дома любого незажиточнаго частнаго человѣка.

VIII гл.

На сколько этотъ великій мужъ имѣлъ природу покровительницей, одарившей его нравственными качествами, на столько же нашелъ ее и недоброжелательной въ образованіи его тѣла; ибо онъ былъ малаго роста, худощавъ и хромъ. Этотъ недостатокъ его даже обезображивалъ, и тѣ, которые его не знали, презирали его, увидя его наружность въ первый разъ; но кто узналъ его превосходныя качества, тотъ не могъ ему довольно удивляться. И это на самомъ дѣлѣ случилось съ нимъ, когда онъ, восьмидесятилѣтній старецъ, пошелъ на помощь Таху въ Египетъ, лежалъ съ своимъ войскомъ на морскомъ берегу, безъ крова, и мѣсто его отдыха состояло въ томъ, что землю покрыли для него соломой и ничего болѣе не положили туда кромѣ кожи; тамъ же лежали и его приближенные, всѣ въ простомъ изношенномъ платье, такъ что ихъ нарядъ не только не обнаруживалъ между ними царя, но представлялъ видъ людей не весьма достаточныхъ. Когда молва о его прибытіи пронеслась къ придворнымъ (царя Таха),

они поспѣшно принесли ему туда различные подарки. Спрашивая объ Агезилаѣ, они едва повѣрили, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые тогда тамъ лежали. Когда они передали ему то, что принесли отъ имени царя, то Агезилай ничего не удержалъ для себя, кромѣ телятины и съѣстныхъ припасовъ различнаго рода, которые нужны были въ то время; мази благовонныя, вѣнки и дессертъ онъ раздалъ рабамъ; остальное же велѣлъ взять съ собою назадъ. Вслѣдствіе этого варвары еще болѣе его презирали, такъ какъ они думали, что онъ выбралъ тѣ предметы по неимѣнію вкуса. Когда Агезилай возвращался изъ Египта, одаренный царемъ Нектанабисомъ 220 талантами — которые тотъ ему далъ въ подарокъ для его народа—и прибылъ въ гавань, лежащую между Кириной и Египтомъ, то, впавши въ болѣзнь, скончался. Чтобы легче перевесть его въ Спарту друзья тамъ же облили его воскомъ, такъ какъ не было меда, и перевезли его такимъ образомъ домой.

XVIII. ЭВМЕНЪ.

I гл.

Эвменъ, кардіанецъ. Если бы счастіе соотвѣтствовало его добродѣтели, то онъ конечно не сдѣлался бы болѣе великимъ, но гораздо болѣе знаменитымъ и еще болѣе уважаемымъ, потому что мы цѣнимъ великихъ людей по ихъ добродѣтели, а не по счастію. Ибо такъ какъ онъ жилъ въ то время, когда лакедемоняне процвѣтали, то ему весьма вредило, что онъ, живя между ними, былъ изъ чужой страны; и ему только и недоставало, благороднаго происхожденія. Хотя онъ былъ въ своемъ отечествѣ знатнаго рода, однако македоняне негодовали, что ему даютъ иногда предпочтеніе передъ ними. Не смотря на то, они это переносили, такъ какъ онъ превосходилъ всѣхъ старательностью, бдительностью, хитростью и присутствіемъ духа. Будучи еще юно-

шей, Эвменъ подружился съ Филиппомъ, сыномъ Аминта, и пріобрѣлъ въ короткое время полнѣйшее его довѣріе, такъ какъ прекрасныя способности Эвмена уже обнаруживались въ его юномъ возрастѣ. По этому Филиппъ имѣлъ его при себѣ секретаремъ, что у грековъ было гораздо почетнѣе, чѣмъ у римлянъ. Ибо у насъ секретари, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, считаются наемниками; у нихъ же напротивъ никто не допускался къ этой должности, кромѣ того, кто происходилъ отъ хорошей фамиліи и былъ испытанной вѣрности и дѣятельности, такъ какъ необходимо, чтобъ онъ принималъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ. Онъ занималъ это мѣсто довѣреннаго лица у Филиппа 7 лѣтъ. Когда его (Филиппа) убили, онъ исполнялъ ту же должность 13 лѣтъ при Александрѣ. Въ послѣднее время онъ командовалъ также однимъ флангомъ конницы, который назывался гетерскимъ. Обоимъ (Филиппу и Александру) онъ былъ полезенъ совѣтомъ и имѣлъ участіе во всѣхъ дѣлахъ.

II гл.

Когда, послѣ смерти Александра, въ Вавилонѣ провинціи были раздѣляемы между всѣми наперстниками и сохраненіе верховной власти было поручено тому, кому Александръ, умирая, передалъ свой перстень, именно Пердиккѣ, изъ чего всѣ заключили, что Александръ ему ввѣрилъ государство, пока дѣти его достигнутъ совершеннолѣтія (ибо тогда отсутствовали Кратеръ и Антипатръ, которые, казалось, пользовались предъ нимъ предпочтеніемъ, и Эфестіонъ— котораго Александръ, какъ легко можно было замѣтить, больше всѣхъ уважалъ—умеръ) — въ то время Каппадокія была дана Эвмену, или скорѣе обѣщена, такъ какъ она находилась тогда во власти непріятелей. Его то, Пердикка, большимъ стараніемъ привлекъ къ себѣ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ человѣкѣ вѣрность и великую дѣятельность, не сомнѣваясь, что онъ ему будетъ весьма полезнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ онъ дѣлалъ приготовле-

нія, если онъ его привлечетъ на свою сторону. Ибо онъ думалъ о томъ, чего почти всѣ желаютъ въ большихъ государствахъ, чтобы завладѣть удѣлами всѣхъ и соединить ихъ подъ своею властью. Однако не онъ одинъ такъ поступалъ, но также всѣ остальные, которые причислялись къ друзьямъ Александра. Прежде всѣхъ Леоннатъ преднамѣрился завладѣть Македоніей. Этотъ старался многими большими обѣщаніями побудить Эвмена, чтобы онъ оставилъ Пердикку и заключилъ съ нимъ союзъ. Когда ему не удалось уговорить Эвмена, то онъ пытался его убить и сдѣлалъ бы это, если бы тотъ ночью тайно не убѣжалъ изъ мѣстъ имъ занятыхъ.

III гл.

Между тѣмъ возгорѣлись войны, которыя послѣ смерти Александра ведены были до совершеннаго истребленія вождей, и всѣ соединились, чтобы побѣдить Пердикку. Хотя Эвменъ видѣлъ его слабымъ, такъ какъ онъ одинъ долженъ былъ сопротивляться всѣмъ, однако не оставилъ друга и не менѣе заботился о спасеніи, чѣмъ о вѣрности. Пердикка поставилъ его начальникомъ надъ той частью Азіи, которая находится между Тавромъ и Геллеспонтомъ и противопоставилъ его одного европейскимъ противникамъ; онъ же самъ отправился противъ Птоломея, чтобы напасть на Египетъ. Такъ какъ Эвменъ не имѣлъ ни многочисленныхъ, ни надежныхъ войскъ, потому что они были неопытны и только не давно собраны, и говорили, что Антипатръ и Кратеръ, два знаменитыхъ, какъ славой, такъ и военной опытностью мужа приближаются и перешли уже Геллеспонтъ съ большимъ войскомъ македонянъ (македонскіе же солдаты пользовались тогда такой извѣстностью, какою теперь пользуются римскіе, такъ какъ всегда считались храбрѣйшими тѣ, которые овладѣли верховной властью),– то Эвменъ понималъ, что еслибъ его войска узнали, противъ кого ихъ ведутъ, то не только не пошли бы, но немедленно разсѣялись бы послѣ извѣстія. По этому онъ считалъ самымъ

благоразумнымъ планомъ вести солдатъ по окольнымъ дорогамъ — гдѣ бы они не могли услышать истины—и убѣдить ихъ, что они идутъ противъ какихъ то варваровъ. И такъ онъ держался этого плана; повелъ войско въ битву и началъ сраженіе прежде, чѣмъ его войска узнали, съ кѣмъ сражаются. Онъ достигъ благовременнымъ занятіемъ мѣстностей еще и того, что сражался болѣе конницей, которой былъ сильнѣе, чѣмъ пѣхотой, которая была у него хуже.

IV гл.

Когда, при ихъ жестокомъ (взаимномъ) нападеніи, сраженіе продолжалось больше дня, то погибъ полководецъ Кратеръ и Неоптолемъ, который занималъ второе мѣсто въ правленіи. Самъ Эвменъ столкнулся съ послѣднимъ. Когда они, обнявши другъ друга, упали съ лошадей на землю, такъ что легко можно было заключить, что они борятся съ ожесточеніемъ и сражаются болѣе душою, чѣмъ тѣломъ, то ихъ разъединили не раньше, чѣмъ одинъ изъ нихъ испустилъ духъ. Эвменъ былъ раненъ Неоптолемомъ нѣсколькими ударами; тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ сраженія, а нападалъ на непріятелей еще упорнѣе. Когда конница была поражена, полководецъ Кратеръ убитъ и кромѣ того многіе и наиболѣе знатные были взяты въ плѣнъ,—пѣхотное войско просило у него мира, такъ какъ оно попало въ такую мѣстность, что не могло ускользнуть противъ желанія Эвмена. Когда оно выпросило миръ, то не было постояннымъ въ вѣрности, но отправилось къ Антипатру, какъ только было возможно. Эвменъ старался возвратить Кратера къ жизни, такъ какъ онъ былъ вынесенъ полумертвымъ изъ сраженія; но когда это ему не удалось, онъ похоронилъ его великолѣпно, по достоинству этого мужа и по прежней дружбѣ (ибо онъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ при жизни Александра) и послалъ тѣло его женѣ и дѣтямъ въ Македонію.

V гл.

Между тѣмъ какъ это дѣлается при Геллеспонтѣ, Селевкъ и Антигонъ убиваютъ Пердикку при рѣкѣ Нилѣ и верховная власть передается Антипатру. При этомъ отложившіеся заочно осуждаются по голосамъ, подданнымъ войскомъ, на смертную казнь и въ числѣ ихъ Эвменъ. Пораженный этимъ ударомъ, онъ однако не упалъ духомъ и тѣмъ не менѣе велъ войну. Но худыя обстоятельства хотя и не уничтожили его душевной бодрости, однакожъ уменьшили ее. Преслѣдуя Эвмена, Антигонъ, хотя и имѣлъ много войскъ всякаго рода, но въ походахъ часто терпѣлъ отъ него, иногда нельзя было ему вступить въ рукопашный бой, развѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ меньшія силы могли противостоять большимъ. Но наконецъ, когда нельзя было поймать его хитростью, онъ былъ окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ. Однако потерявши многихъ своихъ (воиновъ), онъ убѣжалъ въ одну крѣпость во Фригіи, которую зовутъ Норой. Когда его тамъ окружили и онъ опасался, чтобы, оставаясь на одномъ мѣстѣ, не лишиться полковыхъ лошадей, такъ какъ имъ не было мѣста бѣгать (на просторѣ), — онъ сдѣлалъ хитрое изобрѣтеніе, какимъ образомъ можно согрѣвать стоящихъ лошадей и возбуждать ихъ такъ, чтобы онѣ охотнѣе ѣли и не были лишены движенія тѣла. Онъ подвязалъ ремнемъ головы лошадямъ такъ высоко, что онѣ не могли вполнѣ дотронуться до земли передними ногами; потомъ онъ ударами заставлялъ ихъ прыгать и лягаться; и это движеніе приводило ихъ въ потъ не менѣе, чѣмъ если бы онѣ бѣгали по землѣ. Вслѣдствіе этого произошло, что онъ вывелъ лошадей изъ крѣпости такими свѣжими, какъ будто онъ ихъ держалъ на открытыхъ поляхъ, хотя онъ былъ въ осадѣ нѣсколько мѣсяцевъ; и это всѣмъ показалось удивительнымъ. Во время этой осады, онъ то сжигалъ, то разрушалъ военныя машины и укрѣпленія Антигона, всякій разъ, какъ только этого хотѣлъ. Онъ держался однако въ одномъ

и томъ же мѣстѣ, пока зима продолжалась. Но такъ какъ зàмокъ не могъ получать подкрѣпленій, и весна приближалась, то онъ вслѣдствіе притворной сдачи, въ то время, какъ велъ переговоры объ условіяхъ, обманулъ полководцевъ Антигона, вышелъ самъ и вывелъ своихъ невредимыми.

VI гл.

Когда Олимпіада, которая была матерью Александра, послала къ нему (Эвмену) письма и вѣстниковъ въ Азію, чтобы просить у него совѣта, *не отправиться ли ей возобновить свои требованія на Македонію* (ибо она жила тогда въ Эпирѣ) — *и не овладѣть ли правленіемъ*,—то онъ ей отвѣтилъ сначала, *ничего не предпринимать, и ожидать, пока сынъ Александра достигнетъ царской власти; если же она сильно желаетъ Македоніи, то пусть забудетъ всѣ обиды и не пользуется своею властью слишкомъ строго относительно кого бы то ни было.* Изъ всего этого она ничего не исполнила, ибо отправилась въ Македонію и управляла весьма жестоко. Однакожъ она просила отсутствующаго Эвмена *не допустить, чтобы смертельные враги рода и семейства Филиппа истребили также его потомства—и дать помощь дѣтямъ Александра. И если онъ окажетъ ей ту услугу, то чтобы, какъ можно скорѣе, собиралъ онъ войска и привелъ ихъ къ ней на помощь. Чтобы тѣмъ легче онъ могъ сдѣлать это, она разослала письма ко всѣмъ намѣстникамъ, которые остались вѣрными, чтобы повиновались ему и пользовались его совѣтами.* Эвменъ, побужденный этими словами, считалъ лучшимъ погибнуть—если бы такъ судьба опредѣлила— оказывая благодарность благодѣтелямъ, чѣмъ жить неблагодарнымъ.

VII гл.

По этому онъ собралъ войско и дѣлалъ приготовленія къ войнѣ противъ Антигона. Такъ какъ съ нимъ было вмѣстѣ нѣсколько македонянъ и въ ихъ числѣ былъ Певцестъ, который былъ тѣлохранителемъ Александра и тогда же управлялъ персидской обла-

стью, и Антигонъ, подъ начальствомъ котораго была македонская фаланга, то онъ — опасаясь недоброжелательства (котораго не смотря на то не былъ въ состояніи избѣгнуть), если онъ самъ, чужестранецъ, завладѣетъ верховной властью скорѣе другихъ македонянъ, которыхъ тамъ было большое число — раскинулъ подъ именемъ Александра палатку на главномъ среди лагеря мѣстѣ, велѣлъ поставить въ ней золотой тронъ со скипетромъ и короной и также ежедневно собираться туда, чтобы тамъ рѣшать важнѣйшія дѣла, такъ какъ онъ думалъ, что возбудитъ менѣе зависти, если будетъ казаться, что онъ управляетъ войной какъ будто отъ имени и властью Александра. Это онъ и достигъ. Ибо, такъ какъ собирались не въ палаткѣ Эвмена, а въ царской и тамъ же совѣщались о дѣлахъ, то онъ нѣкоторымъ образомъ оставался скрытымъ, между тѣмъ какъ все дѣлалось имъ однимъ.

VIII гл.

Онъ сражался съ Антигономъ въ странѣ Паретаковъ, не ставя войска въ боевой порядокъ, а только на пути, и принявши его дурно (поразивши), заставилъ его возвратиться въ Мидію зимовать. Онъ самъ распредѣлилъ войска на зимнія квартиры въ пограничной части персидской области, не такъ какъ хотѣлъ, но какъ его заставила воля солдатъ. Ибо та фаланга Александра Великаго, которая прошла Азію и побѣдила персовъ, какъ вслѣдствіе давнишней славы, такъ и по своеволію, домогалась того, чтобы не повиноваться вождямъ, а повелѣвать, какъ теперь дѣлаютъ наши ветераны. По этому есть опасность, чтобы они не сдѣлали такъ, какъ сдѣлали тѣ своею необузданностью и излишнимъ своеволіемъ, и чтобъ не погубили всего; не менѣе тѣхъ, за которыхъ они стояли, чѣмъ тѣхъ, противъ которыхъ они дѣйствовали. Если кто-нибудь читаетъ дѣянія тѣхъ ветерановъ, то найдетъ ихъ одинаковымъ съ дѣяніями этихъ; и увидитъ, что ни въ чемъ нѣтъ разницы, кромѣ времени. Однакожъ возвратимся къ

тѣмъ. Они выбрали себѣ зимнія квартиры не для военной выгоды, а для собственной роскошной жизни, и разошлись на значительное разстояніе другъ отъ друга. Когда Антигонъ узналъ объ этомъ и понялъ, что онъ не равносиленъ приготовившимся непріятелямъ, то рѣшилъ, что надобно ему принять какую-нибудь новую мѣру. Были двѣ дороги, по которымъ можно было дойти изъ Мидіи, гдѣ онъ зимовалъ, къ зимнимъ квартирамъ враговъ; изъ которыхъ кратчайшая (проходящая) по пустымъ мѣстамъ, гдѣ никто не обиталъ по причинѣ недостатка въ водѣ, составляла впрочемъ приблизительно 10 дней пути; другая же, по которой всѣ ходили, имѣла вдвое большій обходъ, но была богата запасами и изобиловала всѣмъ. Если бы онъ отправился по этой дорогѣ, то понималъ, что непріятели узнаютъ прежде о его приближеніи, чѣмъ онъ пройдетъ третью часть своего пути; если же бы онъ пошелъ черезъ пустыни, то надѣялся напасть на неприготовившагося непріятеля. Чтобы привести въ исполненіе это предпріятіе, онъ приказалъ приготовить какъ можно больше малыхъ и большихъ кожанныхъ мѣховъ; за тѣмъ — кормъ; кромѣ того на десять дней варенныхъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы какъ можно меньше разводить огонь въ лагерѣ — путь же, который себѣ назначилъ, онъ скрываетъ отъ всѣхъ.

IX гл.

Такъ приготовившись, онъ отправился тѣмъ путемъ, который выбралъ (опредѣлилъ). Онъ уже совершилъ почти половину дороги, когда вслѣдствіе дыма изъ лагеря, сообщили Эвмену подозрѣніе о томъ, что непріятель приближается. Вожди собираются; спрашивается, что слѣдуетъ дѣлать. Всѣ понимаютъ, что ихъ войска не могутъ собраться такъ скоро, какъ Антигонъ, казалось, пріидетъ. Въ этомъ положеніи, когда всѣ находились въ нерѣшимости и отчаялись въ своемъ спасеніи, Эвменъ сказалъ: *если они хотятъ дѣйствовать съ поспѣшностью и выполнять повелѣнія, чего они прежде не дѣлали, то онъ*

поправить дѣло. Ибо, что касается до того, что непріятель можетъ придти въ 5 дней, то онъ сдѣлаетъ, что его задержатъ не менѣе, чѣмъ еще на столько же дней. По этому пусть пойдутъ по зимнимъ квартирамъ и пусть каждый собираетъ свое войско. Но, чтобы замѣдлить нападеніе Антигона, онъ принялъ такое рѣшеніе: онъ посылаетъ надежныхъ людей къ подошвѣ горы, которая лежала на пути непріятелей, и приказываетъ имъ, чтобы они при наступленіи ночи развели огни, какъ можно дальше одинъ отъ другаго и какъ можно большіе, уменьшили ихъ во вторую стражу, въ третью сдѣлали ихъ совершенно малыми, и поддѣлываясь къ лагерному обычаю, возбудили подозрѣніе непріятелей, что въ этомъ мѣстѣ находится лагерь и уже донесено объ ихъ приближеніи; и чтобы они сдѣлали то же самое и на другую ночь. Люди, которымъ это порученіе было дано, тщательно стараются исполнить его. Антигонъ замѣчаетъ огни при наступленіи темноты и думаетъ, что уже услышали о его приходѣ и что непріятели собрали туда свои войска. Онъ перемѣняетъ планъ; и такъ какъ не могъ болѣе напасть на нихъ неприготовившихся, то перемѣняетъ свой путь и выбираетъ тотъ болѣе длинный обходъ богатой запасами дороги. Тамъ же онъ ожидаетъ одинъ день для облегченія усталости солдатъ и подкрѣпленія лошадей, чтобы сразиться тѣмъ болѣе бодрымъ войскомъ.

X гл.

Такъ Эвменъ побѣдилъ хитраго полководца своимъ планомъ и помѣшалъ его быстротѣ; однакожъ это немного помогло. Ибо вслѣдствіе недоброжелательства вождей, съ которыми онъ былъ вмѣстѣ, и вѣроломства македонскихъ ветерановъ, онъ былъ переданъ Антигону, хотя вышелъ побѣдителемъ изъ сраженія, и хотя войско клялось ему три раза въ разное время, что будетъ его защищать и никогда его не оставитъ. Однако со стороны нѣкоторыхъ такъ велико было желаніе уничтожить его заслуги, что лучше желали нарушить клятву, чѣмъ не погубить

его. И Антигонъ пощадилъ бы его, хотя былъ большимъ его врагомъ; если бы это ему было дозволено со стороны его войска, такъ какъ онъ понималъ, что никто не могъ бы ему болѣе помочь въ тѣхъ дѣлахъ, которыя, какъ уже было ясно всѣмъ, предстояли ему, ибо ему угрожаютъ Селевкъ, Лизимахъ и Птоломей, уже могущественные своими силами, съ которыми надобно было ему сражаться за верховную власть. Но тѣ, которые его окружали, не допустили этого, такъ какъ они видѣли, что, если Эвменъ будетъ принятъ въ дружественный союзъ, то они всѣ, въ сравненіи съ нимъ, будутъ казаться ничтожными. Самъ же Антигонъ такъ былъ раздраженъ, что его могла только смягчить вѣрная надежда на верховную власть.

XI гл.

По этому онъ и сказалъ, когда отдалъ Эвмена подъ арестъ, и начальникъ спрашивалъ его, *какъ онъ желаетъ, чтобы присматривали за нимъ; «какъ за жесточайшимъ львомъ, или свирѣпѣйшимъ слономъ»*. Ибо онъ еще не рѣшилъ, спасти ли его, или нѣтъ. Къ Эвмену же приходили люди обоихъ родовъ: такіе, которые или изъ ненависти хотѣли усладить свой взоръ его несчастіемъ, или по причинѣ прежней дружбы хотѣли съ нимъ говорить и утѣшить его; много же было и такихъ, которые желали узнать его наружность и каковъ видъ того, кого такъ долго и такъ сильно боялись, и на гибели котораго они основывали свою надежду на побѣду. Но Эвменъ, когда онъ уже довольно долго находился въ заключеніи, сказалъ Ономарху, въ рукахъ котораго было главное начальство надъ стражей, *что онъ удивляется, почему его такимъ образомъ держатъ уже третій день, такъ какъ не идетъ благоразумію Антигона, такъ худо поступать съ побѣжденнымъ и не приказать, или убить его, или освободить*. Такъ какъ Ономарху это показалось сказаннымъ слишкомъ дерзко, то отъ отвѣтилъ: *какъ? Если ты былъ такого образа мыслей, то зачѣмъ же охотнѣе не погибъ въ сра-*

женіи, чѣмъ попалъ во власть непріятеля. Эвменъ ему возразилъ: *О! еслибъ это случилось! но это не случилось потому, что я никогда не встрѣчался съ болѣе сильнымъ себя, ибо я не сражался ни съ кѣмъ, кто бы не уступилъ моей силѣ. Я погибъ не черезъ храбрость враговъ, а вслѣдствіе вѣроломства своихъ друзей.* И это не было ложно: такъ какъ онъ имѣлъ внушающую уваженіе наружность, и крѣпкія силы къ перенесенію трудовъ, хотя и не былъ столь высокаго роста, какъ пріятной наружности.

XII гл.

Такъ какъ Антигонъ не осмѣливался одинъ рѣшить что нибудь относительно его, то предложилъ это совѣту. Тогда только почти всѣ, сильно взволнованные, удивились, *что еще не казненъ тотъ, кто въ продолженіи стольких лѣтъ причинилъ имъ такъ много вреда, что часто приводилъ ихъ въ отчаяніе, кто убилъ ихъ величайшихъ полководцевъ, и кромѣ того, въ которомъ одномъ было столько грозы, что они не могутъ быть спокойны, пока онъ живетъ; а если онъ будетъ убитъ, то для нихъ не будетъ больше никакого затрудненія. Наконецъ они спрашивали, кого онъ будетъ имѣть другомъ, если возвратитъ ему (Эвмену) свободу? такъ какъ они вмѣстѣ съ Эвменомъ не останутся у него.* Узнавши мнѣніе совѣта, онъ однако предоставилъ себѣ семь дней для обсужденія. Впрочемъ тогда, когда онъ сталъ опасаться, чтобы не произошло возмущеніе въ войскѣ, онъ запретилъ, впускать къ нему кого бы то ни было и велѣлъ лишить его ежедневной пищи. Ибо, сказалъ онъ, онъ не хочетъ причинить насилія тому, кто нѣкогда былъ его другомъ Однакожъ его не мучили голодомъ больше трехъ дней: когда выступили въ походъ, то стража умертвила его безъ вѣдома Антигона.

XIII гл.

И такъ Эвменъ, взятый въ плѣнъ не храбростью Антигона, а вѣроломствомъ македонянъ, скончался такой смертью на 45-мъ году, послѣ того, какъ съ двадцатаго года, какъ мы выше сказали, былъ семь

лѣтъ на службѣ у Филиппа, и у Александра занималъ такое же мѣсто 13 лѣтъ; въ продолженіи этого времени онъ начальствовалъ одинъ годъ надъ отрядомъ конницы; предводительствовалъ войскомъ какъ полководецъ послѣ смерти Александра Великаго и частью отразилъ величайшихъ вождей, частью убилъ. Какъ высоко было мнѣніе объ немъ всѣхъ тѣхъ, которые называли себя послѣ Александра Великаго царями, можно легче всего увидѣть изъ того, что никто не называлъ себя царемъ, а намѣстникомъ, пока Эвменъ былъ живъ; и тѣ же тотчасъ послѣ его смерти, приняли царскій нарядъ и титулъ, и не хотѣли исполнять того, что обѣщали въ началѣ, именно, сохранить царство для дѣтей Александра; и такимъ образомъ, устранивши этого одного заступника, обнаружили свой образъ мыслей. Антигонъ, Птоломей, Селевкъ, Лизимахъ и Кассандръ были первыми въ этомъ злодѣяніи. Антигонъ же передалъ тѣло Эвмена его родственникамъ для погребенія. Эти похоронили его почетнымъ военнымъ погребеніемъ въ сопровожденіи всего войска и велѣли перевезть его тѣло въ Каппадокію къ матери, женѣ и его дѣтямъ.

XIX. ФОКІОНЪ.

I гл.

Хотя Фокіонъ, аѳинянинъ, часто командовалъ войсками и занималъ высшія должности, однако его безпорочная жизнь гораздо болье извѣстна, чѣмъ его военныя дѣянія, потому что о послѣднихъ не осталось никакой памяти, слава же первой велика, вслѣдствіе чего онъ и получилъ прозваніе «*Добраго*». Ибо онъ былъ всегда бѣденъ, между тѣмъ какъ могъ быть очень богатымъ по причинѣ многочисленныхъ предоставленныхъ ему почетныхъ мѣстъ и высшихъ должностей, которыя ему назначались народомъ. Когда онъ отвергнулъ большіе денежные подарки отъ царя

Филиппа и послы увѣщевали его принять ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнили ему, чтобы онъ, если самъ можетъ легко обойтись безъ нихъ, позаботился о своихъ дѣтяхъ, которымъ было бы трудно поддержать великую славу отца при такой бѣдности,—то онъ отвѣтилъ имъ: *Если они будутъ похожи на меня, то будетъ кормить и ихъ то самое маленькое поле, которое довело меня до такого значенія; если же они будутъ не похожи на меня, то не хочу ихъ склонность къ роскоши поддерживать и увеличивать на свой счетъ.*

II гл.

Фокіонъ навлекъ на себя въ послѣднее время великую ненависть своихъ согражданъ, послѣ того какъ судьба была ему благопріятна почти до восьмидесятаго года его жизни. Во первыхъ, потому, что согласился съ Демадомъ передать городъ Антипатру; и по его совѣту былъ изгнанъ народнымъ рѣшеніемъ Демосѳенъ вмѣстѣ съ другими, которые считались оказавшими услуги отечеству. И не только то подало поводъ къ неудовольствію, что онъ дурно совѣтовалъ отечеству, но и то, что онъ не сохранялъ вѣрности въ дружбѣ, ибо онъ, возвысившись чрезъ Демосѳена и поддерживаемый имъ, дошелъ до того положенія, въ которомъ находился, настроивши его противъ Хареса. Когда онъ (Фокіонъ) находился подъ слѣдствіемъ по уголовному дѣлу, то защищаемый имъ (Демосѳеномъ) передъ судомъ, онъ нѣсколько разъ уходилъ оправданный. Онъ же, напротивъ, не только не защищалъ Демосѳена въ тяжебныхъ дѣлахъ, но даже измѣнилъ ему. Но онъ погибъ преимущественно по причинѣ одного преступленія, въ которомъ его обвиняли. Ибо, когда ему принадлежала верховная власть въ государствѣ и Дерциллъ предостерегъ его, что Никаноръ, полководецъ Кассандра, намѣренъ напасть на Пирей аѳинянъ, и просилъ его позаботиться о томъ, чтобы государство не было лишено подвоза (съѣстныхъ припасовъ), —то Фокіонъ въ присутствіи народа отвѣчалъ, что

нѣтъ никакой опасности и обѣщалъ поручиться за него въ этомъ дѣлѣ. Однако не много времени спустя, Никаноръ завладѣлъ Пиреемъ. И когда народъ, вооруженный, собирался, чтобы взять его назадъ, ибо Аѳины не могутъ существовать безъ него,—то онъ не только не призывалъ никого къ оружію, но даже не хотѣлъ начальствовать надъ вооруженными.

III гл.

Въ то время двѣ партіи были въ Аѳинахъ, изъ которыхъ одна держалась стороны народа, другая вельможъ. Къ послѣдней принадлежалъ Фокіонъ и Деметрій Фалерейскій. Каждая изъ нихъ основывалась на покровительствѣ македонянъ: ибо приверженцы народа угождали Полисперхону, а вельможи были за одно съ Кассандромъ. Между тѣмъ Кассандръ былъ изгнанъ Полисперхономъ изъ Македоніи. Вслѣдствіе этого народъ, оставшійся побѣдителемъ, изгоняетъ тотчасъ изъ отечества вождей противной партіи, осудивши ихъ на смерть—въ числѣ этихъ вождей были Фокіонъ и Деметрій Фалерейскій,—посылаетъ по этому дѣлу пословъ къ Полисперхону просить его, чтобы онъ утвердилъ его рѣшеніе. Туда же отправился Фокіонъ. Какъ только онъ туда прибылъ, ему было приказано защищаться на словахъ передъ Филиппомъ, въ самомъ же дѣлѣ передъ Полисперхономъ, ибо онъ управлялъ тогда дѣлами царя. Обвиненный Агнонидомъ въ томъ, что предалъ Пирей Никанору, онъ былъ брошенъ по рѣшенію совѣта въ тюрьму и отведенъ въ Аѳины, чтобы его тамъ судили по законамъ.

IV гл.

Когда онъ туда прибылъ и—такъ какъ по своей старости онъ уже не имѣлъ довольно силъ идти пѣшкомъ—везли его на телѣгѣ, то произошло большое стеченіе народа, такъ какъ нѣкоторые, помня прежнюю его славу, имѣли сожаленіе къ его старости, большая же часть воспламенялась гнѣвомъ по причинѣ подозрѣнія въ измѣнѣ Пирея, а преиму-

щественно потому, что онъ, въ глубокой старости, противодѣйствовалъ выгодамъ народа. По этому не дали ему даже возможности сказать рѣчь и защищаться. Потомъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предписанныхъ закономъ формальностей, онъ былъ приговоренъ судомъ и переданъ одиннадцати мужамъ, которымъ по обычаю аѳинянъ, обыкновенно передаются законно приговоренные къ смертной казни. Когда его вели на смерть, встрѣтилъ его Эмфилетъ, съ которымъ онъ жилъ прежде въ дружбѣ. Когда этотъ сказалъ со слезами: *О, какъ несправедливо ты страждешь, Фокіонъ! Однакожъ не неожиданно*, отвѣтилъ онъ: *большая часть славныхъ аѳинянъ имѣли такой же конецъ.* Ненависть народа къ нему была такъ велика, что ни одинъ свободный человѣкъ не осмѣлился его похоронить; по этому онъ былъ погребенъ рабами.

XX. ТИМОЛЕОНЪ.

I гл.

Тимолеонъ, коринѳянинъ. Этотъ мужъ былъ безъ сомнѣнія великъ по мнѣнію всѣхъ; ибо ему одному удалось,—я не знаю удалось-ли это кому нибудь другому—освободить угнетенное тиранномъ отечество, въ которомъ онъ родился, и уничтожить въ Сиракузахъ, которымъ онъ былъ посланъ на помощь, укоренившееся рабство, а также и всю Сицилію, въ продолженіи многихъ лѣтъ опустошаемую войною и угнетаемую варварами, привести своимъ прибытіемъ въ прежнее состояніе. Но при этомъ онъ боролся много съ непостоянной судьбою и, что считается болѣе труднымъ, переносилъ гораздо благоразумнѣе счастіе, чѣмъ несчастіе. Ибо, когда братъ его Тимофанъ, вождь, выбранный коринѳянами, овладѣлъ при помощи наемныхъ войскъ деспотической властью и Тимолеонъ могъ принять участіе въ правленіи,—то онъ былъ такъ далекъ отъ соучастія въ этомъ пре-

ступленіи, что предпочелъ свободу своихъ сограждан благоденствію брата и считалъ лучшимъ повиноваться законамъ отечества, чѣмъ царствовать надъ нимъ. Вслѣдствіе такого образа мыслей онъ постарался, чтобъ его братъ, тираннъ, былъ убитъ гадателемъ и общимъ родственникомъ, замужемъ за которымъ была его сестра, родившаяся отъ однихъ съ нимъ родителей. Онъ самъ не только не поднялъ на него руки, но даже не хотѣлъ видѣть братней крови; ибо, пока это совершалось, онъ оставался вдали на караулѣ, чтобы какой нибудь тѣлохранитель не могъ прибѣжать на помощь. Этотъ знаменитѣйшій поступокъ его не всѣмъ одинаково понравился: нѣкоторые полагали, что онъ нарушилъ братнюю любовь, и изъ зависти помрачили славу его заслугъ. Мать же его послѣ этого поступка не впускала сына въ свой домъ и не могла смотрѣть на него не проклиная его и не называя безбожнымъ братоубійцемъ. Всѣмъ этимъ онъ былъ до того тронутъ, что иногда хотѣлъ положить конецъ своей жизни и посредствомъ смерти удалиться изъ глазъ неблагодарныхъ людей.

II гл.

Между тѣмъ, послѣ смерти Діона въ Сиракузахъ, Діонисій опять завладѣлъ этимъ городомъ, и противники его просили помощи у кориноянъ и требовали вождя, которымъ могли бы пользоваться въ войнѣ. Тимолеонъ, посланный туда съ неимовѣрнымъ счастіемъ прогналъ Діонисія изъ всей Сициліи. Хотя онъ могъ его (Діонисія) убить, но не захотѣлъ этого, и сдѣлалъ, что этотъ безопасно прибылъ въ Коринѳъ, потому что коринѳяне часто были поддержаны силами обоихъ Діонисіевъ и онъ хотѣлъ сохранить память этого благодѣянія, считая только такую побѣду славной, при которой оказывалось болѣе снисходительности, чѣмъ жестокости; наконецъ, чтобы не только слышали, но и видѣли глазами, кого и какой власти онъ лишилъ и какой судьбѣ подвергнулъ. Послѣ удаленія Діонисія онъ велъ войну съ Ицетомъ, который былъ противникомъ Діонисія: но такъ какъ онъ

самъ, послѣ изгнанія Діонисія, не хотѣлъ отказаться отъ неограниченной власти, то это послужило доказательствомъ того, что онъ жилъ въ несогласіи съ нимъ не изъ ненависти къ тиранніи, а изъ жадности. Когда этотъ былъ побѣжденъ, Тимолеонъ обратилъ въ бѣгство при рѣкѣ Кримессѣ огромное войско карѳагенянъ и заставилъ ихъ, владѣвшихъ Сициліей, найти достаточнымъ, если имъ можно будетъ владѣть Африкой. Онъ взялъ тоже въ плѣнъ Мамерка, итальянскаго вождя, человѣка воинственнаго и могущественнаго, который пришелъ въ Сицилію помочь тираннамъ.

III гл.

Когда онъ, окончивши эти дѣла, увидѣлъ не только поля, но и города опустошенными вслѣдствіи продолжительности войны, то собралъ какъ можно было больше, сперва сицилійцевъ, а потомъ и коринѳскихъ поселенцевъ, такъ какъ ими были основаны Сиракузы. Онъ возвратилъ прежнимъ гражданамъ ихъ собственность, а между новыми раздѣлилъ земли, не имѣющія владѣльцевъ, возстановилъ разрушенныя стѣны и опустошенныя храмы городовъ: возвратилъ государствамъ законы и свободу, и упрочилъ послѣ этой столь великой войны такой миръ на всемъ островѣ, что онъ, казалось былъ основателемъ тѣхъ городовъ, а не тѣ, которые ихъ основали. Онъ разрушилъ до основанія замокъ въ Сиракузахъ, который Діонисій укрѣпилъ для того, чтобы имѣть городъ въ своей власти; уничтожилъ всѣ укрѣпленія тиранніи и стрѣмился къ тому, чтобы оставалось какъ можно меньше слѣдовъ рабства. Хотя онъ владѣлъ такими силами, что могъ бы властвовать надъ сицилійцами и противъ ихъ воли, однакожъ онъ пользовался такою общею любовью, что завладѣлъ властью безъ всякого сопротивленія: онъ предпочиталъ, чтобы его любили, чѣмъ боялись. По этому онъ сложилъ съ себя власть при первой возможности, и прожилъ частнымъ человѣкомъ въ Сиракузахъ весь остатокъ своей жизни. Онъ однако

все это сдѣлалъ не необдуманно, ибо чего другіе цари едва могли достичь властью, того онъ достигалъ своею популярностью. Ему однако не было недостатка въ почестяхъ, и не предпринималось потомъ ни одного публичнаго дѣла въ Сиракузахъ, которое рѣшили бы прежде, чѣмъ узнали мнѣніе Тимолеона; и никогда ни чей совѣтъ не былъ не только предпочтенъ, но даже и сравниваемъ съ его совѣтомъ. Это происходило не менѣе вслѣдствіе благорасположенія къ нему, чѣмъ его благоразумія.

IV гл.

Когда онъ уже дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, то лишился зрѣнія безъ всякой болѣзни, и перенесъ это несчастіе такъ покорно, что никто не слышалъ, чтобъ онъ жаловался, и тѣмъ не менѣе онъ участвовалъ въ частныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Онъ даже являлся въ театръ, когда тамъ происходило совѣщаніе, и такъ какъ онъ былъ нездоровъ, то его привозили на лошадяхъ; такимъ образомъ онъ съ колесницы говорилъ то, что ему казалось хорошимъ. И никто не приписывалъ этого его надменности, такъ какъ никогда ни высокомѣрное, ни гордое слово не выходило изъ его устъ. Когда онъ слышалъ, что его заслуги превозносятся, то никогда ничего другаго не говорилъ, какъ только, *что онъ выражаетъ и чувствуетъ благодарность къ богамъ за то, что они хотѣли, чтобы онъ именно былъ вождемъ въ то время, когда они рѣшили возстановить Сицилію*. Ибо онъ полагалъ, что ничего не дѣлается въ человѣческой жизни безъ воли боговъ. Потому онъ устроилъ въ своемъ домѣ капища богинѣ *Автоматіи* и почиталъ его съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

V гл.

Удивительныя происшествія сопровождали замѣчательную доброту этого человѣка, ибо онъ далъ всѣ важнѣйшія сраженія въ день своего рожденія, оттого происходило, что вся Сицилія праздновала этотъ день. Когда нѣкоторый Ламестій, человѣкъ

наглый и неблагодарный хотѣлъ его потребовать къ суду, говоря, что хочетъ имѣть съ нимъ тяжбу и многіе сбѣжались съ намѣреніемъ, чтобы насильственно обуздать наглость этого человѣка, — то Тимолеонъ просилъ всѣхъ, чтобы они этого не дѣлали, *такъ какъ онъ бралъ на себя величайшія труды и подвергалъ себя чрезвычайнымъ опасностямъ для того, чтобы это дозволено было Ламестію и другимъ; ибо идеалъ свободы состоитъ въ томъ, чтобы было дозволено всѣмъ изслѣдовать по закону то, чего всякій желаетъ.* Также, когда одинъ человѣкъ, похожій на Ламестія, по имени Деменетъ, началъ унижать его дѣянія въ народномъ собраніи и злословилъ Тимолеона, — онъ сказалъ, *что теперь то исполнились его желанія, ибо онъ просилъ всегда у безсмертныхъ боговъ, чтобы они возвратили сиракузянамъ такую свободу, при которой бы можно было каждому безнаказанно говорить о томъ, о чемъ онъ хочетъ.* Когда онъ скончался, сиракузяне, при торжественномъ участіи всей Сициліи, похоронили его на счетъ государства въ той гимназіи, которую зовутъ Тимолеоновой.

XXI. О ЦАРЯХЪ.

I гл.

Вотъ почти всѣ полководцы греческаго народа, которые кажутся достойными воспоминанія, кромѣ царей; ибо я не хотѣлъ коснуться этихъ послѣднихъ, такъ какъ дѣянія ихъ всѣхъ изложены отдѣльно. Однако ихъ не очень много. Агезилай, лакедемонянинъ, былъ только по имени, а не по власти, царемъ, также какъ и остальные спартанскіе цари. Изъ числа же тѣхъ, которые господствовали, пользуясь своихъ правомъ власти, были самыми знаменитыми, какъ я полагаю, между персами Киръ и Дарій сынъ Истаспа, изъ которыхъ каждый, какъ частное лице, достигъ царской власти вслѣдствіе своихъ досто-

инствъ. Первый изъ нихъ погибъ въ сраженіи у Массагетовъ; Дарій скончался отъ старости. Кромѣ того есть три царя въ такомъ же родѣ: Ксерксъ и два Артаксеркса — Артаксерксъ Макрохиръ и Артаксерксъ Мнемонъ. Самое знаменитое дѣяніе Ксеркса есть то, что онъ—сколько люди могутъ запоминать—велъ войну противъ Греціи съ многочисленнѣйшими войсками на сушѣ и на морѣ. Но Макрохиръ славился преимущественно величественной и весьма красивой наружностью, которую онъ украшалъ неимовѣрнымъ мужествомъ на войнѣ, ибо никто изъ персовъ не былъ лично храбрѣе его. Мнемонъ же славился справедливостью; ибо когда онъ лишился жены вслѣдствіе злодѣянія своей матери, то онъ на столько предался печали, что любовь къ матери превзошла ее. Изъ этихъ царей двое одного имени отдали долгъ природѣ по болѣзни; третьяго же префектъ Артабанъ убилъ мечемъ.

II гл.

Но изъ рода македонянъ двое далеко превзошли остальныхъ славой своихъ подвиговъ: Филиппъ, сынъ Аминта и Александръ Великій. Послѣдній изъ нихъ умеръ отъ болѣзни въ Вавилонѣ; Филиппъ былъ убитъ Павзаніемъ въ Эгахъ вблизи театра, когда шелъ на представленіе. Одинъ только эпирянинъ, Пирръ, который велъ войну съ римскимъ народомъ (превзошелъ другихъ славой); онъ погибъ пораженный камнемъ въ то время, когда осаждалъ городъ Аргосъ. Таковъ же былъ и одинъ сицилiецъ, Діонисій старшій, ибо онъ былъ лично храбръ и опытенъ въ военномъ дѣлѣ, и что не легко встрѣчается у тиранна, нимало не сладострастенъ, не расточителенъ, не скупъ, и наконецъ ни въ какомъ отношеніи не жаденъ, развѣ только относительно нераздѣльной, постоянной власти и по этому поводу жестокъ; ибо, желая утвердить свою власть, онъ не щадилъ ничьей жизни если только подозрѣвалъ въ комъ нибудь заговорщика. Достигши своими достоинствами самовластія, онъ удерживалъ его за собою съ большимъ

счастіемъ, скончался старѣе 60-ти лѣтъ отъ роду, при цвѣтущемъ состояніи государства, и, въ продолженіи стольких лѣтъ, ни видѣлъ погребенія ни одного изъ своихъ потомковъ, хотя имѣлъ дѣтей отъ трехъ женъ и много также било у него внуковъ.

III гл.

Кромѣ того были великія цари между друзьями Александра Великаго, которые, послѣ его смерти, завладѣли государствами. Въ числѣ ихъ (были) Антигонъ и сынъ его Деметрій, Лизимахъ. Селевкъ и Птоломей. Изъ нихъ Антигонъ былъ убитъ въ битвѣ, когда сражался противъ Селевка и Лизимаха. Лизимахъ умеръ такой-же смертью черезъ Селевка, такъ какъ они, расторгнувъ союзъ, вели войну другъ противъ друга. Деметрій же — когда онъ выдалъ замужъ свою дочь за Селевка и тѣмъ не менѣе прочная дружба между ними не могла существовать — былъ взятъ въ плѣнъ, и тесть погибъ отъ болѣзни въ тюрмѣ зятя. Не много времени спустя, Селевкъ былъ коварнымъ образомъ убитъ Птоломеемъ Кераономъ, котораго онъ принялъ изгнаннаго отцемъ изъ Александріи и нуждавшагося въ чужой помощи. Самъ же Птоломей, при жизни передавши государство сыну, былъ, говорятъ, имъ же лишенъ жизни. Такъ какъ мы полагаемъ, что объ этихъ царяхъ довольно сказано, то мнѣ кажется неудобнымъ оставить безъ вниманія Гамилькара и Ганнибала, которые, какъ извѣстно, превосходили всѣхъ африканцевъ какъ величіемъ души, такъ и хитростью.

XXII. ГАМИЛЬКАРЪ.

I гл.

Гамилькаръ, сынъ Ганнибала, по прозванію Баркасъ, карѳагенянинъ, началъ въ ранней молодости командовать войскомъ въ Сициліи во время первой пунической войны, но уже въ концѣ ея. Между тѣмъ

какъ до его прибытія дѣла карѳагенянъ велись дурно на морѣ и на сушѣ, онъ никогда не уступалъ непріятелю тамъ, гдѣ лично находился, и не давалъ ему возможности вредить; напротивъ нападалъ часто на непріятеля, если представлялся случай, и всегда выходилъ побѣдителемъ. Послѣ этого, когда пунійцы почти все потеряли въ Сициліи, онъ (Гамилькаръ) такъ защищалъ Эриксъ, что казалось, какъ будто бы война не была ведена въ томъ мѣстѣ. Между тѣмъ карѳагеняне, побѣжденные на морѣ при Эгатскихъ островахъ Каемъ Лутаціемъ римскимъ консуломъ, рѣшились окончить войну и поручили это дѣло волѣ Гамилькара. Хотя онъ пылалъ желаніемъ войны, однако полагалъ, что слѣдуетъ стараться о мирѣ — такъ какъ онъ видѣлъ, что отечество, истощенное расходами, не можетъ долѣе переносить бѣдствій войны — однакожъ такъ, что онъ замышлялъ тотчасъ, какъ только обстоятельства немного поправятся, возобновить войну, и преслѣдовать римлянъ оружіемъ, до тѣхъ поръ, пока они или окончательно не побѣдятъ, или совершенно не отдадутся на ихъ волю. Съ этимъ намѣреніемъ онъ заключилъ миръ, и оказался при этомъ очень надменнымъ, такъ, что—когда Катуллъ объявилъ, *что не прекратитъ войны, если онъ, оставивши оружіе, не выйдетъ изъ Сициліи съ своими войсками, занимающими Эриксъ* — *онъ сказалъ, что лучше погибнетъ подъ развалинами отечества, чѣмъ возвратится съ такимъ позоромъ домой; ибо не согласно съ его достоинствомъ передать непріятелямъ оружіе, полученное отъ отечества противъ непріятеля.* Катуллъ уступилъ его упрямству.

II гл.

Когда онъ пришелъ въ Карѳагенъ, то нашелъ государство въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ надѣялся; ибо вслѣдствіе продолжительности внѣшнихъ бѣдствій возгорѣлась такая страшная междуусобная война, что Карѳагенъ не находился никогда въ подобной опасности, кромѣ того времени, когда

его разрушили. Сначала отложились дѣйствовавшія противъ римлянъ наемныя войска, число которыхъ было 20,000. Эти возмутили всю Африку и напали на самый Карѳагенъ. Вслѣдствіе этихъ бѣдствій пунійцы были приведены въ такой ужасъ, что даже у римлянъ просили вспомогательнаго войска, которое и получили. Но наконецъ, когда они уже почти дошли до отчаянія, они назначили вождемъ Гамилькара. Этотъ не только отогналъ непріятелей отъ стѣнъ Карѳагена, такъ какъ у него собралось уже болѣе чѣмъ 100,000 вооруженныхъ, но даже тѣснилъ ихъ до того, что они, окруженные въ тѣсномъ мѣстѣ, погибли болѣе отъ голода, чѣмъ отъ оружія. Онъ возвратилъ отечеству всѣ отложившіеся города, и въ числѣ ихъ Утику и Гиппонъ, могущественнѣйшіе города всей Африки. Однако онъ и этимъ не довольствовался, а расширилъ еще и границы государства и возстановилъ во всей Африкѣ такое спокойствіе, что тамъ, казалось, не было войны въ продолженіе многихъ лѣтъ.

III гл.

Окончивши эти дѣла по своему желанію, онъ, полный самоувѣренности и вражды къ римлянамъ, достигъ того, что его, какъ вождя, послали съ войскомъ въ Испанію, чтобы тѣмъ легче найти причину войны. Онъ взялъ туда съ собою девятилѣтняго сына Ганнибала, и кромѣ того, былъ съ нимъ Газдрубалъ, знатный и красивый юноша. За него онъ выдалъ свою дочь за мужъ. Мы упомянули о немъ потому, что онъ послѣ смерти Гамилькара командовалъ войскомъ, совершилъ великія дѣла, и первый расточительностью извратилъ старые обычаи карѳагенянъ; и послѣ его смерти Ганнибалъ принялъ верховную власть отъ войска. Но когда Гамилькаръ перешелъ черезъ море и прибылъ въ Испанію,—то совершилъ счастливо великіе подвиги, покорилъ величайшіе и воинственнѣйшіе народы и обогатилъ всю Африку лошадьми, оружіемъ, людьми и деньгами. Когда онъ замышлялъ начать войну противъ Италіи, его убили

въ битвѣ сражающагося противъ Веттоновъ, на девятомъ году, послѣ того какъ онъ прибылъ въ Испанію. Его постоянная ненависть къ римлянамъ, кажется возбудила преимущественно вторую пуническую войну, ибо его сынъ, Ганнибалъ, былъ доведенъ до того постоянными заклятіями отца, что лучше желалъ погибнуть, чѣмъ не помѣрится съ римлянами.

XXIII. ГАННИБАЛЪ.

I гл.

Ганнибалъ, сынъ Гамилькара, карѳагенянинъ. Если справедливо, то въ чемъ никто не сомнѣвается, что римскій народъ превзошелъ храбростью всѣ народы, то не слѣдуетъ отрицать и того, что Ганнибалъ превосходилъ остальныхъ полководцевъ благоразуміемъ на столько же, на сколько римскій народъ превосходилъ мужествомъ всѣ прочіе народы. Ибо, сколько разъ онъ ни сражался съ римлянами въ Италіи, почти всегда выходилъ побѣдителемъ. Если бы онъ не былъ ослабленъ въ отечествѣ завистью своихъ согражданъ, то онъ, казалось, былъ бы въ состояніи, побѣдить римлянъ. Но злословіе многихъ преодолѣло мужество одного. Онъ же такъ сохранилъ отцовскую ненависть къ римлянамъ, оставленную ему какъ будто бы въ наслѣдство, что прежде испустилъ духъ, чѣмъ отказался отъ ненависти, ибо даже и тогда, когда онъ былъ изгнанъ изъ отечества, и нуждался въ чужой помощи, онъ никакъ не переставалъ въ душѣ воевать съ римлянами.

II гл.

Ибо если я не упомяну о Филиппѣ, котораго онъ и не видѣвшись съ нимъ, сдѣлалъ врагомъ римлянъ' то былъ въ тѣ времена могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ царь Антіохъ. Ганнибалъ его воспламенилъ

такой страстью къ войнѣ, что тотъ отъ Чермнаго моря замышлялъ отправиться войной противъ Италіи. Когда къ нему пришли римскіе послы, чтобы узнать объ его образѣ мыслей и постараться тайными хитростями навлечь у царя подозрѣніе на Ганнибала, что онъ, какъ будто бы подкупленный ими, не то думаетъ чтò думалъ прежде—и такъ какъ они это дѣлали не тщетно и Ганнибалъ узналъ объ этомъ, и къ тому же видѣлъ, что его отдаляютъ отъ тайныхъ совѣщаній, — то онъ при представившемся случаѣ, пришелъ къ царю и, припомнивши ему многое относительно своей вѣрности и ненависти къ римлянамъ, прибавилъ слѣдующее: *когда я былъ,* говорилъ онъ, *ребенкомъ, и мнѣ было не болѣе 9 лѣтъ, отецъ мой, Гамилькаръ, отправляясь изъ Кареагена въ Испанію, приносилъ жертвы всеблагому и всевышнему Юпитеру. Между тѣмъ какъ это жертвоприношеніе совершалось, онъ спросилъ меня, хочу ли я отправиться съ нимъ въ лагерь? Когда я охотно принялъ это предложеніе, и началъ просить его, чтобы онъ не задумывался, взять меня съ собою,* то онъ сказалъ: *исполню твое желаніе, если ты мнѣ дашь обѣщаніе, котораго я потребую. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подвелъ меня къ алтарю, на которомъ онъ намѣревался принести жертву, и, удаливши остальныхъ, велѣлъ мнѣ поклясться, держась за жертвенникъ, что я никогда не буду въ дружбѣ съ римлянами. Я такъ исполнялъ до этого времени клятву, данную отцу, что никто не долженъ сомнѣваться въ томъ, что и въ остальное время я буду такого же образа мыслей. По этому, если ты имѣешь дружескія намѣренія относительно римлянъ, то поступишь благоразумно, скрывая это отъ меня; если же приготовляешься къ войнѣ, то поступишь противъ своей выгоды, не назначая меня въ ней главнымъ вождемъ.*

III гл.

И такъ въ томъ возрастѣ, какъ мы сказали, онъ отправился въ Испанію вмѣстѣ съ отцемъ, послѣ смерти котораго онъ командовалъ всей конницей

въ то время, когда выбрали вождемъ Газдрубала. Когда же и этотъ былъ убитъ, войско ему передало верховную власть. Когда объ этомъ донесли въ Карфагенъ, выборъ былъ одобренъ отъ имени республики; такимъ образомъ Ганнибалъ, не имѣвшій еще 25 лѣтъ, былъ выбранъ полководцемъ, и въ продолженіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ покорилъ всѣ народы Испаніи; онъ силой овладѣлъ Сагунтомъ, союзнымъ съ римлянами государствомъ, и собралъ три величайшихъ войска. Одно изъ нихъ онъ послалъ въ Африку, другое оставилъ съ братомъ Газдрубаломъ въ Испаніи, а третье взялъ съ собою въ Италію. Онъ перешелъ Пиренеи, сражался со всѣми жителями, гдѣ проходилъ и не оставилъ никого непобѣжденнымъ. Когда онъ пришелъ къ Альпамъ, раздѣляющимъ Италію отъ Галліи, которыхъ никогда до него никто не переходилъ съ войскомъ, кромѣ греческаго Геркулеса (отъ чего эти горы и называются теперь греческими), - то разбилъ алпійцевъ, пытающихся воспрепятствовать его переходу, сдѣлалъ свободнымъ проходъ черезъ эти мѣста, поправилъ дороги и достигъ того, что слонъ въ полномъ снарядѣ могъ проходить тамъ, гдѣ прежде едва можно было пройти ползкомъ одному невооруженному человѣку: по этой дорогѣ онъ повелъ войска и прибылъ въ Италію.

IV гл.

Онъ сразился при Роданѣ съ консуломъ Публіемъ Корнеліемъ Сципіономъ и обратилъ его въ бѣгство. Съ нимъ же онъ сражался при Падѣ за Кластидій и отогналъ его оттуда раненымъ. Тотъ же Сципіонъ выступилъ противъ него въ третій разъ съ своимъ товарищемъ Тиберіемъ Лонгомъ при Требіи; съ этими онъ имѣлъ стычку и поразилъ обоихъ. Потомъ чрезъ страну Лигурійцевъ онъ перешелъ Апеннины, отправляясь въ Этрурію. Во время этого пути онъ былъ такъ сильно болѣнъ глазами, что потомъ уже никогда не владѣлъ такъ хорошо правымъ глазомъ. Между тѣмъ, когда онъ еще страдалъ

этой болѣзнью и его носили на носилкахъ, онъ убилъ при Тразименскомъ озерѣ консула Кая Фламинія, окруживши его засадой съ войскомъ; а не много времени спустя и Кая Центенія, претора, занимающаго горы съ избраннымъ отрядомъ. Оттуда онъ прибылъ въ Апулію, гдѣ противъ него выступили два консула, Кай Теренціи Варронъ и Л. Павелъ Эмилій. Онъ въ одномъ сраженіи обратилъ въ бѣгство войска обоихъ; убилъ консула Люція Павла и кромѣ того нѣсколькихъ экс-консуловъ; и въ числѣ ихъ Кн. Сервилія Гемина, который былъ консуломъ въ предъидущемъ году.

V гл.

Давши это сраженіе, онъ отправился въ Римъ, не находя нигдѣ сопротивленія, и промедлилъ нѣкоторое время въ сосѣднихъ съ городомъ (Римомъ) горахъ. Когда онъ уже нѣсколько дней провелъ въ лагерѣ и возвращался въ Капуу, К. Фабій Максимъ, римскій диктаторъ, выступилъ противъ него на фалернскомъ полѣ. Окруженный здѣсь въ тѣсномъ мѣстѣ, онъ освободился ночью безъ всякой потери для своего войска и обманулъ Фабія, хитрѣйшаго полководца, ибо онъ зажегъ при наступленіи ночи хворостъ, привязанный къ рогамъ быковъ, и пустилъ большое число этихъ животныхъ противъ непріятеля въ далекомъ разстояніи одно отъ другаго. Когда это внезапное явленіе было замѣчено, оно навело такой страхъ на римское войско, что никто не осмѣлился выйти за валъ. Послѣ этого происшествія, не много дней спустя, онъ обратилъ въ бѣгство М. Минуція Руфа, командовавшаго конницей, и имѣвшаго одинаковую власть съ диктаторомъ, хитростью вызвавши его на сраженіе. Онъ разбилъ въ Луканіи Т. Семпронія Гракха, бывшаго во второй разъ консуломъ, заманивши его въ засаду, хотя самъ онъ былъ въ отсутствіи. Такимъ же образомъ онъ убилъ при Венузіи Марка Клавдія Марцелла, бывшаго въ пятый разъ консуломъ. Было бы долго исчислять всѣ сраженія; по этому довольно будетъ сказать только

слѣдующее, чтобы изъ этого можно было заключить, какъ великъ онъ былъ: пока онъ находился въ Италіи, никто не противостоялъ ему въ сраженіи; и послѣ битвы при Каннахъ никто не располагался лагеремъ противъ него на открытомъ полѣ.

VI гл.

Отозванный отсюда непобѣжденнымъ, чтобы защищать отечество, онъ велъ войну противъ сына П. Сципіона, котораго обратилъ въ бѣгство въ первый разъ при Роданѣ, потомъ при Падѣ, а въ третій разъ при Требіи. Такъ какъ силы отечества уже были истощены, то Ганнибалъ желалъ на то время прекратить съ нимъ войну, чтобы тѣмъ сильнѣе потомъ напасть. Онъ сошелся съ нимъ для переговоровъ, но въ условіяхъ они не сошлись. Нѣсколько дней послѣ этого происшествія онъ сражался съ нимъ же при Замѣ: побѣжденный, онъ прибылъ (трудно повѣрить) въ два дня и двѣ ночи въ Адруметъ, который находится отъ Замы приблизительно въ 300,000 шаговъ. Въ этомъ бѣгствѣ ему строили козни Нумидійцы, убѣжавшіе вмѣстѣ съ нимъ изъ сраженія; но онъ не только избѣжалъ ихъ, но даже и преодолѣлъ. Онъ собралъ въ Адруметѣ остальныхъ, находившихся въ бѣгствѣ, и въ продолженіи немногихъ дней новыми наборами собралъ многихъ (воиновъ).

VII гл.

Между тѣмъ какъ онъ съ большимъ рвеніемъ занимался приготовленіями (къ войнѣ), кареагеняне окончили войну съ римлянами. Тѣмъ не менѣе онъ потомъ командовалъ войскомъ и велъ дѣла въ Африкѣ, а также и братъ Магонъ, до времени консульства П. Сульпиція и К. Аврелія. При нихъ то кареагенскіе послы пришли въ Римъ, чтобы благодарить сенатъ и римскій народъ за то, что съ ними заключили миръ, подарить имъ по этому поводу золотую корону и вмѣстѣ съ тѣмъ просить, *чтобы ихъ заложники могли жить въ Фрегеллахъ, а плѣнные были имъ возвращены.* По рѣшенію сената имъ отвѣтили:

что ихъ подарокъ пріятенъ имъ и дорогъ, что заложники будутъ находиться въ томъ мѣстѣ, въ которомъ просятъ; но что плѣнныхъ не возвратятъ, такъ какъ Ганнибалъ, величайшій врагъ римскаго народа, стараніемъ котораго война была начата, и теперь еще имѣетъ у нихъ главную власть надъ войскомъ, также какъ и братъ его Магонъ. Карѳагеняне, получивши такой отвѣтъ, отозвали Ганнибала и Магона домой. Возвратившись туда, онъ былъ выбранъ преторомъ, послѣ того какъ уже на двадцать второмъ году онъ былъ царемъ; ибо, какъ въ Римѣ консулы, такъ въ Карѳагенѣ ежегодно выбирались на одинъ годъ два царя. Въ этой должности Ганнибалъ оказалъ такую же дѣятельность какъ и на войнѣ; ибо онъ сдѣлалъ то, что изъ новыхъ податей, не только было достаточно денегъ, чтобы уплатить по договору римлянамъ, но даже оставалось, чтобы отложить въ государственную казну. Потомъ, въ слѣдующемъ послѣ преторства году, во время консульства Марка Клавдія и Люція Фурія, римскіе послы пришли въ Карѳагенъ; Ганнибалъ, полагая, что они присланы для того, чтобы его вытребовать, тайно сѣлъ на корабль прежде, чѣмъ они были допущены въ сенатъ на аудіенцію, и убѣжалъ въ Сирію къ Антіоху. Когда этотъ поступокъ сдѣлался извѣстнымъ, пунійцы послали два корабля, чтобы поймать его, если догонятъ; конфисковали въ казну его имѣніе; разрушили домъ его до основанія и объявили его самого изгнанникомъ.

VIII гл.

Однако Ганнибалъ, на третій годъ послѣ своего бѣгства изъ отечества, во время консульства Л. Корнелія и Кв. Минуція, прибылъ съ пятью кораблями въ Африку, въ страну жителей Киринеи, (думая) не удастся ли можетъ быть побудить карѳагенянъ къ войнѣ надеждой и довѣріемъ къ Антіоху, котораго онъ уже уговорилъ, отправиться съ войскомъ въ Италію. Туда же онъ призвалъ своего брата Магона. Какъ только пунійцы узнали объ этомъ, то

также наказали и Магона, находившагося въ отсутствіи, какъ и брата. Отчаяваясь въ своемъ предпріятіи, они отвязали корабли, распустили паруса и Ганнибалъ прибылъ къ Антіоху. Относительно смерти Магона разсказываютъ двояко; ибо одни передаютъ, что онъ погибъ отъ кораблекрушенія. другіе же, что онъ былъ убитъ собственными рабами. Но если бы Антіохъ столько же хотѣлъ слушаться его совѣтовъ, ведя войну, сколько намѣревался предпринимая ее, то онъ сражался бы за верховную власть ближе къ Тибру, чѣмъ къ Өермопиламъ. Но хотя Ганнибалъ и видѣлъ, что тотъ многое предпринимаетъ неблагоразумно, однако нигдѣ его не покинулъ. Онъ начальствовалъ надъ незначительнымъ числомъ кораблей, которые ему приказано было весьти изъ Сиріи въ Азію, и сражался на памфилійскомъ морѣ противъ флота родосцевъ. Хотя его войско было побѣждено вслѣдствіе большинства непріятелей, онъ однако одержалъ верхъ на томъ флангѣ, которымъ онъ управлялъ.

IX гл.

Когда Антіохъ былъ разбитъ нáголову, Ганнибалъ, боясь, что его выдадутъ—что послѣдовало бы безъ сомнѣнія, если бы онъ далъ имъ возможность овладѣть собою—отправился въ Критъ къ жителямъ города Гортины, чтобы тамъ обдумать, куда ему идти. Однако этотъ мужъ, превосходившій всѣхъ хитростью, видѣлъ, что ему угрожаетъ опасность по причинѣ корыстолюбія критянъ, если онъ не приметъ какой нибудь предосторожности, такъ какъ онъ возилъ съ собою много денегъ, о чемъ, какъ ему было извѣстно, уже разнеслась молва. По этому онъ составляетъ такой планъ: наполняетъ нѣсколько амфоръ свинцемъ, покрываетъ ихъ сверху золотомъ и серебромъ, и ставитъ ихъ въ присутствіи начальниковъ (города) въ храмѣ Діаны, показывая видъ, какъ будто довѣряетъ свое имущество ихъ защитѣ. Такимъ образомъ введя ихъ въ заблужденіе, онъ наполняетъ своими деньгами всѣ мѣдныя статуи, ко-

торыя онъ возилъ съ собою, и складываетъ ихъ въ открытомъ для всѣхъ мѣстѣ своего дома. Гортиняне сторожатъ храмъ съ большой заботливостью, не столько отъ другихъ, какъ отъ самаго Ганнибала, чтобы онъ не взялъ чего нибудь безъ ихъ вѣдома и не увезъ съ собою.

X гл.

Такимъ образомъ карѳагенянинъ, спасши свое имущество, и обманувши всѣхъ критянъ, прибылъ въ Понтъ къ Прузію, у котораго онъ выказалъ такой же образъ мыслей относительно Италіи, и ни о чемъ больше не старался, какъ вооружать и настраивать царя противъ римлянъ. Когда онъ увидѣлъ, что тотъ не довольно силенъ своими собственными войсками, то склонилъ на его сторону другихъ царей и соединилъ воинственнѣйшіе народы. Эвменъ, царь Пергама, величайшій другъ римлянъ, не соглашался съ нимъ въ мнѣніяхъ, и они вели между собою войну на морѣ и на сушѣ. Вслѣдствіи его Ганнибалъ еще болѣе желалъ его подавить, но тамъ и здѣсь Эвменъ имѣлъ удачу по причинѣ союза съ римлянами. Ганнибалъ полагалъ, что остальное удастся ему, если онъ прежде устранитъ его и придумалъ такую мѣру для его погибели: они намѣревались дать рѣшительное сраженіе на морѣ черезъ нѣсколько дней. Эвменъ превосходилъ Ганнибала числомъ кораблей; Ганнибалу надобно было сражаться хитростью, не будучи равнымъ по оружію. Онъ велѣлъ собрать какъ можно больше живыхъ ядовитыхъ змѣй и бросить ихъ въ глиняные сосуды. Наготовивши ихъ уже большое количество, онъ собираетъ флотскихъ солдатъ въ тотъ самый день, въ который хотѣлъ дать морское сраженіе, и приказываетъ *имъ броситься на одинъ корабль царя Эвмена и довольствоваться тѣмъ, чтобы отъ прочихъ только защищаться; этого они достигнутъ легко при большомъ числѣ змѣй. И онъ самъ сдѣлаетъ, что они будутъ знать, на которомъ кораблѣ будетъ*

ѣхать царь. Онъ обѣщаетъ имъ щедро вознаградить ихъ, если они или поймаютъ его, или убьютъ.

XI гл.

Послѣ такого увѣщанія солдатъ, оба выводятъ флотъ въ сраженіе. Когда флоты находились уже въ боевомъ порядкѣ, Ганнибалъ прежде, чѣмъ дать знакъ къ битвѣ, посылаетъ въ лодкѣ вѣстника съ кодицеемъ къ Эвмену, чтобы дать знать своимъ войскамъ въ какомъ мѣстѣ тотъ находится. Когда вѣстникъ прибылъ къ кораблямъ непріятелей, то показывая письмо, онъ объявилъ, что ищетъ царя. Его повели тотчасъ къ Эвмену, такъ какъ никто не сомнѣвался, что (въ письмѣ) написано что-нибудь относительнаго мира. Вѣстникъ, указавши своимъ корабль вождя, возвратился туда, откуда пришелъ; Эвменъ же, распечатавши письмо, не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ насмѣшекъ, относящихся къ нему. Хотя онъ удивлялся причинѣ этого, и не находилъ ея, однако не задумался дать тотчасъ сраженіе. При столкновеніи обѣихъ сторонъ, всѣ виѳинцы по указанію Ганнибала нападаютъ на корабль Эвмена. Не будучи въ состояніи выдержать ихъ натиска, онъ искалъ въ бѣгствѣ спасенія, котораго не достигъ бы, если бы не удалился къ своимъ охраннымъ войскамъ, которыя были расположены на ближайшемъ берегу. Когда остальные пергамскіе корабли сильнѣе тѣснили непріятелей, то они вдругъ начали бросать на нихъ глиняные сосуды (о которыхъ мы выше упомянули). Сначала это бросанье возбудило смѣхъ между сражающимися, и они не могли понять, зачѣмъ это дѣлается. Но когда они увидѣли корабли наполненными змѣями, то, испуганные этимъ новымъ явленіемъ, обратились кормами кораблей (къ непріятелю), такъ какъ они не знали, чего должны преимущественно избѣгать, и возвратились къ мѣсту стоянія военныхъ кораблей. Такимъ образомъ Ганнибалъ хитростью преодолѣлъ пергамское оружіе: и не только тогда, но и въ иное время онъ часто

сухопутными войсками посредствомъ подобной же хитрости поражалъ противниковъ.

XII гл.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Азіи, случилось, что послы Прузія обѣдали въ Римѣ у Л. Квинтія Фламинина, эксъ-консула, и тамъ одинъ изъ нихъ, когда была рѣчь о Ганнибалѣ, сказалъ, *что онъ находится въ государствѣ Прузія.* На другой день Фламининъ донесъ объ этомъ сенату. Сенаторы, полагая, что при жизни Ганнибала они никогда не будутъ безопасны отъ козней, отправили въ Виѳинію пословъ, и въ числѣ ихъ Фламинина, просить царя, *чтобы онъ не держалъ у себя ихъ величайшаго врага, а передалъ его имъ.* Прузій не осмѣлился отвергнуть ихъ просьбу, и отказался только *исполнить лично ихъ требованіе, которое было несогласно съ правомъ гостепріимства: пусть поймаютъ его сами, если смогутъ; о мѣстѣ же его пребыванія они легко могутъ узнать.* Ибо Ганнибалъ находился въ одномъ мѣстѣ, въ укрѣпленномъ замкѣ, который ему былъ данъ царемъ въ подарокъ, и онъ его такъ построилъ, чтобы имѣть для себя со всѣхъ сторонъ выходъ, постоянно опасаясь, чтобы не случилось то, что послѣдовало на самомъ дѣлѣ. Когда туда пришли римскіе послы и окружили домъ его множествомъ людей, рабъ, смотрѣвшій изъ воротъ, сказалъ Ганнибалу, *что противъ обыкновенія видно много вооруженныхъ людей.* Ганнибалъ приказалъ ему, обойти всѣ двери зданія и извѣстить его тотчасъ, одинаково ли со всѣхъ сторонъ его осаждаютъ. Когда мальчикъ съ поспѣшностью извѣстилъ его о томъ, что дѣлается, и объявилъ, что всѣ выходы заняты,—онъ понялъ, что это не произошло случайно, но что хотятъ его захватить, и что онъ не долженъ долѣе охранять свою жизнь. Чтобы не лишиться жизни по приговору другаго, онъ, помня свое прежнее мужество, принялъ ядъ, который привыкъ носить всегда съ собою.

XIII гл.

Такъ скончался на семидесятомъ году своей

жизни храбрѣйшій мужъ, перенесшій много разныхъ бѣдствій. Относительно того, при какихъ консулахъ онъ погибъ, (писатели) не соглашаются, ибо Аттикъ передаетъ въ своей лѣтописи, что онъ умеръ во время консульства М. Клавдія Марцелла и Кв. Фабія Лабеона, Полибій же, говоритъ, что во время консульства Л. Эмилія Павла и Кн. Бебія Тамфила; а Сульпицій — что это было во время консульства П. Корнелія Цетега и М. Бебія Тамфила. И этотъ столь великій мужъ, озабоченный столь великими войнами, удѣлялъ еще довольно времени наукамъ, ибо есть нѣсколько его сочиненій, написанныхъ на греческомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ было одно къ родосцамъ *о дѣяніяхъ Кн. Манлія Вульсона въ Азіи.* О военныхъ дѣйствіяхъ Ганнибала разсказывали многіе, и изъ нихъ были два, Силенъ и Созилъ, лакедемонянинъ, которые сопровождали его въ походахъ и жили съ нимъ вмѣстѣ, пока дозволяла судьба. Этого Созила Ганнибалъ имѣлъ учителемъ греческой литературы. Однако пора окончить эту книгу и разсказать о римскихъ полководцахъ, чтобы тѣмъ легче можно было сравнить дѣянія однихъ и другихъ и разсудить, которымъ мужамъ слѣдуетъ дать преимущество.

XXIV. М. ПОРЦІЙ КАТОНЪ.

Изъ позднѣйшаго сочиненія Корнелія Непота

I гл.

Катонъ, родомъ изъ Тускула, муниципальнаго города, будучи юношей, и прежде, чѣмъ сталъ домогаться государственныхъ должностей, жилъ между сабинцами, такъ какъ имѣлъ тамъ имѣніе, оставленное ему отцемъ. По совѣту Л. Валерія Флакка, котораго имѣлъ товарищемъ въ консульствѣ и цензурѣ (какъ М. Перпенна эксъ-цензоръ обыкновенно разсказывалъ), онъ переселился въ Римъ и сталъ участвовать въ дѣлахъ общественныхъ. Семнадцати

лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу, во время консульства Кн. Фабія Максима и М. Клавдія Марцелла, и былъ военнымъ трибуномъ въ Сициліи. Возвратившись оттуда, онъ слѣдовалъ за лагеремъ К. Клавдія Нерона; и очень высоко цѣнилось его содѣйствіе въ сраженіи при Сенѣ, гдѣ палъ Газдрубалъ, братъ Ганнибала. Онъ былъ назначенъ квесторомъ при консулѣ П. Корнеліѣ Сципіонѣ Африканскомъ, съ которымъ онъ не жилъ такъ (дружно), какъ требовало бы его положеніе, ибо всю жизнь былъ съ нимъ въ раздорѣ. Онъ былъ выбранъ эдилемъ вмѣстѣ съ К. Гельвіемъ. Преторомъ онъ получилъ провинцію Сардинію, откуда, будучи квесторомъ въ прежнее время и возвращаясь изъ Африки, привезъ съ собою стихотворца К. Эннія, что мы неменѣе цѣнимъ, чѣмъ какой нибудь знаменитѣйшій сардинскій тріумфъ.

II гл.

Онъ исправлялъ должность консула вмѣстѣ съ Л. Валеріемъ Флаккомъ; получивши по жребію провинцію Испанію (лежащую) по эту сторону (Эбро), онъ и оттуда возвратился съ тріумфомъ. Такъ какъ онъ тамъ довольно долго оставался, то П. Сципіонъ Африканскій, во второй разъ избранный консуломъ, при которомъ Катонъ былъ квесторомъ во время перваго консульства, хотѣлъ изгнать его изъ провинціи и самъ занять его мѣсто. Однако Сципіонъ не могъ этого достигнуть посредствомъ сената, хотя и занималъ въ государствѣ первое мѣсто, такъ какъ республика управлялась тогда не силой, а правосудіемъ. Раздраженный этимъ противъ сената, онъ по истеченіи срока консульства, оставался въ городѣ какъ частное лице. Но Катонъ, избранный цензоромъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Флаккомъ, строго исполнялъ эту должность, ибо наказалъ многихъ знатныхъ и прибавилъ новыя распоряженія къ эдикту, чтобы такимъ образомъ подавить роскошь, которая тогда уже начала распространяться. Около 80 лѣтъ, начиная съ

юношескаго возраста и до глубокой старости,—онъ не переставалъ возбуждать противу себя вражду ради республики. Хотя многіе на него нападали, но онъ не только не потерпѣлъ никакого урона въ общественномъ мнѣніи, но пока былъ живъ, слава доблестей его возрастала.

III гл.

Онъ высказалъ во всѣхъ дѣлахъ особенную опытность и дѣятельность: ибо онъ былъ и способнымъ земледѣльцемъ, и опытнымъ государственнымъ мужемъ, и правовѣдомъ, и великимъ полководцемъ, и довольно хорошимъ ораторомъ, и большимъ любителемъ исторіи. Хотя онъ пристрастился къ изученію послѣдней науки уже въ болѣе преклонномъ возрастѣ, однакожъ оказалъ въ ней такіе успѣхи, что не легко можно было найти что нибудь въ греческой или италійской исторіи, чтобы ему было неизвѣстно. Въ юности онъ писалъ рѣчи. Въ старости онъ началъ писать историческое сочиненіе, которое состоитъ изъ семи книгъ. Первая книга содержитъ дѣянія царей римскаго народа: вторая и третья — откуда произошло каждое италійское государство; и по этой причинѣ, кажется, онъ далъ всѣмъ этимъ книгамъ названіе «начала» (Origines). Въ четвертой же книгѣ заключается первая пуническая война; а въ пятой — вторая. И все это разсказано вкратцѣ; подобнымъ образомъ онъ изложилъ и остальныя войны до претуры Сервія Гальбы, который опустошилъ Лузитанію. Однако онъ не назвалъ вождей этихъ войнъ, но изложилъ происшествія безъ всякихъ именъ. Въ этихъ книгахъ онъ разсказалъ все, что̀ оказалось достойнымъ замѣчанія въ Италіи и въ обѣихъ частяхъ Испаніи. Онъ обнаружилъ въ нихъ много прилежанія и старанія, и много учености. О жизни и характерѣ его я разсказалъ подробнѣе въ той книгѣ, которую я сочинилъ отдѣльно по просьбѣ Тита Помпонія Аттика, а потому я и отсылаю друзей Катона къ тому сочиненію.

XXV. ТИТЪ ПОМПОНІЙ АТТИКЪ.

I гл.

Т. Помпоній Аттикъ, происшедшій отъ самой древней фамиліи римскаго племени, удерживалъ всю свою жизнь званіе всадника, полученное отъ предковъ. Онъ имѣлъ отцемъ человѣка дѣятельнаго, снисходительнаго, по тому времени богатаго и особенно ревностнаго къ наукамъ. Этотъ, любя самъ науки, научилъ сына всѣмъ предметамъ, которыми долженъ быть надѣленъ юношескій возрастъ. Мальчикъ же, кромѣ умственныхъ способностей, обладалъ величайшей пріятностью лица и голоса, такъ что онъ не только быстро понималъ преподаваемое, но и превосходно разсказывалъ. Вслѣдствіе того онъ въ отрочествѣ слылъ отличнымъ между сверстниками и болѣе отличался чѣмъ могли равнодушно переносить это знатные происхожденіемъ соученики его. И такъ онъ побуждалъ всѣхъ своимъ усердіемъ; въ числѣ этомъ были Л. Торкватъ, К. Марій сынъ и М. Цицеронъ, которыхъ онъ такъ привязалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ, что никто никогда не былъ для нихъ дороже его.

II гл.

Отецъ его рано умеръ. По причинѣ родства въ П. Сульпиціемъ, который, будучи народнымъ трибуномъ, былъ убитъ, онъ самъ, юношей еще, не былъ изъятъ отъ той же опасности. Ибо Аниція, двоюродная сестра Помпонія была за-мужемъ за М. Сирвіемъ, братомъ Сульпиція. По этому, когда онъ послѣ смерти Сульпиція, увидѣлъ, что государство встревожено смутами Цинны, и что ему не представлялось возможности жить сообразно своимъ званіемъ, не оскорбляя той или другой партіи — такъ какъ умы граждanъ были раздѣлены и одни держали сторону Суллы, другіе Цинны—, то онъ, находя время удобнымъ для того, чтобы предаться наукамъ, отправился въ Аѳины. Тѣмъ не менѣе онъ помогалъ собствен-

ными средствами молодому Марію, когда его объявили врагомъ, и облегчилъ ему бѣгство деньгами. Для того, чтобы пребываніе въ чужой странѣ не повлекло за собою какой нибудь потери въ имуществѣ, онъ перевелъ туда большую часть своего состоянія. Здѣсь онъ жилъ такимъ образомъ, что не даромъ былъ весьма дорогъ всѣмъ аѳинянамъ. Ибо, кромѣ любезности, которою онъ уже въ юношескомъ возрастѣ обладалъ въ высокой степени, онъ часто устранялъ своими собственными средствами недостаточность средствъ ихъ государства. Когда бывало необходимо сдѣлать государственный заемъ и они находили условія его (займа) невыгодными, то онъ всегда предлагалъ свое посредничество, и еще такъ, что не бралъ отъ нихъ непомѣрныхъ процентовъ, и не позволялъ, чтобы они оставались должными далѣе, чѣмъ было назначено. И то и другое было для нихъ выгодно, такъ какъ онъ не допускалъ ни того, чтобы ихъ долгъ черезъ его снисхожденіе долго оставался неуплаченнымъ, ни того, чтобы онъ увеличивался умноженіемъ процентовъ. Онъ присоединялъ къ этой услугѣ еще и другаго рода щедрость, ибо одарялъ всѣхъ гражданъ хлѣбомъ, такъ что каждый получалъ семь мѣръ пшеницы; этотъ родъ мѣры въ Аѳинахъ называется медимномъ.

III гл.

Онъ велъ себя такъ, что казался ласковымъ съ низшими, равнымъ съ знатными. Вслѣдствіи этого произошло, что (аѳиняне) ему оказывали всенародно всѣ почести и желали сдѣлать его согражданиномъ. Онъ же не хотѣлъ воспользоваться этимъ благодѣяніемъ, и нѣкоторые объясняли это такимъ образомъ: что онъ не хотѣлъ лишиться римскаго гражданства, принятіемъ чужаго. Пока онъ тамъ находился, онъ сопротивлялся тому, чтобы ему воздвигнули статую; удалившись, онъ помѣшать не могъ. По этому они поставили ихъ нѣсколько ему и Фидію въ священнѣйшихъ мѣстахъ, такъ какъ считали его при исполненіи государственныхъ дѣлъ главнымъ дѣятелемъ и

совѣтникомъ. И такъ во первыхъ то было даромъ судьбы, что онъ родился въ томъ именно городѣ, гдѣ была столица всего свѣта, такъ что онъ имѣлъ его и отечествомъ своимъ и мѣстопребываніемъ. А это было доказательствомъ его благоразумія, что онъ, отправившись въ государство, превосходящее всѣ остальныя древностью, человѣколюбіемъ и образованіемъ, сдѣлался его первымъ любимцемъ.

IV гл

Когда Сулла прибылъ сюда изъ Азіи, то пока онъ былъ тамъ, онъ держалъ при себѣ Помпонія, плѣненный пріятностью обращенія и ученостью этого юноши. По гречески онъ говорилъ такъ, что казался родомъ изъ Аѳинъ, а изящество его латинской рѣчи было таково, что у него, какъ очевидно было, прелесть разговора была врожденной, а не изученной. Онъ декламировалъ греческіе и латинскіе стихи, такъ, что ничего не оставалось болѣе желать. Оттого произошло, что Сулла никогда не отпускалъ его отъ себя и желалъ увесть съ собою. Когда Сулла старался склонить его къ этому, то Помпоній сказалъ: не желай, прошу тебя, вести меня противъ тѣхъ съ которыми, чтобы не сражаться противъ тебя, я оставилъ Италію. Сулла, одобривши добросовѣстность этого молодаго человѣка, велѣлъ, уѣзжая, отнести къ нему всѣ подарки, которые получилъ онъ въ Аѳинахъ. Пребывая здѣсь нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и заботился о своихъ домашнихъ дѣлахъ, на сколько обязанъ рачительный отецъ семейства, и все остальное время посвящалъ или наукамъ, или аѳинской республикѣ, — тѣмъ не менѣе онъ исполнялъ свои обязанности относительно своихъ друзей въ Римѣ. Ибо онъ былъ въ ихъ собраніяхъ и никогда не отсутствовалъ, если шла рѣчь о дѣлѣ болѣе важномъ. Такъ напримѣръ, онъ оказывалъ Цицерону рѣдкую вѣрность во всѣхъ его опасностяхъ, и далъ ему 250,000 сестерціевъ, когда тотъ бѣжалъ изъ отечества. Но когда въ Римѣ все успокоилось, онъ переселился опять въ Римъ во время

консульства, какъ полагаю, Л. Котты и Л. Торквата. Все общество аѳинское такъ провело день его отъѣзда, что слезами выразило тоску будущей разлуки.

V гл.

Онъ имѣлъ дядю по матери, К. Цецилія, римскаго всадника, друга Л. Лукулла, человѣка богатаго, но весьма тяжелаго характера. Онъ относился такъ осторожно къ его суровости, что сохранилъ безъ неудовольствій до глубокой старости расположеніе человѣка, котораго никто не могъ переносить. Вслѣдствіе этого онъ получилъ награду за свою преданность: Цицилій умирая, усыновилъ его завѣщаніемъ и назначилъ наслѣдникомъ трехъ четвертей своего имущества. Изъ этого наслѣдства онъ получилъ около 10.000.000 сестерціевъ. Сестра Аттика была за мужемъ за К. Тулліемъ Цицерономъ; эту свадьбу устроилъ М. Цицеронъ, съ которымъ тотъ (Аттикъ) жилъ со времени соученичества въ самой тѣсной дружбѣ, и даже гораздо дружнѣе, чѣмъ съ Квинтомъ, изъ чего можно заключить, что въ дружбѣ сходство характера имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ родство. Онъ пользовался также искренней дружбой Гортензія, который въ то время занималъ первое мѣсто какъ ораторъ, такъ что нельзя было разобрать, кто его болѣе любилъ: Цицеронъ или Гортензій, и, что было всего труднѣе, онъ достигъ того, что между тѣми, у которыхъ шло такое соревнованіе славы, не было никакихъ происковъ унизить другъ друга и онъ служилъ связью между такими мужами.

VI гл.

Въ государственныхъ дѣлахъ онъ велъ себя такъ, что всегда былъ и считался принадлежащимъ къ справедливѣйшей партіи. Однако онъ не вдавался въ междоусобныя бури, будучи убѣжденнымъ, что предающіеся имъ не располагаютъ собою больше, чѣмъ тѣ, которые обуреваемы морскими волнами. Онъ не стремился къ почетнымъ должностямъ,

хотя онѣ ему были доступны какъ по причинѣ его популярности, такъ и достоинства,—потому что, при столь щедрыхъ подкупахъ для полученія почетныхъ должностей нельзя было занять ихъ, ни по обычаю предковъ, ни съ соблюденіемъ законовъ; также безопасно нельзя было удерживать ихъ за собою при испорченности нравовъ государства. При публичныхъ торгахъ онъ никогда не присутствовалъ. Ни въ какихъ дѣлахъ онъ не былъ порукой или подрядчикомъ. Онъ никого не обвинялъ ни отъ своего имени, ни какъ подписавшійся только. Въ судъ по своимъ дѣламъ онъ никогда не ходилъ и не имѣлъ никакой тяжбы. Предложенныя ему многими консулами и преторами префектуры онъ принималъ такъ, что не слѣдовалъ ни за кѣмъ въ провинцію, былъ доволенъ честью и презиралъ денежную прибыль. Онъ даже не пожелалъ отправиться въ Азію съ Квинтомъ Цицерономъ, хотя могъ занять при немъ мѣсто легата, ибо онъ полагалъ, что ему неприлично быть въ свитѣ претора, такъ какъ онъ не хотѣлъ принять претуры. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не только свое достоинство, но и спокойствіе, избѣгая даже подозрѣнія въ какомъ нибудь преступленіи. Вслѣдствіе этого его почтительная внимательность была для всѣхъ тѣмъ дороже, что видно было, что ее слѣдуетъ приписать расположенію, а не боязни или разсчету.

VII гл.

Когда ему было около 60 лѣтъ, началась междуусобная война Цезаря. Онъ воспользовался правомъ своего возраста и не удалился никуда изъ города. Въ чемъ только нуждались его друзья, отправлявшіеся къ Помпею, онъ давалъ все изъ собственнаго имѣнія. Самого Помпея, соединеннаго съ нимъ родствомъ, онъ не оскорбилъ, ибо не имѣлъ отъ него никакихъ почестей, какъ другіе, которые получали чрезъ него высшія должности и богатства, и часть которыхъ весьма неохотно слѣдовала за его лагеремъ, а часть оставалась дома къ величайшему его

неудовольствію. Неутралитетъ Аттика былъ такъ пріятенъ Цезарю, что, когда онъ, какъ побѣдитель, письменно требовалъ контрибуціи отъ частныхъ лицъ, то не только не безпокоилъ его этимъ, но даже даровалъ свободу сыну сестры его и К. Цицерону, принадлежавшимъ къ партіи Помпея. И такъ прежнимъ образомъ жизни онъ избѣжалъ новыхъ опасностей.

VIII гл.

Потомъ произошло слѣдующее. Когда, послѣ убійства Цезаря, республика, казалось, находилась во власти Брута и Кассія, и все государство обратилось къ нимъ, онъ былъ въ такихъ отношеніяхъ къ М. Бруту, что тотъ юноша ни съ однимъ ровесникомъ не былъ короче знакомъ, чѣмъ съ нимъ старикомъ и считалъ его лучшимъ не только для совѣта, но и для постояннаго общества. Нѣкоторые придумали, чтобы для убійцъ Цезаря римскіе всадники учредили частную кассу, что легко, какъ они полагали, можно было бы устроить, еслибы знатнѣйшіе изъ этого сословія внесли деньги. По этому обратился К. Флавій, другъ Брута, къ Аттику, чтобы онъ сталъ во главѣ этого предпріятія. Но такъ какъ этотъ полагалъ, что слѣдуетъ оказывать услуги друзьямъ, не придерживаясь никакой партіи, и удалялся всегда отъ подобныхъ предпріятій, то онъ отвѣтилъ: *если бы Бруту было угодно, воспользоваться его средствами, то можетъ пользоваться, на сколько они позволяютъ: но онъ (Аттикъ) не будетъ ни сноситься съ кѣмъ нибудь относительно этого дѣла, ни видѣться.* Такимъ образомъ та толпа соумышленниковъ была разсѣяна несогласіемъ его одного. Не много времени спустя, сталъ брать перевѣсъ Антоній, такъ что Брутъ и Кассій, отчаявшись получить тѣ провинціи, которыя имъ были даны консулами за убійство (Цезаря) отправились въ изгнаніе. Аттикъ, который не хотѣлъ вносить денегъ вмѣстѣ съ другими, пока та партія была сильна, послалъ Бруту, угнетенному судьбою, и удаляющемуся изъ Италіи,

100.000 сестерціевъ въ подарокъ; ему же, находясь въ отдаленіи отъ него, онъ велѣлъ выплатить въ Эпирѣ 300,000 сестерціевъ. Онъ тѣмъ не менѣе и угождалъ могущественному Антонію, и не оставлялъ лишенныхъ всякой надежды.

IX гл.

Послѣдовала война, веденная вблизи Мутины. Если бы я назвалъ его только осторожнымъ во время этой войны, то я похвалилъ бы его менѣе, чѣмъ долженъ, такъ какъ онъ оказался почти обладающимъ даромъ предвѣдѣнія, если можно назвать даромъ предвѣдѣнія постоянную природную доброту, которой никакія несчастія не тревожатъ, и не уменьшаютъ. Антоній былъ объявленъ врагомъ и удалился изъ Италіи, и не было для него никакой надежды поправить свои дѣла. Не только его личные враги, которые тогда были очень сильны и многочисленны, но и тѣ, которые присоединились къ его противникамъ, и, оскорбляя его, надѣялись извлечь изъ этого какую нибудь выгоду, преслѣдовали друзей Антонія, старались лишить его жену Фульвію всѣхъ средствъ и намѣревались даже убить его дѣтей. Хотя Аттикъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Цицерономъ и весьма расположенъ къ Бруту, однако не только не позволялъ имъ оскорблять Антонія, но напротивъ защищалъ по возможности его друзей, бѣгущихъ изъ города и помогалъ имъ всѣмъ, въ чемъ они нуждались. П. Волумнію онъ далъ столько, что и отъ отца нельзя было бы получить больше. Самой же Фульвіи, занятой тяжбами и удрученной большимъ страхомъ, онъ оказывалъ свои услуги съ такой заботливостью, что она никогда не являлась въ судъ безъ Аттика и онъ былъ ходатаемъ по всѣмъ ея дѣламъ. Еще больше: такъ какъ она во время благопріятныхъ обстоятельствъ купила помѣстье на опредѣленный срокъ (платежа) и, послѣ этого несчастія, не могла достать денегъ, то онъ предложилъ свое посредничество и далъ ей де

негъ взаймы безъ процентовъ и безъ всякихъ формальныхъ условій, считая самой главной выгодой для себя то, что выкажетъ себя признательнымъ и благодарнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ докажетъ, что имѣетъ обыкновеніе быть другомъ людей, а не ихъ положенія. Когда онъ такъ дѣйствовалъ, никто не могъ подумать, что онъ это дѣлаетъ подъ вліяніемъ обстоятельства, ибо никому не приходило на мысль, что Антоній завладѣетъ верховной властью. Однако нѣкоторые изъ аристократовъ тайно порицали его, что онъ, казалось, слишкомъ мало ненавидитъ дурныхъ согражданъ.

X гл.

Но Аттикъ руководствовался относительно того, что ему можно было дѣлать, болѣе своимъ собственнымъ разсудкомъ, нежели тѣмъ, похвалятъ ли это другіе. Вдругъ судьба перемѣнилась. Когда Антоній возвратился въ Италію, каждый полагалъ, что большая опасность угрожаетъ Аттику по причинѣ его тѣсной дружбы съ Цицерономъ и Брутомъ. Поэтому онъ оставилъ государственную службу при прибытіи императоровъ, опасаясь изгнанія и скрылся у П. Волумнія, которому онъ, какъ мы указали, не давно помогъ (таково было непостоянство судьбы въ то время, что то тѣ, то другіе были на высшей степени достоинства, или въ крайней опасности); онъ имѣлъ съ собою К. Геллія Кана, ровесника, весьма похожаго на него по образу мыслей. И это можетъ служить доказательствомъ добродушія Аттика, что онъ съ тѣмъ, съ кѣмъ познакомился въ дѣтскихъ играхъ, жилъ такъ дружно, что ихъ дружба возрастала до глубокой старости. Но хотя Антоній увлекался такою ненавистью къ Цицерону, что относился враждебно не только къ нему, но и ко всѣмъ его друзьямъ и хотѣлъ ихъ осудить на изгнаніе, однако, не смотря на совѣты многихъ, помнилъ услуги Аттика, и узнавши, гдѣ онъ находится, написалъ ему собственноручно: *чтобы онъ не боялся и тотчасъ пришелъ къ нему, и что онъ исклю-*

чилъ изъ числа осужденныхъ на изгнаніе его, *и ради него*, *Геллія Кана*. И такъ какъ это случилось ночью, то онъ послалъ ему конвой, чтобы онъ не подвергся опасности. Такимъ образомъ Аттикъ, въ опаснѣйшее время, былъ защитой не только себѣ, но и тому, кто былъ ему такъ дорогъ. Ибо онъ не просилъ у кого либо помощи для своего только спасенія, но вмѣстѣ и для своего друга, такъ что было очевидно, что онъ не желалъ для себя участи, которой бы тотъ съ нимъ не раздѣлялъ. Если превозносятъ похвалами кормчаго, который спасетъ корабль отъ бури и моря полнаго подводныхъ камней, то почему не считать не обыкновеннымъ благоразуміе того, кто вышелъ невредимымъ изъ столькихъ столь сильныхъ политическихъ бурь.

XI гл.

Какъ только онъ избавился отъ такихъ опасностей, то ни о чемъ болѣе не старался, какъ быть многимъ полезнымъ, чѣмъ только могъ. Когда чернь, побужденная наградами императоровъ, разыскивала осужденныхъ въ ссылку, никто не пришелъ въ Эпиръ, кому бы чего либо недоставало; никому не было отказано въ возможности остаться тамъ на всегда. Даже послѣ сраженія при Филиппахъ и смерти Кассія и М. Брута, онъ старался поддержать Л. Юлія Моциллу, эксъ-претора, и его сына, и Л. Авла Торквата и остальныхъ, пораженныхъ такимъ же несчастіемъ, и велѣлъ подвозить имъ все изъ Эпира въ Самоѳракію. Трудно и безполезно было бы все перечислять. Я желалъ бы только то одно уяснить, что щедрость его не была ни разсчитана по обстоятельствамъ, ни своекорыстна. Это можно заключить изъ самыхъ дѣлъ и тогдашнихъ обстоятельствъ, такъ какъ онъ не продавалъ себя тѣмъ, которые находились въ счастливыхъ обстоятельствахъ, но всегда спѣшилъ на помощь людямъ, удрученнымъ судьбою. Онъ оказывалъ не менѣе уваженія Сервиліи, матери Брута, послѣ его смерти, чѣмъ во время его процвѣтанія. Такимъ образомъ, будучи

щедрымъ, онъ не былъ ни съ кѣмъ во враждебныхъ отношеніяхъ, потому что и самъ никого не оскорблялъ и, если его оскорбляли. предпочиталъ забывать, а не мстить. Онъ же сохранялъ вѣчно въ памяти полученныя благодѣянія; но тѣ, которыя онъ самъ оказывалъ, помнилъ до тѣхъ поръ, пока получившій ихъ былъ благодаренъ. И такъ онъ сдѣлалъ то, что оказывается вѣрнымъ изрѣчіе: *судьба человѣка зависитъ отъ его характера.* Однако прежде, чѣмъ онъ устроилъ свою судьбу, онъ потрудился надъ самимъ собой, такъ какъ онъ остерегался, чтобы его въ чемъ нибудь справедливо не упрекнули.

XII гл.

Этимъ онъ достигъ того, что М. Випсаніи Агриппа, соединенный тѣсной дружбой съ молодымъ Цезаремъ—хотя. благодаря своей привлекательности и вліянію Цезаря, онъ могъ бы выбрать себѣ партію, какую бы захотѣлъ—охотнѣе выбралъ его родство и предпочелъ дочь римскаго всадника браку съ знатными. Сватомъ былъ (скрывать этого не слѣдуетъ) М. Антоній, тріумвиръ (назначенный) для управленія государствомъ. Хотя Аттикъ могъ увеличить свои владѣнія, пользуясь расположеніемъ послѣдняго, однако былъ такъ далекъ отъ корыстолюбія, что пользовался имъ (расположеніемъ) только для того, чтобы просьбами предотвратить опасности, или несчастія своихъ друзей, чему онъ показалъ блистательнѣйшій примѣръ во время самаго изгнанія. Ибо когда тріумвиры, слѣдуя обычаю, по которому тогда велись дѣла, продали имѣніе Л. Сауфея, римскаго всадника, сверстника его, который, побужденный любовью къ философіи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Аѳинахъ и имѣлъ дорогія имѣнія въ Италіи,—Аттикъ достигъ своимъ стараніемъ и ходатайствомъ того, что Сауфей былъ извѣщенъ однимъ и тѣмъ же вѣстникомъ о томъ. что онъ лишился своего отцовскаго имѣнія и получилъ его назадъ. Онъ также спасъ Л. Юлія Калида, относительно котораго, мнѣ кажется, можно справедливо утверждать,

что онъ былъ послѣ смерти Лукреція и Катулла, самымъ изящнымъ стихотворцемъ, котораго наше время произвело, и не менѣе того человѣкомъ добрымъ и знакомымъ съ изящными искусствами, и который въ своемъ отсутствіи, и послѣ проскрипціи всадниковъ, ради большихъ своихъ владѣній въ Африкѣ былъ записанъ П. Волуминіемъ, военнымъ начальникомъ мастеровыхъ Антонія, въ число осужденныхъ на изгнаніе. Что въ то время было для него болѣе затруднительнымъ или болѣе славнымъ, трудно рѣшить, такъ какъ видно изъ судебныхъ дѣлъ этихъ (мужей), что для Аттика отсутствующіе друзья были, не менѣе присутствующихъ, предметомъ заботы.

XIII гл.

Впрочемъ этотъ мужъ былъ не менѣе хорошимъ отцемъ семейства, чѣмъ гражданиномъ. Ибо, хотя онъ былъ богатъ, но никто не былъ менѣе его охотникомъ покупать или строить. Однако онъ жилъ отлично и имѣлъ всѣ наилучшія вещи, такъ какъ онъ занималъ Тамфиловъ домъ на Квиринальскомъ холмѣ, оставшійся ему въ наслѣдство послѣ дяди по матери,— прелесть этого дома состояла не въ зданіи, а въ паркѣ. Самый же домъ, построенный въ старинномъ вкусѣ выказывалъ болѣе изящества, чѣмъ пышности, и онъ въ немъ ничего не измѣнялъ, развѣ если былъ принужденъ это сдѣлать по причинѣ ветхости. Его прислуга была превосходна, если судить о ней по пользѣ, и едва посредственна—если судить по внѣшнему виду: ибо между ними были слуги весьма грамотные, очень хорошіе чтецы и много переписчиковъ книгъ, такъ что у него не было даже ни одного служителя, который не могъ бы хорошо дѣлать чего нибудь изъ этого. Такимъ же образомъ были хороши и прочіе художники, которые необходимы въ домашнемъ быту. И онъ не имѣлъ ни одного между ними, который не былъ бы рожденъ и воспитанъ въ его домѣ: что служитъ доказательствомъ не только его воздержности, но и дѣятельности. Ибо, съ одной стороны не имѣть не-

умѣренныхъ желаній, какія ты видишь у большей части людей, есть черта воздержнаго человѣка; а съ другой, пріобрѣтать что нибудь скорѣе трудомъ, чѣмъ за деньги, есть доказательство необыкновенной дѣятельности. Онъ былъ изященъ, но не пышенъ; блистателенъ, а не роскошенъ; онъ заботился со всѣмъ стараніемъ объ опрятности, а не объ излишествѣ. Домашней утвари у него было ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много, такъ что незамѣтно было ни скупости, ни расточительности. Не умолчу и объ этомъ, хотя я полагаю, что это нѣкоторымъ можетъ показаться маловажнымъ: не смотря на то, что онъ былъ весьма знатный римскій всадникъ, и очень охотно приглашалъ въ свой домъ лица всѣхъ сословій, — однако мы знаемъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе истрачивать—по записной книгѣ—на расходы не болѣе, чѣмъ по 3,000 ассовъ равномѣрно каждый мѣсяцъ. Мы упоминаемъ объ этомъ не по слухамъ, а положительно зная, такъ какъ мы, по причинѣ тѣсной дружбы, часто присутствовали при его домашнихъ дѣлахъ.

XIV гл.

Никто не слышалъ у него на пиршествѣ другаго увеселенія, какъ только чтеца, что мы почитаемъ весьма пріятнымъ. И никогда у него не пировали безъ какого либо чтенія, такъ что гости находили не менѣе удовольствія для души, какъ и для тѣла, ибо онъ приглашалъ къ обѣду тѣхъ, чей образъ мыслей сходился съ его собственнымъ. Когда послѣдовало такое значительное приращеніе его имѣнія онъ ничего не перемѣнилъ въ ежедневномъ быту, ничего въ образѣ жизни, и наблюдалъ умѣренность въ такой степени, что жилъ умѣренно при 2,000,000 сестерціевъ, полученныхъ отъ отца, и при 10,000,000, онъ жилъ не роскошнѣе, чѣмъ какъ еще прежде принялъ себѣ за правило и остался одинаковымъ въ томъ и другомъ положеніи. Онъ не имѣлъ ни садовъ, ни роскошной подгородной или приморской дачи, ни имѣній въ Италіи, кромѣ мы-

зы при городѣ Ардеѣ и при Номентанѣ, и всѣ его денежные доходы заключались во владѣніяхъ въ Эпирѣ и въ городѣ. Изъ этого можно заключить, что онъ привыкъ соразмѣрять свои издержки не съ количествомъ денегъ, а съ благоразуміемъ.

XV гл.

Онъ не говорилъ неправды и не могъ ея переносить. По этому его ласковость была не безъ строгости, и его положительность не безъ снисходительности, такъ что трудно было бы рѣшить, питаютъ ли къ нему его друзья болѣе уваженія, или любви. Чего бы у него ни просили, онъ обѣщалъ только обдуманно, потому что онъ считалъ не великодушнымъ, а легкомысленнымъ, обѣщать то, чего нельзя сдержать. Онъ былъ такъ старателенъ въ стремленіи къ исполненію того, что разъ обѣщалъ, что казалось, онъ занимается своимъ собственнымъ дѣломъ, а не порученіемъ. Никогда ему не наскучалъ принятый на себя трудъ, ибо онъ полагалъ, что отъ того зависитъ доброе имя его, которое онъ цѣнилъ выше всего; вслѣдствіе чего произошло, что онъ управлялъ дѣлами М. и К. Цицерона, Катона, Марія, К. Гортензія, Авла Торквата и еще многихъ другихъ всадниковъ. Изъ этого можно было заключить, что онъ избѣгалъ государственной службы не по лѣности, а по благоразумію.

XVI гл.

Относительно пріятности его обращенія не могу привести лучшаго доказательства, чѣмъ то, что онъ въ юности былъ весьма пріятенъ старцу Суллѣ, а въ старости юношѣ М. Бруту; съ своими же ровесниками, К. Гортензіемъ и М. Цицерономъ онъ жилъ такъ, что трудно рѣшить, какому возрасту онъ болѣе соотвѣтствовалъ. Конечно Цицеронъ любилъ его чрезвычайно, такъ что даже братъ его Квинтъ не былъ ему дороже или ближе. Кромѣ тѣхъ книгъ, въ которыхъ Цицеронъ о немъ упоминаетъ и которыя уже изданы, объ этомъ свидѣтельствуютъ 16 книгъ писемъ, написанныхъ имъ къ Аттику, начи-

ная отъ его консульства до конца его жизни. Кто ихъ прочтетъ, тотъ не очень пожелаетъ связной исторіи того времени, ибо такъ изложено тамъ все относительно предпріятій главныхъ дѣятелей, недостатковъ вождей и переворотовъ въ государствѣ, что все въ нихъ ясно; и легко можно придти къ заключенію, что благоразумiе нѣкоторымъ образомъ есть даръ предвѣдѣнія. Ибо Цицеронъ предсказалъ не только то, что исполнилось при его жизни, но предвѣщалъ, какъ оракулъ и такія вещи, которыя теперь сбываются.

XVII гл.

Что́ же мнѣ еще сказать о любви Аттика къ роднымъ? Когда я слышалъ, какъ онъ самъ справедливо хвалился при погребеніи своей матери, которую онъ похоронилъ на девяностомъ году ея жизни, между тѣмъ какъ ему было 67 лѣтъ, *что онъ никогда не мирился съ матерью* (никогда не давалъ повода къ ссорѣ), *и никогда не жилъ во враждѣ съ сестрою*, которая была почти его ровесница. Это можетъ служить доказательствомъ того, что или между ними никогда не было повода къ жалобѣ, или что онъ былъ такъ добръ къ своимъ роднымъ, что считалъ грѣхомъ гнѣваться на тѣхъ, кого онъ обязанъ былъ любить. И онъ такъ поступалъ не только по природному чувству,—хотя мы всѣ ему повинуемся,—но и на основаніи своихъ философскихъ взглядовъ. Ибо онъ такъ уразумѣлъ ученія главныхъ философовъ, что онъ пользовался ими для примѣненія въ дѣйствительной жизни, а не для хвастовства.

XVIII гл.

Онъ былъ также весьма ревностнымъ подражателемъ отцовскихъ обычаевъ и почитателемъ древности, съ которой такъ тщательно познакомился, что изложилъ ее всю въ той книгѣ, въ которой исчислилъ по порядку начальствовавшихъ лицъ. Ибо нѣтъ ни закона, ни мирнаго договора, ни войны, ни знаменитаго подвига римскаго народа, о ко-

торыхъ не было бы упомянуто въ свое время въ этомъ сочиненіи; и—что́ было весьма трудно—онъ составилъ такую родословную книгу, что изъ нея можемъ узнать происхожденіе знаменитыхъ мужей. Онъ сдѣлалъ тоже самое отдѣльно и въ другихъ книгахъ, какъ напримѣръ, по просьбѣ М. Брута, онъ исчислилъ по порядку родъ Юнія отъ начала до нашего времени, отмѣчая, кто отъ кого родился, какія почетныя должности и въ какое время занималъ; такимъ же образомъ, по желанію Марцелля Клавдія (онъ написалъ родословную) Марцелловъ, по желанію Сципіона Корнелія и Фабія Максима — Корнеліевъ, Фабіевъ и Эмиліевъ. Ничто не можетъ быть пріятнѣе этихъ книгъ для тѣхъ, кто имѣетъ желаніе познакомиться съ знаменитыми мужами. Онъ также занимался слегка и поэзіей; полагаю, для того, чтобы не лишить себя ея прелести. Ибо онъ такъ описалъ въ стихахъ тѣхъ римлянъ, которые превзошли прочихъ согражданъ достоинствомъ и величіемъ своихъ подвиговъ, что подъ изображеніемъ каждаго, онъ изложилъ его дѣянія и должности не болѣе, чѣмъ въ четырехъ или пяти стихахъ, хотя едва можно повѣрить, чтобы возможно было такъ кратко изложить такія важныя дѣла. Существуетъ еще одна книга, написанная на греческовъ языкѣ о консульствѣ Цицерона.

XIX гл.

До сихъ поръ было мною написано при жизни Аттика. Теперь же, такъ какъ судьба захотѣла, чтобы я его пережилъ, разскажу остальное, и — насколько буду въ состояніи—укажу читателямъ примѣрами изъ дѣйствительности, *что по большей части характеръ составляетъ счастіе человѣка, какъ мы выше выразили.* Ибо онъ, довольный сословіемъ всадника, въ которомъ родился, дошелъ до родства съ сыномъ божественнаго императора Юлія. Онъ уже прежде пріобрѣлъ его расположеніе ничѣмъ другимъ, какъ только прекраснымъ образомъ жизни,

которымъ привлекъ къ себѣ и прочихъ начальниковъ государства, равныхъ по достоинству, но низшихъ по счастію- Ибо такое счастіе сопровождало Цезаря, что судьба не отказала ему ни въ чемъ, чѣмъ прежде кого нибудь надѣлила, и предоставила ему то, чего ни одинъ римскій гражданинъ не могъ до сихъ поръ достигнуть. У Аттика родилась внучка отъ Агриппы, за котораго онъ выдалъ свою дочь, дѣвицу. Когда ей едва исполнился одинъ годъ, Цезарь обѣщалъ ее Тиберію Клавдію Нерону, сыну Друзиллы, своему пасынку, и этотъ союзъ укрѣпилъ ихъ дружбу и сдѣлалъ взаимныя сношенія болѣе частыми.

XX гл.

Хотя онъ и до этого сговора, не только, будучи въ отдаленіи отъ города, никогда не посылалъ писемъ къ кому либо изъ своихъ не извѣщая Аттика о томъ, что̀ дѣлаетъ, и особенно, что́ читаетъ, и къ какихъ мѣстахъ и сколько времени пробудетъ; но даже, находясь въ городѣ, и по причинѣ своихъ безчисленныхъ занятій рѣже, чѣмъ желалъ бы, пользуясь обществомъ Аттика,—не пропускалъ однако даромъ ни одного дня, когда бы не написалъ къ нему то спрашивая его о чемъ нибудь изъ древности, то предлагая ему какой нибудь вопросъ, относящійся къ поэзіи; иногда, шутя выманивалъ у него многорѣчивое письмо. Вслѣдствіе этого по увѣщанію Аттика Цезарь велѣлъ возобновить храмъ Юпитера Феретрія, когда этотъ храмъ, основанный Ромуломъ на Капитоліѣ, и по причинѣ старости и нерадѣнія, лишенный крыши, разрушался. Тѣмъ не менѣе Антоній, находясь въ отлучкѣ, чтилъ его письмами въ такой степени, что изъ отдаленнѣйшихъ странъ обстоятельно извѣщалъ Аттика, что дѣлаетъ и чѣмъ занимается. Какъ важно это обстоятельство, легче пойметъ тотъ, кто съумѣетъ оцѣнить, сколько нужно ума, чтобы сохранить связь и расположеніе тѣхъ, между которыми существовало не только соревнованіе изъ-за верховной власти, но еще такая сильная

зависть, какая необходимо должна была возникнуть между Цезаремъ и Антоніемъ, такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ быть не только повелителемъ Рима, но всего міра.

XXI гл.

Когда онъ такимъ образомъ окончилъ 77 годъ жизни, и до глубокой старости не менѣе возрасталъ достоинствомъ, чѣмъ вліяніемъ и богатствомъ—ибо онъ получилъ нѣсколько наслѣдствъ только по причинѣ кротости своего характера, а пользовался столь счастливымъ состояніемъ здоровья, что въ продолженіи 30 лѣтъ не нуждался въ лѣкарствѣ,—онъ получилъ болѣзнь, которою въ началѣ и онъ самъ, и лѣкари пренебрегали, ибо считали ее тенезмомъ, отъ чего прописивались ему скоро и легко дѣйствующія средства. Когда онъ въ этомъ состояніи провелъ три мѣсяца безъ всякихъ страданій, кромѣ тѣхъ, которыя переносилъ вслѣдствіе лѣченія, вдругъ такая сила болѣзни обнаружилась въ нижней кишкѣ, что въ послѣднее время гнойный нарывъ прорвался около поясницы. Но прежде, чѣмъ это съ нимъ случилось, онъ—чуствуя, что боли со дня на день усиливаются, и лихорадочные припадки присоединяются — велѣлъ къ себѣ пригласить Агриппу, зятя и вмѣстѣ съ нимъ Л. Корнелія Бальба и Секста Педуція. Когда онъ увидѣлъ, что они пришли, онъ сказалъ, опираясь на локоть: *сколько я въ это время употребилъ стараній и заботъ для поддержанія здоровья, не нужно подробно разсказывать, потому что я васъ имѣю свидѣтелями. Такъ какъ я въ этомъ отношеніи какъ надѣюсь, исполнилъ свой долгъ и ничего не оставилъ безъ вниманія, что относится къ возстановленію моего здоровья то остается мнѣ самому позаботиться о себѣ. Я не хотѣлъ, чтобы вы объ этомъ не знали, ибо я рѣшился перестать поддерживать болѣзнь, такъ какъ всею тою пищею, которую я принималъ въ продолженіи этихъ дней, я поддерживалъ жизнь, какъ бы для того, чтобы усиливать страданія безъ надежды на выздоровленіе. По*

этому я васъ прошу прежде всего, чтобы вы одобрили мое рѣшеніе, а потомъ чтобы вы напрасно не пытались отговаривать меня.

XXII гл.

Сказавши эту рѣчь такимъ твердымъ голосомъ, и съ такимъ выраженіемъ лица, что казалось, какъ будто бы онъ не оставлялъ жизни, а переходилъ изъ одного дома въ другой, между тѣмъ, какъ Агриппа со слезами и поцѣлуями просилъ и умолялъ его, чтобы *онъ самъ не ускорялъ того, чего требуетъ сама природа, и поберегъ себя для самаго себя и для своихъ родныхъ, такъ какъ и въ такомъ положеніи онъ можетъ еще жить*,—онъ (Аттикъ) положилъ конецъ его просьбамъ своей молчаливой непоколебимостью. Когда онъ такимъ образомъ воздерживался два дня отъ пищи, вдругъ лихорадка оставила его и болѣзнь стала дѣлаться легче. Тѣмъ не менѣе онъ исполнилъ свое намѣреніе и такъ скончался на пятый день послѣ того, какъ принялъ такое рѣшеніе 31-го марта —во время консульства Гнея Домиція и К. Созія. Вынесли его, какъ самъ онъ распорядился, на носилкахъ, безъ всякой погребальной пышности, въ сопровожденіи всѣхъ знатнѣйшихъ особъ и при величайшемъ стеченіи народа. Похороненъ онъ былъ возлѣ аппіевой дороги, у пятого столба, въ гробницѣ К. Цицилія, дяди его по матери.